

ПЕСНЯ
МОРЯКА

КЕН КИЗИ

ОТ АВТОРА КУЛЬТОВОГО РОМАНА
«НАД КУКУШКИНЫМ ГНЕЗДОМ»

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Кен Кизи
Песня моряка
Серия «Интеллектуальный
бестселлер»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132507
Песня моряка / Кен Кизи: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-65314-0

Аннотация

«Песню моряка» Кизи написал после многолетнего молчания – и это возвращение в литературу было поистине триумфальным. С блестящим мастерством и неповторимым сарказмом он рисует гротескный, причудливый мир и населяет его героями, чьи судьбы глубоко трогают читателя.

Содержание

1. Грезы о Джине с мутной субстанцией	6
2. Уходящая во тьму история свиней и тряпка, пропитанная ромом	23
3. «Чернобурка» наносит удар	41
4. Страдающие дамочки, демоны из прошлого и яхты из будущего	76
5. Полоска никчемной земли, вставшая костью в горле	89
6. Приглашайте же нас на свои безрассудства	122
7. Во имя глаз твоих огня	161
8. Не снижай обороты, чтобы застать их врасплох	204
Конец ознакомительного фрагмента.	216

Кен Кизи

Песня моряка

Ken Kesey
SAILOR SONG

Copyring © Ken Kesey, 1992
All right reserved

© Ланина М., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

*Посвящается Фей,
надежной мачте в ревущих волнах,
путеводной звезде во мраке,*

моему товарищу по плаванию

*И Христос был мореходом,
По волнам бродя как посуху,
И увидел Он сквозь воды,
Раздвигаемые посохом,
Что лишь очи утопающих
Видят лик Его светлейший,
И велел Он начинающим
Воды бороздить в дальнейшем
И сказал: «Пока свободу
Не найдет в пучине,
Заповедую по водам
Плыть вперед мужчине».*

Леонард Козн

1. Грезы о Джине с мутной субстанцией

Когда все это началось, Аик Соллес спал поблизости, всего лишь чуть-чуть опережая время, в своей красной алюминиевой «Галактике». Это было лучшее время, это было худшее время, но и этим ничего не сказано.

Ему снилась его бывшая жена Джина и то, какой она была красивой тогда во Фресно, в то чистое, простое время еще до рождения ребенка и движения Мстителей.

Прежде чем наступило десятилетие, получившее название Мерзкие Девяностые.

В этом сне Аик только что вернулся с работы, закончив колдовать над дросселями, и застал Джину завтракающей нагишом в лучах утреннего солнца. За окном были видны эмигранты, возделывавшие поля, и блеск поднимавшихся и опускавшихся мотыг. В шелковистом утреннем воздухе все еще висела легкая дымка.

На лице платиновой секс-бомбы Джины написано удовлетворение. Она постоянно утверждала, что больше всего любит этот закуток на кухне, за исклю-

чением, конечно же, койки. Джина, Джина...

Она читает вслух бабушкину Библию в переплете из мягкой белой оленьей кожи. На носу у нее очки, волосы завиты, на голове шляпка вроде той, в которой щеголяла Салли Филд¹ в «Летучей монахине».

Монашеская шляпка, темные очки и впечатляющий водопад платиновых волос, ниспадающих на обнаженные плечи, словно полотняная мантилья, соперничающая своей белизной с обложкой Библии. И больше ничего.

Айк видит, как у нее шевелятся губы, но слышит лишь отдаленный гул кукурузников и еще более отдаленный придушенный крик.

И внезапно эта картинка предстает перед ним в комическом виде: среднеамериканская кухня, налет религиозности и сосок Джины, которым она чуть ли не водит по строчкам. Что-то смехотворно-оскорбительное есть в этой сцене, словно издевка.

И чтобы не рассмеяться во сне, он начинает кричать на свою жену: «Или одевайся, или ложись в постель! И убери эту дурацкую книгу, и сними эту идиотскую шляпу – это же смешно!»

Но похоже, она тоже его не слышит под своим солнечным куполом и не оборачивается. Она слюнит палец, переворачивает страницу, и ее губы опять на-

¹ Известная американская киноактриса.

чинают шевелиться. И Айку снова кажется, что над ним издеваются. Он опять принимается кричать, но его оскорбления отскакивают от ее купола, как легкие градинки. Он смотрит на книжную полку, где зияет расщелина, оставленная вынудой Библией, и вытаскивает «Моби Дика» в кожаном переплете. Одним движением он выхватывает его с верхней полки и запускает в Джину. Звук глухого удара, и яркая картинка сереет, словно погрузившись под воду. Залитая солнцем кухня во Фресно превращается в морозный рассвет в древнем трейлере на Аляске много лет спустя. Откуда-то сквозь мглу до него снова доносится полупридушенный женский крик. А потом наступает тишина.

– Смешно, – произносит Аик вслух.

Он поворачивается и смотрит на будильник, стоящий на столе рядом с лежанкой. До встречи с Гриром остается еще масса времени. Но только он закрывает глаза, чтобы обдумать свой сон, как что-то ударяется о трейлер совсем рядом и абсолютно реально. Холодный воздух врывается в легкие, и Аик выпрастывает руку из спального мешка в поисках Тедди. Тедди – это револьвер 22-го калибра, который он держит под постелью.

– Грир? – Звук дыхания в полной тишине. – Это ты, напарник? Марли? Марли, кретин, это ты?

Звуки ударов затихают. Он сжимает теплую руко-

ять и осторожно подбирается к окну над лежанкой. Но оно слишком грязное, чтобы через него можно было что-нибудь рассмотреть. Он нащупывает алюминиевую скобу и чуть приподнимает раму. Удары возобновляются прямо под окном.

Сжав рукоять револьвера, он расстегивает коленями спальный мешок до конца и спускает ноги на пол.

– Грир? Марли?

Нет ответа. Он видит темное пятно половика из овечьей шерсти перед газовым обогревателем. Доходяга Марли спит мертвецким сном и столь же бесчувственен к проявлениям внешнего мира, как и призрак, в честь которого назван². А Грир наверняка где-нибудь пьянствует или «рыбачит», как он это называет. Редкое занятие по нынешним временам. С тех пор как комитет по борьбе со СПИДом при ООН внедрил в сознание современников, что единственной причиной заболевания является грязный член, похоже, он лишил их всяческих потребностей. Мужские страсти остыли и уже больше не возгорались. На Грира это, впрочем, не распространялось. То ли он пропустил это пропагандистское десятилетие, проведя его в джунглях Ямайки, то ли обладал таким сластолюбием и такой твердолобой козлиной силой, что всю эту идеологию в гробу видал.

² Марли – призрак из «Рождественских историй» Ч. Диккенса.

Айк на ощупь движется вдоль холодной металлической переборки трейлера, обходит спящую собаку и наконец находит свой фонарик. Он снимает его со стены и засовывает за эластичный ремень своего термообогревателя. Он делает глубокий вдох и резко распахивает дверь трейлера. Револьвер он держит наготове в правой руке, левой выхватывает фонарик из-за пояса и бесшумно крадетсЯ с видом профессионального стрелка незапамятных времен. То, что предстает взору, заставляет его застыть со все еще взведенным курком.

И ему снова кажется, что над ним издеваются.

Тварь, скорчившаяся у основания алюминиевой лестницы, при звуке распахнувшейся двери встает на задние лапы и становится ростом с ребенка. Идеальный размер для демона. На глазах потрясенного Айка она начинает медленно вальсировать на задних лапах, покачивая передними, словно бессовестно приглашая его присоединиться. Туловища у твари как бы и вовсе нет – лишь тяжело пульсирующий темный провал под костлявой грудью. Лапы похожи на две сломанные палки, покрытые струпьями и кровью. Длинный тощий хвост вертится, как у ящерицы, взад-вперед, поддерживая равновесие.

Но от чего у Айка действительно прилипает язык к небу, так это голова несчастной твари. От плеч и выше

маячит абсолютно гладкая, голая и безукоризненно ровная болванка. Айк моргает глазами, чувствуя себя отчасти реабилитированным. Это не сон, эта грязная тварь существует на самом деле. На самом деле! Вот оно, адское отродье, вызванное к жизни человеческой деятельностью, прямо перед ним – результат вмешательства в ту сферу, которую, как утверждал Клод Рейнс в своем классическом ужастике «Человек-невидимка», «люди должны оставить в покое».

Когда наконец Айк находит переключатель фонарика, выясняется, что освещенная тварь производит еще более жуткое впечатление. Голова у нее и вправду гладкая и ровная, как хромированная поверхность, но в луче фонарика выясняется, что за стеклом различима морда, дергающаяся словно в какой-то дорожной слизи. Нечеловеческая мерзость, которую хочется размозжить! Но в тот самый момент, когда тварь оказывается на прицеле, она вдруг совершает немислимый пируэт, и на затылочной части цилиндрической головы Айк видит обрывок наклейки:

ЛУЧШАЯ ПИЦЦА НАСТОЯЩИЙ МАЙОНЕ БЕЗ ХОЛЕ

– Черт! Да это же дикая кошка! Кошка, у которой башка застряла в майонезной банке.

На звук голоса кошка поворачивается обратно, продолжая раскачиваться из стороны в сторону с закинутой назад головой. Похоже, это единственное положение, при котором воздух может просачиваться в банку.

– Ну ты попалась, подруга. – Айк откладывает револьвер и опускается на одно колено. – И давно ты так? Дай-ка я-а-а-а!

Животное вцепляется в протянутую руку всеми четырьмя лапами, сдирая кожу от локтя до кончиков пальцев. Айк изрыгает ругательство и отшвыривает тварь, но та тут же вскакивает и снова бросается на него. Он опять отшвыривает ее в сторону и на этот раз успевает оседлать. Он прижимает ее к усеянной ракушками земле, схватив за скользкую шерсть, и поднимает фонарик как дубинку для глушения рыбы. Но зверь недвижим, то ли лишившись сознания после последнего удара, то ли доведенный до изнеможения своими приступами ярости. Смягчившись, Айк опускает фонарик и начинает осторожно постукивать им по ободку банки, пока та не дает трещину. Вязкое содержимое удерживает осколки, и он медленно разводит их в разные стороны, словно помогая птенцу вылупиться из яйца.

Распухшая голова уже приняла форму банки: клыки прорезали губы, прижимавшиеся к стеклу, уши приклеились к деформированному черепу. Краем фона-

рика Айк снимает осколки, сначала очищая пасть, а потом ноздри. В течение всей этой процедуры кошка лежит абсолютно неподвижно, судорожно вдыхая воздух. Когда морда становится чистой, Айк ослабляет хватку, чтобы счистить прогорклую смесь с глаз. Но как только кошка чувствует себя свободной, она снова бросается в атаку, на этот раз вцепляясь в руку Айка не только когтями, но и зубами.

– Ах ты чертов слизняк! – Айк отбрасывает кошку, но та мгновенно вскакивает и опять напрыгивает на него. Айк пинает ее, но недостаточно сильно, и она, вцепившись в ногу, начинает карабкаться вверх. Оторвав от себя, он опять швыряет ее на землю, кошка пытается вскочить, но на этот раз Айк, как заправский футболист, ударяет ногой по скользкому комку. Кошка, кувыряясь, с визгом летит по ракушкам, пока не оказывается на лапах и не продолжает движение уже на собственных конечностях – мимо баллонов с газом, через папоротники, по валунам в сторону сосен. Камень, который разъяренный Айк запускает ей вслед, пробуждает в кустарнике трио ворон, которые начинают кружиться в воздухе, хрипло понося кошку. Айк предоставляет им завершить начатое и приваливается к столбу, стараясь справиться с одышкой.

И тут, словно это очередной кадр в затянувшейся череде трюков, доносится крик. Уже не кошачий. Едва

различимый, полупридушенный голос раздается совсем с другой стороны, и на этот раз Айк не сомневается, что он принадлежит женщине.

– Кто-нибудь, пожалуйста, помогите!

Похоже на голос Луизы Луп. Айк, нахмурясь, прислушивается. Мужские представители этого семейства славились бузотерством – они любили поорать, помахать кулаками и попыхтеть, как свиньи, которых разводили, особенно после того, как им удавалось одержать крупную победу в шары у Папаши Лупа. Но Айк не припоминал, чтобы накануне проводился какой-нибудь значительный турнир, уже не говоря о том, что он никогда не слышал таких криков от Луизы. Она всегда вела себя несколько развязно, что выдавало в ней простушку, но вульгарной никогда не была.

– Кто-нибудь, помогите, пожа...

Крик внезапно оборвался. Айк затаил дыхание. Вокруг стояла рассветная тишина. Лишь с отмели доносился вой ревуна да каркали вороны, продолжавшие преследовать кошку. Больше ничего. Он прислушивался, не дыша, целую минуту, которая показалась ему вечностью. Потом вздохнул и понял, что придется поехать проверить, в чем дело.

Айк обходит трейлер и видит, что его фургон исчез. Вместо него стоит старый джип его напарника.

– Черт бы тебя побрал, Грир.

Похрустывая ракушками, он подходит к облаченной в саван машине и откидывает брезент. Сиденья покрыты изморозью.

Айк начинает заводить мотор. Пять раз подряд, потом перерыв, – главное не переборщить, – повторяет он про себя. Еще пять раз и снова перерыв. На последнем издыхании аккумулятора цилиндры с недовольством оживают. Так и не разогрев двигатель, Айк спускается вниз.

Пытаясь сберечь сдыхающий аккумулятор, он не зажигает фар, ориентируясь по запаху. С обеих сторон маячат горы тлеющего мусора, напоминающие миниатюрные вулканы, мерцающие оранжевыми, зелеными и голубыми огоньками. Свалка горит уже не одно десятилетие. Народ был уверен, что она наконец-то погаснет в страшную зиму 93-го, но когда июньское солнце растопило толщу льда, в магме отходов снова затеплились зловонные языки пламени.

Айк выпячивает верхнюю губу и старается дышать сквозь усы, фильтруя воздух. Обычно свалка не вызывает у него никакого раздражения; она отгораживает его от остальных обитателей городка. Однако в последнее время на ней стали все чаще сжигать конфискованные плавные сети в основном с китайской кукумарией, которая воняла, как полуразложившиеся трупы.

Айк с такой скоростью проносится рядом с последней кучей, что чуть не проскакивает мимо семейной склоки, вызвавшей горестные женские крики. В одном из многочисленных проходов свалки он замечает смутный силуэт своей «Хонды» с распахнутыми дверцами, в свете фар которой виден клубок человеческих тел.

Айк резко тормозит и, мигая фарами, дает задний ход. Он разворачивает джип и в свете фар видит следующую арабеску: над распахнутой задней дверцей фургона высится обнаженное тело Луизы Луп. Ее круглое белое лицо, как воздушный шарик, глупо маячит над вздымающимися грудями – три мерцающие сферы, как реклама порнографических лавок на Мясной улице. Потом сферы исчезают, и Айк видит обнаженную мужскую спину. Мускулистые плечи напряжены и столь же белоснежны, как Луизины груди.

– Эй, отпусти ее!

Айк выходит из машины, оставляя двигатель работать на холостом ходу. Держа перед собой фонарик, словно пику, он пробирается сквозь мусор и, лишь вплотную подойдя к паре, осознает всю мощь плеч и спины, что заставляет его вспомнить о револьвере, оставленном на ступеньках трейлера.

– Эй, отпусти ее!

Мужчина, похоже, не слышит. Айк не видит его ли-

ца, но не сомневается в том, что тот пьян и придется вступать с ним в потасовку.

– Эй! – Он захватывает обнаженный локоть. – Отпусти девушку, пока ты ее не задушил! Отпусти!

Тело у мужика липкое и скользкое, но Айк не ослабляет хватки до тех пор, пока тот не начинает выходить из транса. Плечи его расслабляются, он перестает трястись. Не отнимая рук от горла женщины, он медленно поворачивает голову, и в луче света Айку предстает морда не менее чудовищная, чем та, что с его помощью вылупилась из майонезной банки. Брови и ресницы отсутствуют. Глаза и губы цвета лососевой икры. Фарфоровый лоб обрамлен еще более светлой гривой волос.

– Господи! – отшатывается назад Айк. – Господи Иисусе!

– Извини, старик, ты обознался – меня зовут иначе, – бормочут лососевые губы, и мужик деловито возвращается к своему занятию. – К тому же она не девушка, а моя жена, ха-ха-ха, – игриво добавляет он после некоторого размышления.

Тон, которым это сказано, настолько пробивает Айку, что он даже забывает о том, что на его глазах пытаются задушить женщину. Как ему знакома эта псевдосерьезность, за которой таится издевка. Он довольно наслушался за решеткой таких как бы доверитель-

ных разговоров, типа «Старик, я тащусь – нашим нравится». Значит, снова придется его оттаскивать. Айк кладет фонарик на землю и, вцепившись обеими руками в длинную гриву мужика, выкручивает ее до тех пор, пока тот не поворачивается на сто восемьдесят градусов. После чего выполняет бросок через плечо, и длинное тело, рыбкой пролетев у него над головой, шмякается на мусор, как мокрая тряпичная кукла. Айк разжимает руки и выпрямляется. Из дымящихся укрытий появляется несколько любопытных свиней, изнемогающих от непреодолимого желания изучить останки: уж что-что, а это им хорошо известно – когда что-то с такой силой падает на землю, зачастую оно оказывается вполне съедобным. Айк ловит себя на мысли, что хорошо бы мужик был мертв.

Тот, однако, переворачивается и поднимается на четвереньки. В мерцающем свете фар он выглядит неожиданно беспомощным и хрупким, как гриб. Мышцы у него снова начали дрожать и уже не производят никакого впечатления. Он встает на колени и складывает в мольбе свои длинные белые руки.

– Пожалуйста, не бей меня больше, я уже очухался. Ты же знаешь, как это бывает. – Губы его раздвигаются в улыбке, которая уже не таит в себе никакой издевки. – Сорвался. Ты же знаешь: возвращаешься через много лет... идешь пешком, воображая, как это

будет – она ждет у окна, на глазах блестят слезы... вместо этого застаешь ее на свалке, трахающейся с каким-то мудаком... ну, у меня крышу и сорвало. Но теперь отлегло. Так что не надо меня больше бить.

– Я тебя и не бил.

– Все равно больше не надо. Прости. О'кей?

Мужик, сжав руки, продолжает стоять на коленях, и Айк смущенно смотрит на него сверху вниз. Раскаяние выглядит таким наигранным, что поверить в него чрезвычайно трудно.

– О'кей, забыли. Вставай.

Но мужик не поднимается. Он продолжает стоять на коленях и изображает раскаяние. Свины сочувственно похрюкивают на расстоянии. Айк слышит, как за его спиной начинает чихать мотор джипа, потом окончательно глохнет, и тусклые фары быстро гаснут. Где-то поблизости каркает ворона. Затем вдали раздается скрип двери дома Лупов, и до Айка доносится звук шагов. Он робко надеется, что, может быть, это Грир выбирается из своего укрытия после того, как опасность миновала. Но порыв ветерка, разгоняющего на мгновение дым, убеждает его, что это не Грир. Это Папаша Луп. Его походку боулера не спутаешь ни с чем. Омар Луп всегда целенаправленно передвигается в полусогнутом состоянии, словно готовясь нанести последний сокрушительный удар и выиграть оче-

редной приз.

– Так, значит, это ты? – направляется Луп к мужику, не обращая никакого внимания на Айка. – Мальчики говорили мне, что ты вернулся, но я им не поверил. Я им ответил, что ты не такой дурак. Ну что ж, я был не прав, так что теперь пеняй на себя. Мы тебя предупредали, красноглазый ублюдок, что мы с тобой сделаем – извини, Соллес, – Луп отодвигает Айка в сторону, – если ты вернешься и снова начнешь приставать к Луизе. Наша семья умеет постоять за себя, – и мужик получает удар в физиономию – мощный и короткий апперкот, на который способен только профессиональный боулер. Голова у мужика откидывается, он снова со стоном валится на землю. Папаша Луп заносит руку для следующего удара, когда вперед выходит Айк.

– Эй, Омар. Это уже не обязательно...

– Мы предупредали его, Соллес, когда вышвыривали отсюда! Я человек с широкими взглядами, но всему есть пределы.

Мужик снова пытается встать на колени. Омар Луп переступает с ноги на ногу и поигрывает бицепсами.

– Не надо, Омар... – Айк пытается преградить Лупу дорогу.

– Не лезь, Соллес. Это семейное дело.

– Пожалуйста, Папаша Луп, пожалуйста, пожалуйста-

ста. – Мужик вытирает текущую из носа кровь. – У меня крыша поехала, когда я застал ее с этим подлецом. Но сейчас все нормально, я успокоился. И потом, – его окровавленные губы неожиданно расползаются в развязной, издевательской улыбке, – она все-таки моя жена.

Шмяк! Омар отпрыгивает в сторону и наносит еще один апперкот. Голова мужика откидывается и начинает качаться из стороны в сторону, но он продолжает держаться на коленях, подставляясь под следующий удар.

Айк набирает полные легкие воздуха: теперь ему придется сцепиться со стариком Лупом.

– Нет, Омар, – Айк обхватывает бочкообразный торс, морщась от прогорклого табачного и свиного запаха, – не надо его больше бить.

– Лучше отпусти меня, Исаак Соллес! – Торс продолжает дергаться в попытке нанести еще один удар. – Я очень ценю твою заботу, но это наше дело!

Айк пропихивает руки под мышки Лупу и берет его в нельсон. Омар Луп выворачивается, рычит и грозит страшными последствиями, если его не освободят. Айк сжимает руки еще крепче, так, чтобы старик не мог пошевелиться, но ноги у того остаются свободными. Поэтому ничто не мешает ему изо всех сил врезать прорезиненным кованым сапогом в беззащитный

белый живот. Айк усиливает зажим, поражаясь упорству Лупа.

– Я зажму тебя еще крепче, Омар, – хотя на самом деле он уже начинает сомневаться в том, что ему удастся удержать озверевшего коротышку, – буду зажимать, пока ты... – И тут на него из-за спины обрушивается искрящаяся световая дуга, освобождая его и от сомнений, и от тревог. Возникнув неведомо откуда, она выбивает искры из глаз Айка, но он еще успевает обернуться и увидеть, как Луиза заносит фонарь для следующего удара. И новая вспышка искр. С вершины холма доносится каркающий смех. Излюбленное воронами зрелище – штука вполне в их духе: спасенная дама открывает глаза, и кого она видит? Рыцаря? Спасителя? Ничего подобного. Она видит негодяя в красных кальсонах, пытающегося свернуть папе шею, в то время как законный супруг валяется на земле, истекая кровью. Так что вполне естественно, что она... впрочем, ладно. Это лишь в очередной раз доказывает, что никогда не надо вмешиваться, что бы ни происходило.

Иначе тебе же и достанется.

И Айк с удовольствием посмеялся бы над собой, если бы снова не погрузился в серое подводное царство.

2. Уходящая во тьму история свиней и тряпка, пропитанная ромом

Это семейство свиней поселилось на свалке на несколько десятилетий раньше всех соседей. Приплыв в Квинак еще поросятами, они были размещены в полуразвалившемся льдохранилище между причалом и бухтой. Как и льдохранилище, они изначально принадлежали Пророку Полу Петерсену. «Бекон из рыбьих отходов! Золото из отбросов! Я предсказываю, что меньше чем через год все будут есть морскую свинину Петерсена».

И, как и большинство знаменитых пророчеств Петерсена, это предсказание сбылось, правда, не совсем так, как он предполагал. Например, рухнувший проект со льдохранилищем был основан на его пророческом предвидении увеличения потребности во льде в летний период: он не сомневался, что Квинаку предстоит стать рыболовным курортом с международной славой. И не ошибся. По мере снижения уловов в Кетчикане, Джуно и Кордове в Квинаке начало появляться все больше моторных лодок. Таким образом дела у Пола пошли успешно, и ему удалось со-

брать деньги на строительство. В законченном виде здание представляло собой серый куб без окон высотой в девяносто футов, сложенный из блоков пемзобетона, залитых пенопластом для изоляции льда, который Пол собирался пригонять с глетчера. «Единственное каменное здание на сотню миль в округе! – хвастался он перед инвесторами, постукивая по стене щипцами для льда. – Простоит сто лет».

А через неделю в Квинаке пришвартовался норвежский плавучий холодильный завод, и Великий Северный Ледяной банк обанкротился меньше чем за три месяца. Потом норвежцы продали свое судно «Морскому Ворону» и отбыли в Инсбрук.

Подобный поворот событий мог бы выбить из колеи пророка-неудачника, который обладал талантом верно определять победителей, но ошибался в номерах забегов.

Но Пол был не из таких. Он был оптимистом. Он по-прежнему оставался владельцем огромного серого строения, которое, как сейф, ожидало вложений, например... ну, конечно же! Банк свиней! Вот это гарантировало надежность – производство свинины! Пол разводил свиней в Коннектикуте и знал, что дело это выгодное и необременительное. И в нем был свой смысл. Зачем привозить мороженое мясо из Сиэтла, когда его можно выращивать прямо здесь, на побе-

режье, на тех отбросах, которые тоннами выбрасывались на свалку? Это был идеальный способ возместить инвесторам потери и обеспечить им надежное будущее.

Снова с трудом были собраны деньги, и к пирсу шумно причалила баржа с поросятами. Они спустились по настилу к льдохранилищу и тут же устремились к деревянным корытцам, приготовленным Полом. Запах рыбьих потрохов притягивал их, как железо к магниту. Их визг, хрюканье и чавканье доносились даже до «Горшка» Крабба, куда Пол удалился, чтобы выпить по рюмочке со своими деловыми партнерами.

– За морскую свинину Петерсена! Чтобы ее ели повсюду!

В ту ночь все участники предприятия спали спокойным крепким сном. Но на рассвете что-то разбудило их – какой-то нарастающий звук, словно огромное темное жерло залива всасывало в себя воздух. В ту ночь, словно в чудовищном чреве, исчезли лодки, буйки, причалы, сваи и даже само море. Потом чрево наполнилось и начало изрыгать все обратно. Это было цунами 1994 года, пронесшееся день в день ровно через тридцать лет после последнего моретрясения. Приливная волна, как разъяренная волчица, пронеслась по заливу со скоростью девяносто миль в час и всей своей мощью обрушилась на поросячье жилище,

которое рухнуло, несмотря на всю свою основательность, а уцелевшие поросята разбежались кто куда. Пророк Пол поспешил исчезнуть.

Поросята бежали до тех пор, пока не добрались до городской свалки. И тогда молодой кабанчик с мормонскими замашками по кличке Прайгрем провозгласил: «Здесь!» – и свиньи остановились. Вековые кучи дымящегося мусора обеспечивали и укрытие, и пропитание. И те, кому удалось пережить несколько последующих зим, не став добычей гадких медведей, составили крепкое ядро свинячьего стада Лупов. Омар Луп натолкнулся на свиней, когда рылся в отбросах. Для окружающих он был профессиональным боулером, но деньги добывал, роясь в мусоре. Он разъезжал на своем стареньком «Шевроле» с грузовой платформой взад-вперед по побережью, гоня шары по ночам и исследуя свалки в дневное время суток в поисках того, что можно дешево купить, а продать чуть подороже. В основном это были сети. Многие рыбаки предпочитали выбрасывать почти новые сети, не утруждая себя их починкой и просушкой. Луп наслаждался жизнью, дегустируя боулинги и свалки мелких городишек, как бродяга дегустирует разные бары и пляжи, и при этом зарабатывал достаточно, чтобы ежемесячно отправлять необходимую сумму на прокорм своей старухи и детворы, дабы они

ему не досаждали. Ему нравилась такая свободная и независимая жизнь, и он не собирался от нее отказываться. Однако в то утро, когда Омар свернул к величественно дымившейся квинакской свалке и увидел одичавших свиней, рывшихся в горящем хламе и заглатывавших лососевые головы вместе с пластиковыми молочными бутылками и памперсами, – обгоревших доисторических тварей, чья шкура напоминала рыцарские доспехи, а щетина торчала, как восьмипенсовый гвозди, – решимость его была поколеблена.

Наведя справки, он выяснил, что стадо превратилось в подобие охраняемого вида. О нем даже писали в «Истинном либерале». Город гордился своими свиньями. Они стали символом тех, кому удалось пережить цунами девяносто четвертого года, уже не говоря обо всех последующих студеных медвежьих и комариных годах. Спасая собственные шкуры, они зарывались прямо в тлеющие угли.

«Но они должны же кому-то принадлежать», – продолжал настаивать Омар. Кто-то вспомнил, что привез их в Квинак старина Пол Петерсен, но Пол исчез. Он растворился после цунами, как и остатки льда в его льдохранилище. Последнее, что о нем слышали, – что он находился в Анкоридже в доме для невропатов.

Омар Луп сел в свой грузовик и обнаружил Проро-

ка Пола неподалеку от Виллоуза, где тот обслуживал ряд мотелей, в которых жили подсобники нефтепровода. Из всех возможных рабочих эти подсобники были самым грязным племенем, ежедневно устраивавшим свою собственную свалку из пивных банок, не говоря о прочем мусоре. На этот раз жертвой авантюры стал сам Пол. Хороший грузовик за три штуки баксов – вот в чем он нуждался для ведения своего дела. Обменять на него блокгауз, от которого осталось три стены, представлялось ему выгодной сделкой. Пол согласился – две пятьсот, и он отдает этих неблагодарных свиней, где бы они ни были. Он и думать о них забыл.

Омар получил мелкопредпринимательский заем под остатки льдохранилища и на полученные деньги купил свалку и прилегающий к ней участок с лесом. Половину леса он продал и заключил контракт о превращении льдохранилища в шестидорожечный боулинг. Он знал с полдюжины обанкротившихся боулеров, у которых за пару баксов и пару-тройку песенок он мог получить необходимое оборудование для установки кеглей; что же до самого льдохранилища, то там требовалось лишь провести канализацию, восстановить переднюю стену да сделать неоновое освещение. Не то чтобы Луп надеялся на получение немислимых доходов – боулинги редко их приносят.

Он думал о другом.

Из оставшегося леса он вместе с мальчиками выстроил рядом со свалкой хижину, которая служила Лупам и бойней, и ночлежкой. Они установили ее достаточно высоко над землей, чтобы свиньи не забирались внутрь, а поросята могли прятаться под полом. Со временем они пристроили еще одну ночлежку, которая затем стала более просторной бойней. А затем еще и еще, пока вся свалка не покрылась лабиринтом строений, опоясавших ее и протянувшихся до самой вырубки, как ленточный червь.

Обычно Луиза Луп с матерью поселялась в новостройке, а Омар с сыновьями оставался в предшествующем сегменте. Свежевыстроенное помещение называлось столовой, хотя с тем же успехом могло называться столово-гостино-прачечно-кухней. Дверной проем завешивался перекрывающими друг друга вертикальными полосами пластика. С мужской половины он был забрызган запекшейся кровью и плевками жеваного табака, с дамской – украшен наклеенными бабочками. Собственно, из дам осталась одна Луиза: ее мать уже более года как рассталась со свалкой и проживала в Анкоридже в одном из тамошних домов для невропатов. Одни утверждали, что причиной нервного срыва стали свиньи, другие – боулинг. Радио Лупа ловило только одну программу – «Ком-

мерческий боулинг».

Бабочки – это была идея Лулу. Она утверждала, что они делают кровавые подтеки с другой стороны похожими на красные розы. Не то чтобы она возражала против крови и жвачки, но розы и бабочки ей нравились больше. Они нравились ей настолько, что она решила не ограничиваться пластиком. Бабочки украшали косяки, клубки открытых проводов, грязные окна – все от фибролитового потолка до фанерного пола. Тысячами.

По бабочке было вышито и на открытых чашечках ее любимого легкомысленного бюстгальтера, который она надела специально после недоразумения у машины. Его-то первым и увидел Айк, когда наконец, моргая и задыхаясь, вынырнул на поверхность. Бескрайний серый холод уступил место своего рода парниковому заточению – было жарко, как в парилке. Хозяйка нежно держала его голову на коленях и что-то ворковала, словно он и вправду оказался героем.

– ...поэтому, когда ты наконец повернулся и я увидела твое лицо... тебя бы никто не смог узнать даже при дневном свете. Ты был так исцарапан! Но мне все равно очень жаль, что я тебе вмазала. Извини. Проси чего хочешь, только не мучай меня.

Айк сосредоточился и различил за бабочками черты Луизы Луп. Было похоже, что она уже довольно

давно просит у него прощения. Она отодвинула в сторону мокрую тряпку и улыбнулась.

– В общем, я хотела тебя поблагодарить за то, что ты приехал... – Она выжата тряпку и добавила «сосед». Айк почувствовал капли влаги на своих губах и попробовал подняться, но Лулу крепко его зажала своим лифчиком двенадцатого размера. – Не дергайся, это всего лишь ром. Я позвонила Радисту, и он сказал, что это отличное дезинфицирующее средство, почти как то, которым тебя поливали в больнице Растущих дочерей. Лежи спокойно...

– А где все?

– Уехали. Эдгар и Оскар забрали этого маньяка, может, лейтенант Бергстром засадит его за оскорбление действием. А папа поехал на причал за рыбьими потрохами. Весь этот шум очень встревожил свиней.

– На причал? – Айк снова попытался подняться. – Черт, сколько сейчас времени?

– Тебе самое время лежать и отдыхать. Радист сказал, чтобы я остановила кровотечение и держала тебя в тепле и покое.

Айк застонал. Радистом у них называли некоего доктора Джулиуса Бека, дисквалифицированного проктолога из Сиднея, который был известен у себя на родине под именем Бег-на-месте. Теперь его звали Радистом, так как у него была нелегальная коротко-

волновая установка, по которой он передавал свои сомнительные медицинские рекомендации и незаконно гонял реггей и рэп. У него был плохой гетеродин, и когда его передачи прорывались в полосу частот коротковолновой связи, он горделиво заявлял о себе: «Привет, мокроштанники! Говорит фа-фа-фа-фа рыболовная снасть!»

– Он еще сказал, чтобы я проверила твои зрачки, нет ли сотрясения, – добавила Лулу. Она нагнулась, подмяв под себя свои пышные формы, и заглянула ему в глаза. Как и все ее родственники, она была приземистой и плотно сбитой, но обладала милым нежно-розовым личиком, обрамленным целым облаком растрепанных кудряшек медового цвета, напоминавшим сахарную вату. Она выжала на Айка еще струйку рома и рассмеялась, когда он вскрикнул.

– Кто бы мог подумать, что великий главарь Мстителей окажется таким слюнтяем! И вообще я не понимаю, как ты позволил такому слизняку, как мой бывший, так себя отделать, – кокетливо добавила она.

– Слизняку? Да он весит не меньше двухсот тридцати фунтов! Пусти, Лулу, дай встать. Мне надо на работу.

– Он же как меренга – сплошной банановый крем. Уж я-то знаю, что тебе ничего не грозило. – Она встряхнула головой перед самым лицом Айка и снова

вздохнула. – Надеюсь, ты не подхватил от него никакой заразы.

Она отвернулась, чтобы снова намочить свою тряпицу. Бутылка с ромом стояла в огромном сугробе воцеленной бумаги из-под бинтов, словно скрываясь там от окружающей жары. Улучив момент, пока она откручивала крышку, Айк поднялся и сел. Оглядевшись, он обнаружил под собой мятое шерстяное кашне в окружении подушек и бабочек. Посреди комнаты располагался столик из красного пластика, уставленный грязными бумажными тарелками, на некоторых из которых можно было распознать остатки пищи недельной давности. Небольшими пирамидами высились бумажные стаканчики с разводами от потребленных напитков. Под столом громоздились горы тарелок с апельсиновой кожурой, огрызками яблок, пустыми молочными упаковками и коробками из-под пиццы. Лулу перехватила взгляд Айка.

– Скоро мы все это уберем. Свиньи любят, чтобы бумага немного вылежалась. Наверное, она от этого становится вкуснее.

Айк нашел один сапог и натянул его на ногу. Лулу вздохнула и поставила бутылку на место, видимо, отчаявшись продолжить лечение. Она встала и двинулась вслед за Айком, пробиравшимся сквозь мусор в поисках второго мехового сапога. Когда он нагнулся,

чтобы надеть его, Луиза запустила руку ему за шиворот.

– Ты же весь вспотел. Надо скорее раздеться.

– Еще бы тут не вспотеть, Лулу, – перевел дыхание Айк. – У вас же здесь как в печке.

– Папа любит, чтобы было тепло, – согласилась Лулу. – Но все равно надо раздеться. Кстати, я никогда не видела тебя в «Горшке» на вечерах Свободных девушек. Тебе не нравятся девушки?

– Вполне нравятся, Луиза. – В какой-то мере он был даже благодарен ей за это простодушное заигрывание – оно отрезвляло. – Просто дело в том, что у меня была назначена встреча с Алисой Кармоди – мы собирались немного порыбачить. А теперь я опаздываю.

– Не думаю, что Алису Кармоди можно считать девушкой, – промолвила Лулу, выпячивая нижнюю губу. – Однако не сомневаюсь, что лосось может подождать.

– Возможно. А вот Алиса Кармоди не может. – Айку наконец удалось обнаружить дверь, прятавшуюся за обогревателем. Внутрь ворвался поток свежего воздуха. Перед тем как уйти, он обернулся и увидел, что Луиза с надутым видом стоит в дверях. – Ты не боишься, что этот тип может вернуться?

– Какой ты милый. – Обида сошла с ее лица, и она

улыбнулась. – Не волнуйся, обычно он держит себя в руках. Просто вышел из себя, когда неожиданно появился здесь и застал меня с твоим приятелем Гриром, когда мы... ну танцевали танец ямайских козлов, как это называет Грир. Со мной все будет в порядке. Он же просто меренга. К тому же Эдгар с Оскаром всегда умели привести его в чувство. Даже не могу себе представить, что его заставило вернуться; тупой он, что ли? Папа говорит, все дело в том, что он ни на что не годен. К тому же у него черный глаз, понимаешь? Тавро Ионы. Папа с самого начала предупреждал: все они приносят несчастье. Это у них врожденное. Но я, конечно, не верила. Мне было всего пятнадцать, мне казалось, что таких, как он, больше нет. А теперь я думаю, папа был прав: они неудачники.

– Спасибо за медицинскую помощь, – сказал Айк.

– Всегда рада. Спасибо за то, что спас меня. – Она промокнула пот, выступивший на горле, пропитанной ромом тряпицей. – Надеюсь, ты не простудишься, так резко выйдя на холод. Папа считает, что плита всегда должна топиться. – Она перестала обтирать шею и принялась дуть на свою грудь – сначала на одну, потом на другую, словно стараясь остудить похлебку в двух мисках. – От разочарования девушки даже могут умереть.

Фургона не было. Впрочем, зная Грира, Айк этому

не особенно удивился. Он поспешил к джипу, прыгая с одной заиндевевшей кочки на другую и стараясь не выпачкать свои сапоги подтаявшей весенней жижей.

Мотор безмолвствовал. Однако машина стояла на крутой обочине, так что Айк мог завести его с толкача. Он дал мотору немного разогреться и тронулся по дороге. Лавируя между горящими кучами мусора, он вдруг заметил, что знаменитых свиней нигде не видно. Их истошный, истерический визг доносился откуда-то издали. Значит, Лулу не ошибалась: они действительно перевозбудились и теперь жаждали своих отходов.

Айк затормозил у своего двора, усеянного ракушками, и, не глуша двигатель, вылез. Затем он поднял брошенный на лестнице револьвер и после минутного размышления запихал его в кашпо, висевшее у двери.

Внутри холодного трейлера было по-прежнему сумрачно. Старый пес лежал все в том же положении, подогнув под себя передние лапы – они, по крайней мере, еще сгибались, вероятно, задние лапы старели быстрее. Марли жил у Грира с тех пор, как Айк того знал, и уже пережил трех грировских жен. Он был помесью колли с восточноевропейской овчаркой, но большим и длинноногим, скорее похожим на волка, что было заметно, даже когда он спад. В округе не сомневались, что собака получила свое имя в честь

Боба Марли, почившего исполнителя реггей, которого любил ставить Грир, когда изредка посещал нелегальную станцию Радиста. Но Аик знал, что Марли получил свое имя в честь еще более древнего призрака. Грир нашел его в канун Рождества, когда ехал в Кресент-сити к медсестре, которую Господь наградил тремя грудями и аппетитной попкой. Тогда-то на обочине 101-го шоссе он и увидел в свете фар мокрую собаку, которая хромала к северу, волоча за собой тридцать футов стальной цепи. «Призрак Марли! – вскричал Грир, притормаживая. – Ты послан мне в назидание! Запрыгивай на борт».

После того как с Марли сняли цепь, он довольно быстро оправился и превратился в замечательного сторожевого пса – правда, ему больше нравилось не отпугивать окружающих, а приглашать их зайти. Он обычно прятался на обочине и бесшумно выскакивал навстречу любому, кто въезжал во двор. Однажды ему даже удалось сигануть через капот старого «ле Барона», на котором ездил Аик, одарив при этом зубастой улыбкой ошеломленного водителя, когда тот увидел пролетавшее мимо лобового стекла огромное собачье тело. Казалось, это было совсем недавно, и вдруг Великий Прыгун Марли состарился. Теперь он не мог перебраться даже через колею.

Аик почесал его тощий бок носком сапога.

– Марл, ты еще с нами? – Старый пес поднял морду и огляделся. Наконец его взгляд сфокусировался на Айке, но он не наградил его своей обычной волчьей ухмылкой. Вместо этого он издал низкое угрожающее рычание.

– Эй, Марли, это я! Дядя Аик!

Он опустился на колени и дал собаке понюхать свою руку. Марли перестал рычать и несколько смущенно ухмыльнулся. Аик почесал ему уши, и пес снова положил голову и прикрыл мутные глаза. Аик заметил кусок дерьма, прилипший к его загривку, осторожно вытащил его и выкинул в помойное ведро под раковинной, после чего, задумчиво нахмурившись, прошел в ванную вымыть руки. Марли никогда раньше не рычал на него. Но когда Аик зажег в ванной свет и посмотрел на свое отражение в зеркале, то понял, в чем дело. Одновременно он понял, почему у Лулу лежала такая гора оберток из-под бинтов и пластыря. Наверное, она использовала целый ящик. Все его лицо было крест-накрест заклеено яркими крылышками пластыря. От бровей и выше голова была замотана бинтом, как у мумии. Он попробовал найти конец бинта, но ему это не удалось. Он попытался стащить его, но из-за рома и запекшейся крови не смог это сделать. Аик посмотрел на часы. Времени отмачивать бинт у него не было. Грир бы еще подождал, но только не

Алиса.

Он натянул на себя одежду и с сапогами в одной руке и ножницами в другой кинулся к чихающему джипу. На ветру по дороге к заливу ему удалось высвободить четыре конца бинта, каждый по несколько футов длиной, но они так сильно трепыхались, что ему пришлось обернуть их вокруг шеи, чтобы не лезли в глаза.

Добравшись до причала, он убедился, что не ошибся относительно Алисы Кармоди – она не стала ждать. А выбравшись из джипа, он понял и больше того – эта стерва забрала его лодку, оставив ему реликтовую посудину с течью под названием «Коломбина». Это старое корыто, покачивавшееся за топливным насосом, ни с чем нельзя было спутать. Как ни странно, оно все еще могло держаться на поверхности.

Айк вприпрыжку бросился к причалу. Когда он добрался до него, то увидел, что старая посуда уже пускает клубы дыма, а стекла рубки запотели. Значит, Грир все же решил составить ему компанию. «Чертовски благородно с его стороны», – устало подумал Айк, внезапно почувствовав, что за ним наблюдают. Во всех окнах старого консервного завода торчали лица. Айк догадывался, что представлял собой то еще зрелище. Все эти сопляки болтались здесь в надеж-

де попасть к кому-нибудь на судно и жили в ожидании удачи и больших денег. Большинство из них обитало в кемпинге неподалеку от побережья, где предполагалось строительство завода по переработке шин. Организатор этого предприятия привозил полные баржи шин со всех свалок между Сиэтлом и Анкориджем. К тому времени, когда горсовет Квинака догадался, что у организатора предприятия нет никаких многомиллионных фондов, тот уже растворился в синеве с полными карманами денег, полученных за очистку территорий – как минимум по пять долларов за шину и двадцать пять – за большую. Руководство центров по утилизации отходов тоже поверило в его проект. Никто не предполагал, что оставленная предпринимателем нищая молодая поросль сможет выжить среди комаров и крыс. Никто и представить себе не мог, что она способна ждать, просто смотреть и ждать. Ну что ж, Айк полагал, что его метания с развевающимися бинтами и трепещущими пластырями представляли собой достойное зрелище. Вы только гляньте! И это Исаак Соллес, тот самый прославленный Мститель! Что-то вид у него хуевый. Может, вообще в наши дни героизм стал делом обременительным...

3. «Чернобурка» наносит удар

Эмиль Грир вынырнул из крохотной рубки как раз в тот момент, когда Аик поднялся на борт. Едва увидев Аика, он присел, превратившись в пружинистый комок – руки, ноги, пальцы, даже проволочные завитки волос – все растопырилось в разные стороны. Клещи взлетели вверх и завращались в воздухе, как пропеллер без мотора.

– Йа-а-а! – заорал Грир, как боец восточных единоборств. У Грира была прыщавая кожа, и когда он волновался, что с ним часто случалось, лицо его становилось такого же цвета, как тело испуганной каракатицы. Под воздействием силы земного притяжения клещи начали опускаться вниз, но Грир со скоростью змеи выкинул левую руку и успел схватить падающий инструмент, прежде чем тот упал на палубу. Хотя Грира часто обвиняли в трусости, никто никогда не говорил, что он медлителен.

– Ебанный карась, старик, никогда больше так ко мне не подкрадывайся! – замахал он на видение ключом. – Я решил, что попал в «Проклятие мумии». Тебе еще повезло, что я тебя не каратнул.

Аик, кряхтя, снял с плеча брезентовый мешок.

– А с мужем Лулу Луп ты тоже занимался таеквондо

сегодня утром?

– Сегодня утром? – Грир не сменил своей позы. Его пятнистая физиономия продолжала колыхаться. – Ну я смотался, потому что я ведь опасный чувак, – пояснил он, все еще осторожно поглядывая на своего напарника. – Я просто испугался, что дело может кончиться смертельным исходом, если я свяжусь с этим белым дерьмом. Поэтому, как только он объявился, я встал на путь наименьшего сопротивления.

– Понятно. – Айк открыл мешок и сменил свою куртку на оранжевый спасательный жилет. – Это очень буддистски.

– Рад, что ты оценил. – По мере того как Грир выходил из стойки восточного борца, к нему начало возвращаться природное любопытство. Он сделал шаг к Айку и принялся внимательно изучать его забинтованную голову.

– Йезус Мария и Магомет, чем же ты занимался? Укрощал диких кошек?

Айк застегнул молнию на мешке и забросил его в кубрик под приборную доску. Потом под пристальным взглядом Грира отмотал с рулона бумажное полотенце и протер ветровое стекло в рубке. Когда Гриру стало ясно, что ответа ему не дожидаться, он развел ключ и снова склонился над горой гаек. Лицо его постепенно поблекло и приняло привычный, хотя и необыч-

ный цвет. Оно было испещрено, как дно водоема, образованного приливом. Рожденный в самых мрачных трущобах Бимини, Грир был десятым сыном золотистой девы из Восточной Азии и рыжебородого потомка викингов – второго машиниста судна, перевозившего сыры из Гётеборга. Вследствие этого союза на свет появился ни краснокожий, ни черный, ни желтый. Больше всего Грир напоминал одно из тех пасхальных яиц с трещиной, которые красят в последнюю очередь всеми оставшимися красками. Они всегда получаются пятнисто-коричневыми с багровыми, сиреневыми и бежевыми разводами. Его вообще было бы трудно принять за островитянина, но он всячески афишировал это: заплетал волосы в косички, как у пугала, пересыпал речь французскими фразами, почерпнутыми из кинофильмов, и, когда его спрашивали о Рыжебородом Эрике, отвечал: «Я – викинг из Бимини воистину в помине».

По мере того как Грир завинчивал гайки, вибрация движка уменьшалась. Краем глаза он видел, что его приятель закончил протирать ветровое стекло и теперь хмуро смотрит на пустой причал. Грир продолжил свое дело.

– Так адмирал Алиса не могла подождать пару минут... – наконец изрек Айк.

Грир рассмеялся.

– Вау, старик, а пару часов не хочешь? Для Алисы Кармоди она еще вполне сносно себя вела. А потом заявила, что ей пора: она сегодня должна рано вернуться, а к тому же хочет посмотреть, сможет ли кто-нибудь из нас оплатить топливо. После чего свинтила.

– А свинчивать надо было обязательно в моей лодке? Если уж ей надо рано возвращаться, могла бы плыть и в этом корыте.

– Просто я это корыто никак не мог завести. – Грир увеличил число оборотов, не отрывая взгляда от ржавых деталей, так что теперь ему приходилось кричать. – Оказалось, что в бензобакедохлые мыши – чуть ли не час продувал его. А когда он наконец заработал, началось настоящее землетрясение. Вау! Тут-то Алиса и заявила, что забирает «Сьюзи» и встретится с нами тогда, когда я приведу двигатель в порядок. Она совершенно не хотела тебя обидеть...

Грир отлично знал об опасных подводных течениях, возникавших между его другом и женой босса, когда тот отсутствовал, и надеялся на то, что ему хватит масла, чтобы заливать эти бушующие волны до возвращения Кармайкла. Заметив какой-то пушистый комочек, зацепившийся за планшир, он приподнял его ключом, радуясь, что можно сменить тему разговора.

– Поразительно! Мыши становятся токсикоманами. Я читал в «Новом свете», что такое происходит с топ-

ливными насосами вдоль всего побережья. Если рукава не забирают решетками, в них заползают мыши. – Он взял клещами утопшего грызуна и выбросил его за борт. – В «Новом свете» говорится, что это еще один симптом. Даже животные идут на самоубийства.

– Похоже, «Новый свет» по-прежнему печатает все ту же чушь.

– А киты, которые выбрасываются на берег в Сан-Диего? А олени, которые ложатся на скоростные шоссе в Юте и Айдахо? А?

– Киты всегда выбрасывались на берег. А олени просто переходили дорогу в поисках пищи...

– Это тоже симптом – раньше им хватало пищи в горах, – настаивал Грир. – Это все следствие парникового эффекта. Они впадают в депрессию. – Грир ухватил грунтовым еще один кусочек мокрой шерсти. – Бедная мышка. «Я чувствую, как на меня наваливается депрессия, – говорит она, – глотну-ка я этого Шеврона».

«Новым светом» назывался журнал, посвященный программе «Настоящие Светлые Существа», на который подписывался Грир. В нем публиковались фотографии подписчиков – все не старше сорока – и их краткие жизнеописания. Когда Грир сообразил, что он никогда не встречал в этом журнале фотографий чернокожих, он тут же отослал серию своих снимков,

где он был изображен в разных позах. Айк дразнил его, убеждая, что издатели их не печатают, так как сомневаются в том, что чернокожий может быть «Настоящим СС». Грир, однако, возражал, что все дело в его молодежавом виде и вообще издатели считают, что цветные чуваки в наше время до сорока уже не доживают.

Он вышвырнул за борт вторую мышь и увеличил обороты.

– Боюсь, он не перестанет трястись, пока мы не отойдем на несколько миль. Сейчас проверю трюмную помпу и займусь генератором...

– Отчаливаем через пять минут, – промолвил Айк.

– Через пять минут? Да она не знала воды несколько лет. Дерево должно намокнуть, а радио высохнуть...

– Ничего.

– Исаак, Христа ради, надо проверить днище!

– Пять минут, и отплываем, напарник.

– Ладно, ладно, пять минут, и отплываем. Кто станет спорить с человеком, у которого морда из ужасика! – И Грир начал поспешно спускаться в люк.

Айк прислонился к рулевой рубке, предоставив суетиться Гриру. Грир юлил – это было очевидно. Старый «меркурий» был отлично закреплен и ровно работал, возможно, уже не меньше часа вопреки всей

этой болтовне о технических сложностях. В наши дни в считанные минуты можно определить засор, выудитьдохлых мышей и прочистить бак. К тому же всем было известно, что Грир хороший механик. Может, мореходникакой. Потому что, несмотря на все его островное детство и годы военно-морской службы, он по-прежнему панически боялся океана. Он его просто не чувствовал. Аик не раз слышал, как он долго и подробно описывал свои дурные предчувствия. Грира тревожили все опасности, связанные с водой, от причудливо-эксцентричных выдумок до традиционных поверий, от мистических до вполне современных угроз. Больше всего Грир любил порассуждать о Бермудском треугольнике и Великом водовороте. Грир боялся всего, черпая страх как из реальных фактов, так и из побасенок. Он боялся священного трупа и огня святого Эльма, а также новейших странностей, о которых рассказывали некоторые арктические рыбаки. В «Новом свете» сообщалось, что все это проявления мести разгневанных русалок, которые сводят счеты за эксплуатацию морских недр. Как уж тут не бояться?

Но больше всего Грир боялся выходить в море один, чтобы не упасть за борт. У него была слегка покалечена левая стопа, на которой отсутствовало три пальца. Как утверждал Грир, их откусила мурена, когда он занимался спасательными работами на Сен-

Круа. Но Аик знал, что это было не так. Во время медового месяца вторая жена Грира выгнала его на улицу в Рено после очередной ссоры, и прежде чем ему удалось убедить ее впустить его обратно, он отморозил себе пальцы. Аик это знал от самой бывшей жены Грира, но никогда не говорил об этом и не возражал, когда его напарник рассказывал о мурене. Вследствие ампутации Грир немного хромал, но утверждал, что это не хромота, а специальный танцевальный шаг. «Придает синкопизм, как Легбе, богу ритма. Дамы считают это очень эротичным».

И действительно, Грир был отличным танцором и неоднократно побеждал в национальных играх по толчкам и пинкам. Он и на палубе ощущал себя вполне уверенно, когда поручалось какое-то конкретное дело: проворно мог взобраться на мачту или бушприт при встречном ветре, что обеспечивало работу в любом порту на любом море. Да и работа во внутренних помещениях была ему по плечу. Но как только судно покидало причал, эта уверенность тонула, как якорь, и эротичная походка становилась помехой, особенно когда он оказывался один на таком корыте, как это. И Аик знал, что Грир дождался его именно по этой причине.

Аик ухватился за булинь и, не сходя на причал, скинул петлю с кнехта. Этому движению его научила Али-

са Кармоди – его нужно было делать не кистью, а от локтя. Он свернул мокрый канат и позвал Грира:

– Поднимайся и отдавай кормовой. Если мы пару часов не пройдем на полном, адмирал Алиса нас со свету сживет своими издевками.

Грир снял свой огон с третьей попытки. Судно развернуло кормой в пенном течении. И хотя Айк стоял за штурвалом, он предоставил судну дрейфовать самостоятельно, не прибавляя скорости и лишь наблюдая, как старый хрупкий корпус минует сваи. Грир зачихал канат за рыбный контейнер и неодобрительно поджал губы.

– Ты бы не наезжал на Алису, Исаак. Она не имеет никакого отношения к загулу Кармоди. Так что сбрось обороты.

Айк не ответил, наблюдая за медленным разворотом кормы. Кармоди улетел в Сиэтл посмотреть на шестидесятивосьмифутовую посудину, о которой он прочитал в «Аляскинском рыбаке». Он обещал вернуться к понедельнику, ссылаясь на то, что просто ему надо первым увидеть это произведение искусства. Однако на следующий вечер он позвонил и сообщил, что купил судно и для того, чтобы провести его через пролив, ему нужны братья Каллиган. Так что, если погода позволит, они успеют к открытию сезона.

С тех пор прошло уже три недели, и все это время

стояла хорошая погода. Телефонные сообщения из портов захода подтверждали, что старый рыбак действительно загулял, решив продемонстрировать свое приобретение всем друзьям и знакомым, обитавшим по пути следования. Он пропускал одну из важнейших путин сезона, но его никто не осуждал: Майкл Кармоди в течение нескольких десятилетий вкалывал не покладая рук в любую погоду и при любой воде, вылавливая неводами, удочками, жаберными сетями и садками все, что было съедобно и разрешалось законом, в результате чего создал компанию, улов которой превосходил даже крупные предприятия.

Он заслужил отпуск.

Заменить братьев Каллиган было несложно. Кто-то из молодняка, осевшего в Шинном городке, еще не распростился с мечтой о возвращении домой: они по-прежнему приходили на причал, вместо того чтобы валяться в контейнерах с шинами от грузовиков и нюхать клей.

Когда прошло десять дней, а Кармоди так и не вернулся к открытию летней путины, Алиса поручила Гриру все операции по копчению и консервированию, а сама встала за штурвал траулера «Хулиган». Учитывая политику ООН, эта лососевая путина могла оказаться последней в сезоне, и она хотела полностью выбрать квоту Кармоди. Айку она заявила, что тот

сможет обойтись на «Сьюзи» без Грира, раз уж она обходится на «Хулигане» без собственного мужа.

Айк не возражал. Более того, ему это даже больше нравилось. Но то, что она позволила себе командовать, его разозлило. Он злился весь первый день. его раздражало все – то, что она постоянно держалась поблизости и всегда забрасывала свою сеть по соседству, словно приглядывая за ним. Может, она надеялась уличить его в перепродаже части улова японцам, чем нередко занимались младшие партнеры. Как бы там ни было, ее колючее присутствие действовало ему на нервы все больше и больше, однако он без жалоб продолжал забрасывать и вытягивать свои сети. И наконец два дня назад у «Хулигана» накрылся редуктор, как это и предсказывал Кармоди. Вонг взял Алису на буксир, но его так мотало, что он врезался в мол и вдоль всего левого борта получил отличную течь. Ей еще повезло, что это произошло неподалеку от причала. Стоило докерам взглянуть на «Хулигана», как его поставили на прикол до конца сезона.

Айк решил, что теперь она вернется на консервный завод и оставит его в покое. Он не сомневался, что выберет на «Сьюзи» и свою квоту, и Кармоди до закрытия путины в пятницу, о чем и сообщил Алисе. Та пробурчала в ответ что-то невразумительное. А потом упрямая стерва вытащила эту старую посудину и всю

ночь замазывала в ней щели! Накануне Гриру удалось отладить двигатель, так что суденышко добралось до причала. И Исаак втайне надеялся, что неподатливая скво заставит старую «Коломбину» двигаться и отправится за рыбой, а уж хорошая волна избавит их разом и от той, и от другой. И что же из этого вышло? А то, что Свирепая Алеутка Алиса плыла себе на крепкой и прочной «Сьюзи», а Айк Соллес кандыбал на корыте с течью.

Убедившись, что течение вынесло их на глубину, он дал полный вперед. Гребной винт завертелся, и Айк повернул посудину в открытое море. Свежий бриз, как всегда, заставил его губы растянуться в улыбке, и он почувствовал себя лучше. Грир был прав: пусть делает что хочет. Впрочем, Грир так говорил обо всех женщинах.

Всю дорогу до отмели они боролись с приливом, поэтому двигатель взвизгивал при каждой волне. Грир распаковал спасательный костюм, который всегда надевал, выходя в море, и начал молча натягивать его на себя. Соллес стоял за штурвалом. Когда они миновали отмель, волны чуть успокоились, превратившись в длинные покатые валы, лениво, но сильно бившие на борт, и Айк наполовину сбавил скорость. Других судов видно не было. Ветер в открытом море стал холодным, и Айк снова надел шерстяную куртку

поверх спасательного жилета и застегнул ее до самого подбородка. Шерсть воняла, а замок молнии царапал подбородок, но без такой защиты лицо покрывалось ледяной коркой. Именно по этой причине многие рыбаки отращивали бороды. Так что, если особых причин для бритья не существовало, удобнее было иметь свою собственную поросль. Айк был безбородым меньшинством среди рыбацкой братии.

Как только они миновали скалу Безнадежности, Айк круто положил право руля и развернулся к северу. Слева виднелся туманный горизонт, который представлял собой открытое море, справа вздымались зубчатые стены магнитного колчедана.

И наконец Айку показалось, что впереди сквозь дымку он может различить ряд колышущихся суденышек. Он застопорил штурвал бедром и вытащил из кармана куртки маленький бинокль. Так оно и было – все столпились в проливе. Ловили там, где на прошлой неделе братьям Вонг удалось отхватить хороший куш. Выстроились в линейку, как дети перед раздачей подарков. При виде этого настроение Айка начало резко портиться. Ему совершенно не улыбалось тащиться вдоль всей шеренги карбасов, как ребенку, опоздавшему на праздник.

В самом дальнем конце на якоре стояла плавучая база Босли, а за ней в очередь выстроились осталь-

ные суда. Как только впереди образовывался просвет, первое в очереди с ревом неслось занимать освободившееся место. И надо же было устроить такую толкучку в огромном море. Господи боже ты мой.

Айк с биноклем у глаз разыскивал синюю рубку «Сьюзи», однако среди работавших судов ее видно не было. Он перевел окуляры обратно на выстроившуюся очередь и наконец отыскал ее в самом конце – она была похожа на голубую бусинку. Судя по осадке, она была перегружена. Алиса Кармоди никогда не могла остановиться, пока не утопала в рыбе по самую задницу. «Ну что ж, замечательно», – решил Айк. Он не будет стоять за ней, дыша выхлопными газами. Он вытянул дроссель на треть и повернул штурвал на сто восемьдесят градусов. Из кубрика высунулся Грир.

– Что ты делаешь, Исаак? – В руках у него дымилась две кружки. – Поосторожней, это последняя дурь. Жаль будет, если она разольется до того, как ты расскажешь мне, что у тебя произошло с малышкой Луп.

– Я не расположен к общению, – сообщил Айк. – Хочу двинуть к Утиной канаве.

Грир залпом опустошил кружку и принялся за другую: проще всего спасти драгоценную жидкость при качке – это заглотив ее. Когда обожженный язык у него немного остыл, он наградил Айка присталь-

ным взглядом исподлобья и продолжил уже с гораздо меньшим апломбом:

– Значит, двигаем к чертовой канаве. По-моему, это слишком, но давай. Я-то считаю, что тебе ее даже найти не удастся.

– Найду, – откликнулся Айк. – Хотя при таком приливе войти в нее будет не так-то просто.

– Уже не говоря о том, чтобы выйти, – пробормотал Грир себе под нос.

Утиной канавой называлась небольшая, то и дело пересыхавшая речушка, спускавшаяся с гор к северу от Квинакского залива, с постоянно менявшимся руслом, пролежавшая по песчаным отмелям. То она выныривала в одном месте, то в другом. А порой, когда прилив намывал высокую и широкую дамбу, она и вовсе исчезала, образуя небольшое озерцо на берегу, и ждала, когда дамба прорвется или поменяется русло. Однако если удавалось найти ее устье и подняться вверх, рыба была гарантирована.

Грир отставил кружку и начал застегивать спасательный костюм. Пережив крушение крабового судна в Бристольском заливе, Грир надевал спасательный костюм при любой погоде и на любом судне. А с крабами с тех пор было покончено раз и навсегда. Единственные членистоногие, с которыми он после этого имел дело, обитали в пучинах женского лона.

Айк допил чай и вернул кружку. Стоило ему распрощаться с коллегами по промыслу, как к нему начало снова возвращаться хорошее настроение. Он улыбнулся Гриру.

– Так, значит, великий любовник Эмиль Грир был изгнан со своего лежбища классическим разгневанным мужем вчера ночью.

– Изгнан? Я бы так не сказал. Великий Грир никогда не уходит, пока не кончит, какими бы классическими и разгневанными ни были мужья. Это мой кодекс чести, это...

Айк поднял руку, обрывая разговор, и указал на темный водоворот впереди. Грир спал с лица.

– Ах ты черт! И надеюсь, ты заметил, что здесь кое-кто уже утоп.

В прибрежном тумане виднелся ржавый шпангоут одной из жертв цунами девяносто четвертого года. А с другой стороны фарватера болтался еловый пенек, вывернутый весенними штормами. Грир покачал головой.

– Слишком узко, старик. Не советую пытаться. Там можно пройти разве что на каноэ.

Грир понимал всю бесплодность своих попыток – угон фургона не мог пройти безнаказанно. Движок взревел, и нос нырнул вниз. Грир застегнул неопреновый капюшон и схватился за планшир.

Айк много лет назад узнал от Кармоди, как обходиться с канавой – тогда его пай составлял всего десять процентов. Самое главное, что следовало помнить, это мели. И здесь нельзя было ограничиваться полумерами. Надо было принять решение и идти полным ходом. В противном случае любая встречная волна могла вас перевернуть. И Айк рванул.

Они прошли впритирку, так что обломки погибшего судна остались в метре от левого борта, а еловые корни царапнули правый. Через десять метров канава, свернув влево на девяносто градусов, раскинулась на миниатюрной отмели. Старый движок заревел, когда винты врезались в дно, но Айк быстро перевел его на нейтрал. По инерции они перескочили через отмель и оказались в заливе, неразличимом со стороны моря.

– Так Великий кормчий нашел свое собственное море, – саркастически прокомментировал Грир. – Правь, Британия, морями.

– Без проблем, – беззаботно улыбнулся Айк. Он успел отметить про себя, что опять начинает зарываться, но звук движка отвлек его от этой мысли. А потом он увидел в воде хромированный изгиб мощной спины и через мгновение еще две такие же. Он дал задний ход, и попутная струя усеяла их брызгами.

– Разматывай, старик. Посмотрим, что нам может предложить наше море.

Грир в раздувшихся складках неопренового костюма выглядел неуклюжим и неловким. Он открыл рундук и, сняв с него кружки, достал перчатки. Вздыхнув, подошел к барабану с сетью на корме и начал выуживать первый поплавок.

Выборочная лебедка на старой «Коломбине» была ручной. Именно поэтому Грир и Алиса и собирались работать на ней вдвоем, чтобы один занимался сетями, а другой стоял у штурвала. А при выборке снасти один должен был вращать барабан, а другой выбирать улов. Как в старое время. После того как Кармоди купил «Рыжую красотку», Айк с Гриром пару сезонов работали на «Коломбине», пока Кармоди не выдал Айку «Сьюзи», на которой можно было ловить в одиночку. Грир с восторгом сошел на берег и начал работать на консервном заводе, а «Коломбина» отправилась под брезент за эллинг к остальному хламу, который Кармоди называл «запасом». Она простояла там несколько лет, и ее не доставали даже тогда, когда «Рыжая красотка» затонула.

Когда Грир наконец выбрал поплавки, Айк дал полный ход. Гриру еще предстояло вручную выбрать не меньше пятидесяти метров сети, пока она начнет разматываться самостоятельно. Айк сбросил скорость и плавно дал лево руля. Когда вся сеть была вытравлена и последние поплавки сброшены за борт, он раз-

вернулся и двинулся обратно к первому оранжевому шару. Судя по перекатывавшемуся под водой спинам, Айк не сомневался, что им не придется долго ждать. Он изменил курс, и Грир зацепил поплавок. Айк застопорил ход и пошел помогать Гриру. Тяжелая сеть пульсировала от бьющейся в ней жизни. Первый лосось был настоящей царь-рыбой – длиной в ногу и ценой не меньше пятисот долларов.

– Похоже, правду говорят, что Господь благоволит к дуракам и черномазым, – заметил Грир, увидев этот трофей.

За первый раз они вытянули двадцать одну рыбину, причем одну настолько большую, что не смогли перевалить ее через борт.

– Чертова извращенка, – ругался Грир, пока они боролись с огромной плоской рыбой. Из всех обитателей глубин эти вызывали у него наибольшую ненависть из-за смещенных глаз. Наконец он достал нож и разрезал сеть, в которой она запуталась. Рыбина, перевернувшись, плюхнулась обратно в воду, блеснув широким белым брюхом.

– Ты только что разрезал сеть стоимостью в двести долларов, – заметил Айк.

– Можешь не переживать, – откликнулся Грир. – Вечером починю. Не говоря о том, что мы можем купить другую на те деньги, что сэкономили, отказавшись от

борьбы с этой уродиной.

Следующий улов оказался еще больше – четыре огромных самца и столько самок, что они сбились со счета. Дальше было больше. Они работали механически, без лишних слов, как раз так, как нравилось Айку. Потом включилось радио, из которого полилась обычная рыболовецкая чушь, так что ни тот, ни другой не обращали на него особого внимания. Обычно рыбаки не сообщали о своих удачах, чтобы не привлекать конкурентов; впрочем, неудачи тоже не афишировались. Правду скрывали ото всех, кроме своих партнеров по квоте, а им информацию передавали с помощью кодов, смысл которых, однако, для всех был прозрачен. Братья Вонг, к примеру, сообщали друг другу, что улов «пестрый», и подслушивающие понимали, что те пользуются двойной уловкой: «пестрый» слишком легко переводилось как «хороший», поэтому все догадывались, что на самом деле у них ни то ни се.

Несколько раз они слышали, как Алиса Кармоди выясняла, не видел ли кто-нибудь «Коломбину», и разные голоса отвечали ей «нет». Грир попытался ответить, но ржавый передатчик только жужжал. И Айк сказал, что пусть теперь она подергается.

– Увидимся при разгрузке на базе. То-то у нее глаза на лоб вылезут.

К полудню борт отяжелел, и они не стали рисковать снова забрасывать сеть. Радио отключилось. Начался прилив, и вода стала прибывать. Грир предложил встать на якорь и, прежде чем преодолевать отмель, подождать, пока не станет поглубже. Но Аик лишь ухмыльнулся и развернул судно.

– Чертов кобель, – упрекнул его Грир. – Тебе просто не терпится показать всем наш улов.

– Ты чертовски прав! – прокричал в ответ ему Аик и перевел телеграф на «полный». Впереди уже виднелась V-образная стремнина кофейного цвета, огибавшая обломки шпангоута. Осадка у них была гораздо больше, и Аик, засомневавшись, чуть притормозил. Он знал, что Грир прав. И все же ему хотелось выпендриться. Все эти самцы. Разбойники здесь оказались взаперти, вероятно, с самого начала весны и ждали, когда вода в Утиной канаве поднимется. Такие огромные рыбы не встречались в открытом море, они уходили вглубь задолго до открытия путины. Он дал полный газ.

– Держись! – прокричал Аик через плечо. – Проскочим.

Они не проскочили. Заскрежетал киль, и винт завяз. Аик попытался дать задний ход, но не успел – мотор чихнул и заглох. Он попробовал снова завести его, но старый аккумулятор отказался крутить стартер. Аик

поднял люк светового капа в машину и принялся дергать за трос до ручного привода, но мотор лишь чихнул пару раз и умер.

В прорези люка появилась рябая физиономия Грира.

– Херово? – с невинным видом осведомился он.

– Иди сюда, – распорядился Айк. – У нас еще есть шанс выбраться, если сейчас поймаем волну.

– О'кей, – откликнулся Грир, поднимая брови.

И оба принялись дергать трос. Мотор чихал и жужжал, чихал и жужжал, пока из каждой щели не начало брызгать топливо и обоих не начало тошнить от поднимающихся паров.

– Знаете, мистер Соллес, я думаю, его залило.

– Естественно, залило! – Айк почувствовал, что у него кружится голова. Благодаря всему этому напрягу чай Грира здорово ударил ему в голову. Айк нерегулярно принимал дурь, поэтому обычно она его не понимала. – Нам придется вытащить заглушки и продуть карбюратор.

– Будет сделано, сэр! – Грир начал вылезать из тяжелого неопрена; зачем нужен спасательный костюм, если под тобой суша? К тому же какой хороший механик станет работать в спасательном костюме?

Нам придется снять карбюратор и хорошенько продуть его, прежде чем тот вернется к жизни. К этому

времени ревуший прибор задрал нос карбаса, и они получили опасный деферент на корму. Айк дал «полный». Ил и грязь полетели вверх, но судно не тронулось с места. Айк дал включил реверс. Они проползли несколько ярдов, и лопасти винта со скрежетом врезались в грунт. Они прочно встали. Айк остановил движок и услышал, как в голове у него пропело: «А я тебя предупреждал, фа-фа-фа-фа!» Они не только сели на мель, но и сделали это в непосредственной близости от основного фарватера, так что вскоре им предстояло стать посмешищем для всей флотилии. Хорошенький спектакль! И он еще собирался надрать всем задницу!

Вокруг было тихо. Ветер спал, и волны мягко набегали на неровный берег. Айк беззлобно изрыгал ругательства.

– Даже не знаю, что сказать мумии, облепленной рыбьей чешуей, – наконец с невинным видом наморщил лоб Грир. – Пошли вниз. Могу поспорить, я найду чем размочить эти грязные бинты, а также чем разбавить эту чертову дурь.

Никто, включая Администрацию по контролю за применением законов о наркотиках, не знал, что конкретно представляет собой эта дурь и как она действует. Заварку всегда следовало приобретать в два захода у двух разных дилеров. Обычно она выгляде-

ла как мешочки с разными сортами чая – черным и травяным зеленым. Оба мешочка нужно было залить горячей водой и держать десять-пятнадцать минут, не доводя до кипения, после чего их ингредиенты соединялись в наркотик. Но даже тогда выделить его было невозможно. Варевое содержало слишком много других алкалоидов, присутствующих в любом чае, – кофеин, мяту, настой ромашки, – так что никто из ведущих фармакологов мира не мог воспроизвести его формулу. В результате чего для поставщиков сложился идеальный рынок.

Поговаривали, что это еще один волшебный продукт Новой Германии. Немецкие ученые выбрасывали на прилавки много чудес. Поэтому не было ничего удивительного в том, что и из-под прилавка они продавали чудеса. Как известно, «СПИД» был изобретен в Третьем рейхе. Гитлер пристрастился к кокаину и опасался, что торговые пути из Перу могут оказаться под угрозой, если война, не дай бог, кончится. Поэтому на всякий случай ему нужна была замена. Метамфетамин оказался ближайшим аналогом, который смогли разработать его химики. Но это было еще до появления дури.

Считалось, что разные части формулы дури разрабатываются в разных секретных лабораториях – одна во Франкфурте, а другая в Берлине. Кое-кто из

канаков, живших неподалеку от алеутов, утверждал, что эти лаборатории видели в Сибири. Вероятно, восточногерманский филиал. Еще одна лаборатория, по слухам, располагалась в бункере под военным заводом на Тайване. И с тех пор как все психогенные вещества растительного происхождения были генетически уничтожены, дурь на Аляске превратилась в основной источник наркозависимости. Особенно много ее потребляли во время изнурительных лососевых путин. И чем меньше ее оставалось, тем агрессивнее становились рыбаки. Они начинали совершать налеты в моторных лодках, нацепив портупей поверх прорезиненных штанов. И для того, чтобы защитить свой улов, требовалась недюжинная сноровка.

Исаак Соллес и Эмиль Грир были постарше и не относились к этому агрессивному племени. Аик практически прекратил пользоваться стимулятором. А Грир в течение целого дня мог смаковать одну кружку, как кофе. Только дурь была лучше, чем кофе: с ней можно было вкалывать до упора, а потом спокойно заснуть и проснуться свежим и отдохнувшим. Просто при таком отдыхе не снилось никаких снов. Пожалуй, это было самым неприятным побочным эффектом. А единственными осложнениями при отвыкании были легкий насморк и некоторая нервозность, проходившая через несколько дней после глубокого сна. Насморк

не сильно осложнял жизнь, а нервозность снималась алкоголем.

В одном из вывернутых ящичков кубрика Грир обнаружил бутылку «Сиграма». Айк приволок две баночки «Доктора Лайта». И пока Грир срезал с головы Айка последние бинты, они выпили бурбон и теплую колу.

– Чушь, старик. Нет у тебя никакого сотрясения. Ничего особенного, только шишка. А я-то думал, ты действительно ранен.

Крылышки пластыря были отклеены точно таким же образом, как они и приклеивались, – с помощью человеколюбивого алкоголя. Закончив, Грир отошел в сторону и внимательно осмотрел царапины на щеках и шее Айка.

– Значит, коты? Что-то не похоже. Кажется, у вас там было что-то еще. Ну-ка признайся старику Эмилю.

– Сначала я хотел бы узнать, что происходило в моем фургоне до того, как я появился.

– Ву! Ву! Так это она тебя так исцарапала? Луиза Луп? – Грир поболтал остатки жидкости в своей кружке и, довольный тем, что ему наконец-то удалось спровоцировать Айка, уселся на единственную табуретку. – Ну надо же, ай да Лулу.

– Нет, это не она, – сообщил ему Айк. – Это действительно была кошка.

И, потягивая виски с колой, он поведал обо всем, что произошло утром – начиная от замурованной в банке твари, разбудившей его на заре, до придушенных криков и странного мужика серебристого цвета. Гриру очень понравилось – он цыкал зубом и сопровождал рассказ одобрительными кивками.

– И под звуки фанфар помчался на спасение. Знаешь, Исаак, мне даже жаль, что я там не задержался, чтобы посмотреть на этого экзотического мужика. Мне бы это доставило несказанное удовольствие, – с сожалением заметил Грир.

– А ты меньше шныряй через черный ход, встретишь массу интересного.

– Меня, как ученого и исследователя, интересует процесс наблюдения, Исаак. Действовать я предоставляю таким рыцарям, как ты. – Грир возбужденно поерзал на своей табуретке. – Так откуда же вдруг взялся этот неожиданный супруг Лулу?

Айк пожал плечами.

– Насколько я понимаю, вырос из-под земли, как поганка.

– Вчера в «Бездомных Дворнях» болтали, что в Квинак приезжает какая-то киногруппа. Может, он голливудский лазутчик? Лулу ничего не говорила?

– Лулу сказала, что на нем тавро Ионы.

– Тавро Ионы? Что это за тавро такое?

– Оно приносит несчастье, согласно верованиям папы Лулу.

– Вау! Во что, интересно, может верить старый Папаша Луп?

– Ну, например, в кегельбан-автомат. – Да, он действительно слегка забалдел. – Все, кроме красных шаров и черных свиней, приносит ему несчастье.

– Ты говоришь, настоящий альбинос? Никогда не видал.

– В Почетном лагере сидел один, – вспомнил Айк. – Тощий мелкий припанкованный дилер в темных очках с дымчатыми линзами. Доводил охранников до бешенства тем, что они не могли их конфисковать.

– Он тоже приносил несчастье? – потрясенно осведомился Грир.

– Нет, только создавал массу шума и неприятностей, как это всегда бывает с панками. Он считал себя слишком большим умником – деньги, шприцы и всякое такое. А потом он как-то склеил челюсти тюремному псу суперклеем за то, что тот цапнул его. Не слишком мудрый поступок для заключенного. Его могли запросто прикончить за это, но за ним присматривал кто-то из Больших братишек. И звали его Святым Ником.

– Он был похож на святого?

– Он вечно что-то подписывал, обещал подарки.

А где-то за неделю до выхода я заметил, что Братишки начали собирать шестерок.

– Собирать шестерок? – Грир любил, когда Аик начинал вспоминать о времени, проведенном в тюрьме. – И какие мерзости это за собой повлекло?

Аик отхлебнул из кружки и посмотрел в иллюминатор.

– В его обязанности входило чистить сортиры. А я был в дорожной бригаде. Как-то раз меня привели обратно пораньше, потому что должны были приехать мои адвокаты – обговорить условия развода. Охранник привел меня в лагерь, а там ни души. Нигде никого – ни в камерах, ни в мастерских, ни в зале – полная пустота. Наконец слышу, откуда-то доносится смех. Иду и вижу, все столпились у тренажера по поднятию тяжестей – охранники, попечители, ну, в общем, все. Стоят в очереди.

– Оторвались, – сказал Грир.

– Вот именно. А потом вижу, из душевой выползает панк, и все ноги у него в крови.

– И что ты сделал?

– А нечего было делать. Все уже было сделано.

– И ты никому не сказал?

– А кому? В этом участвовали все лагерные авторитеты. Не думаю, что бедняге понравилось бы, если бы я раззвонил об этом еще и сержантам.

– А что с ним стало потом?

– Он еще оставался, когда меня перевели на реабилитацию. А потом, говорят, он начал слишком часто возникать, и его придушили подушкой.

– Так, может, тот вчерашний тип и был его призраком, восставшим из мертвых.

Айк покачал головой.

– Оригинал был в три раза меньше. Нет, вчерашний ублюдок был всего лишь брошенным мужем с недостатком пигментации и проблемами с законом.

– Это еще неизвестно, – возразил Грир. – Призраки очень хитрые ребята.

Карбас мягко покачивался, шипела бутановая горелка, а мужчины потягивали напитки и рассуждали о внезапном и странном появлении мужа Луизы Луп. Айк блаженствовал. Его не смущало даже то, что их, как последних болванов, будут вытаскивать на буксире. Он любил рыбачить именно так – исследуя новые воды и рискуя. Ну и что из того, что их будут волочить, как дураков? По крайней мере эти сукины дети узнают, что кое у кого хватает порошу на то, чтобы сунуться в Канаву. А когда они увидят их улов... не такая уж плохая цена за глупый вид.

Его невозмутимость не была поколеблена даже тогда, когда он увидел «Сьюзи» еще за несколько часов до окончания лова. Она достаточно сбросила ско-

рость, так что было легко различить темную фигуру Алисы с биноклем у глаз. Аик помахал ей рукой.

– Она потопит и нас, и себя, – заметил он Гриру. – Так что подождем кого-нибудь из Вонгов.

– Меня это устраивает, – откликнулся Грир и снова начал крутить радио. – Интересно, куда это она так спешит. Уж не вернулся ли Кармоди?

– Будем надеяться, – ответил Аик.

Выпивая и подремывая, они провели в кубрике весь день до девяти вечера, пока не раздался сигнал к окончанию лова. Тогда они вышли на палубу и стали смотреть, как суда, устало пыхтя, идут к причалу. Их было меньше, чем обычно, вероятно, многие по примеру Алисы закончили день раньше. Когда вдали показался Норман Вонг, они замахали руками, прося взять их на буксир. Он кинул им выброску, и его карбас накренился, когда они закрепили у себя буксир. Здоровый дизель Вонга в считанные минуты снял их с мели, и они, ныряя, закачались в его кильватерной струе.

Вонг дотащил их до базы Босли, чтобы они могли разгрузиться. Из динамиков Босли неся Бах. Босли всегда слушал Баха. Или «Битлз». Пока он взвешивал их улов и отсчитывал наличные, Грир отправился поболтать с его дочерьми: хотел похвастаться перед ними уловом. Они помогли ему очистить самого боль-

шого лосося, и Грир отдал его обратно Айку. Босли закрепил их трос, чтобы уже самому отбуксировать их к причалу.

Когда они миновали мысы и приблизились к отмели, оба были изумлены представшим зрелищем. Возвышаясь над лесом мачт и рангоутов, на высоте сотни футов в заходящем солнце сине-зеленым и серебристо-белым переливалось нечто похожее на спинной плавник гигантской касатки. Грир выхватил бинокль из кармана Айка и приник к нему.

– Господи Иисусе, Исаак, это «Чернобурка»!

Название было знакомым, но единственное, на что был способен Аик, так это пожать плечами.

– «Чернобурка» – самая крутая яхта на плаву! Парусная яхта, ты что, не знаешь?

Аик сказал, что ничего не знает с тех пор, как много лет тому назад покинул Калифорнию.

– Это всего лишь просто-напросто знаменитая плавающая студия Герхардта Стебинса. – Грир чуть не плясал от возбуждения. – Герхардт Стебинс!

– Кинорежиссер?

– Кинорежиссер с мировой славой. Значит, не врут – у нас действительно будут съемки. Вау! К черту всю эту рыбу. – И Грир пнул ногой очищенного лосося. – Полный вперед, Босли. Нас ждет звездная жизнь!

Айк забрал у Грира бинокль. Сквозь брызги он различил хромовый блеск трехъярусного мостика под огромным парусом. «Бедная Алиса, как ее обломали. Она-то надеялась, что это ее старик вернулся».

Но он снова ошибся. С каждой минутой становилось все хуже. Когда они, пыхтя, вошли в ремонтный док, он увидел Алису Кармоди, улыбавшуюся от уха до уха. С вымытыми и расчесанными волосами, завязанными сзади в блестящий узел, она стояла в толпе, окружившей экипаж судна. Айк в полном изумлении начал крутить окуляры. На ней было национальное одеяние с пуговицами из ракушек и бахромой из клювов буревестников, браслеты, бусы, еще какие-то побрякушки, но главное – черные чулки и вечерние туфли на высоком каблуке! Но что было еще более поразительным – она пила. Уже много лет никто не видел Алису Кармоди пьющей.

– Это «Дом Периньон»! – вскричал Грир. – Скорей, Босли! Прибавь газу!

Алиса заметила их, когда они проплывали мимо, и помахала рукой.

– Эй, Соллес! Грир! Где это вы были, мальчики? Охотились на уток?

Толпа радостно заржала.

– Привяжите это старое корыто или утопите его, – снова закричала она. – И присоединяйтесь.

Грир, изумленно подняв брови, посмотрел на Исаака.

– Сначала это отвратительное явление кота в майонезной банке, потом сюрприз с супругом Луизы Луп, а теперь еще Алиса Кармоди пьет с голливудскими пижонами. Очень интересно – какие только тайны не скрываются за безыскусными фасадами?

– Действительно интересно, – согласился Айк.

Они привязали «Коломбину» в пустом эллинге и пешком двинулись к причалу. Лицо встретившей их Алисы лучилось от выпитого шампанского и падавших на него последних лучей заходящего солнца. Она вручила Гриру бутылку и величественно развернулась в своем позвякивавшем и дребезжащем платье.

– Как я тебе нравлюсь, Соллес? Классический национальный костюм.

– Похоже на портреты Эдварда Кертиса, – ответил Айк.

Тучи начали сгущаться на лице Алисы, но ей удалось их разогнать, и она рассмеялась.

– Ладно, пошли, мужики, – подхватив обоих под руки, заявила она, – я хочу вас кое с кем познакомить.

Она двинулась к небольшой компании, стоявшей поодаль. Там были братья Вонг, Босли, ловцы жаберными сетями и мелкотравчатый молодняк. Все пили «Лабатт» из банок и, кивая, слушали высокого широ-

копелчегу мужчину в меховой парке, который стоял к ним спиной. По манере поведения Айк принял его за знаменитого режиссера. Алиса подошла прямо к нему и хлопнула по спине.

– Мистер Соллес. Месье Грир. Это мой сын Николай Левертов.

Мужчина обернулся и откинул капюшон, так что тот опустился ему на шею, как клоуновское жабо, только парик у этого клоуна со стоящими дыбом волосами был не рыжим, а белым, и его пряди трепетали и развевались, как маленький снежный вихрь.

– Не называйте меня Николаем, – протянул он свою белую руку Айку. – Зовите меня Святым Ником³.

Гж-ж-ж-ж! Айк, вскрикнув, отскочил в сторону. Темно-красные губы разъехались в улыбке, а белая кисть разжалась, и в ней оказался игрушечный зуммер. Все рассмеялись – Грир, Алиса, молодняк – все. Даже кружившие над головой вороны с карканьем подхватили общее веселье. Айк тоже присоединился к нему. Однако в глубине усталого сознания отчаянно пульсировали вопросы: почему здесь? Почему сейчас? Почему в Квинаке?

³ Святой Николай – покровитель моряков.

4. Страдающие дамочки, демоны из прошлого и яхты из будущего

Прежде всего следует осознать, почему именно Аляска. Потому что Аляска – это конец, финал, Последний рубеж мечты пионеров. После Аляски идти уже некуда. Была еще Бразилия, но ее отдали в уплату долгов Третьего мира миру Первому и Второму, которые в свою очередь скормили ее Макдоналдсу. Продали за миллионы миллионов.

Какое-то время надежды возлагались на Австралию, но они оказались очередной викторианской фантазией, от которой белые муравьи и расизм не оставили камня на камне. Африка? У нее никогда не было ни малейшего шанса – колесо истории остановилось еще до того, как оно было там изобретено. Китай? Легендарный Спящий Гигант, просыпающийся в цепях экономики и смога. Канада? Изобилующая природными ресурсами и галантерейщиками, которые только и умеют, что смотреть хоккей и пить пиво. Луна? Марс? Фрактальная ферма? Извините, ребята. Раз уж нас зашвырнули на шарик под названием Земля – с ним нам и остается забавляться.

Так вот в процессе этой гнусной игры дело и дошло

до Аляски, до Последнего рубежа.

Во-первых, Аляска достаточно велика, чтобы, несмотря на все разливы нефти и мусорные свалки, оставаться сравнительно чистой. Ее площадь составляет 586 тысяч квадратных миль, или 375 миллионов акров. Даже сейчас, в XXI веке, на большей части ее территории еще не ступала нога ни бледнолицего, ни краснокожего, ни негра, ни другого человека да и никаких прочих млекопитающих. Она пуста. Жизнь процветает исключительно вдоль береговой линии, протяженность которой превышает все береговые линии Соединенных Штатов, включая Восточное побережье, Гудзонский залив, Мексиканский залив, побережье к северу от Сан-Диего (Калифорния) до Ванкувера (Британская Колумбия), вместе взятые. Полоса эта и с исторической точки зрения, и с геологической все еще очень подвижна.

Алеутский хребет – один из наиболее сейсмически активных районов мира. Это извилистая полоса, состоящая из трещин и крошева, оставленного 20 миллионов лет тому назад при образовании суперконтинентов. И похоже, она до сих пор не обрела постоянной конфигурации. Море давит своим весом, измученные породы и осадочные сланцы вздымаются вверх и с треском раскрываются, как древние фолианты. Здесь-то и располагаются самые нижние эта-

жи фондов этой библиотеки (подробности см. в приложении). В них хранятся первые выпуски «Тайм» и «Лайф», «Правдивых историй» и самые ранние номера «Нэшнл Джеографик». И чего в них только нет! В одних – романы, тягучие и длинные, как и сама тысячелетняя сага о душераздирающем процессе образования суперконтинентов; в других – лапидарные таинственные головоломки, например, почему крохотные отрицательно заряженные хвосты молекул в определенном слое ископаемых моллюсков (возраст около двенадцати с половиной тысяч лет), в течение многих веков направленные на север, вдруг в следующем слое разворачиваются и начинают указывать на юг. Эти фонды изобилуют подобными сведениями, однако они мало что проясняют. И чем выше, тем туманнее они становятся, особенно когда доходишь до исторических фактов. Печатные истории обладают тем неприятным свойством, что они соответствуют идеологии той группировки, которой принадлежал печатный станок. Поэтому проще всего понять историю Квинака, отказавшись от конкретных фактов и обратившись к легендам.

Представьте себе ускользающий и неуловимый Святой Грааль Нового Света, этот проход в Занаду, этот Радужный мост в Асгард, знаменитый Северо-Западный пролив! Воображение людей XVIII века

рисовало сей фантастический пролив как путь, пролегающий вдоль всей макушки неисследованного американского континента от Атлантики до Тихого океана. Как соглашались все эксперты, со стороны Атлантики он должен был начинаться в болотистой филигранной маячащих возможностях на западе огромного Гудзонского залива. Затем, по мнению тех же специалистов, он должен был пролегать сквозь лесные дебри на север, мимо дикарей, каким-то образом преодолевать гряду Скалистых гор и выходить где-то между Арктикой и Золотыми воротами.

Какая дивная и безумная прихоть – этот Северо-Западный пролив. Как все мечтали пересекать континент от одного океана до другого, не совершая убийственного плавания вокруг чертова мыса Горн! Люди грезили об этом так долго и так страстно, что мечта превратилась в навязчивую идею. Более века она преследовала мореплавателей и купцов – они готовы были поклясться, что пролив обязан был там быть, – и они отдавали жизнь в попытках найти его... Роджерс со своими оборванцами в болотах Квебека заплутал, обезумел и впал в каннибализм ради продолжения поисков... Капитан Кук... Ванкувер... бесчисленные взмыленные испанцы, обшарившие вдоль и поперек все речки и заливы вдоль Западного побережья, которые им только удалось разглядеть сквозь туманную

морось... все они искали Северо-Западный пролив.

Широкое устье Квинакского залива наверняка сеяло пустые надежды в сердца многих моряков.

20 июля 1741 года Витус Беринг стал первым, кто увидел в подзорную трубу этот залив, втянутый внутрь суши, как слоновья пасть под изгибающимся хоботом Алеутских островов, но, узнав, что горноста́я на берегу не обнаружено, он не стал останавливаться. Как истинный исследователь, Беринг мог бы и заглянуть в залив, но он работал на русских, а правящая царская фамилия не оставляла никаких сомнений в том, что ее интересуют меха, а не мифические проливы.

Сорок лет спустя у скалистого выступа, на котором нынче расположен музей в маяке, бросил якорь капитан Кук. Будучи не в силах взобраться на скалу, чтобы осмотреть окрестности, часть экипажа в шлюпке поплыла к берегу, чтобы опросить местное население.

Берег провонял рыбой, находившейся на разных стадиях не то разложения, не то обработки. Крутой песчаный шельф был усеян камнями, костями, пустыми раковинами и голыми ребятишками. Тучи мух, комаров, а затем и двуногих бросились навстречу волосатым людям из чудной лодки. Священник по имени Перкинс, экспедиционный лингвист, прозванный на борту Абракадабром, принялся нести какую-то тара-

барщину. Он молот языком, жестикулируя одной рукой и прихлопывая наседавших насекомых другой, до тех пор, пока не был разрешен главный вопрос.

Нет, никто из племени не знал, откуда течет река, но все были убеждены, что не из Другой Большой Воды, Лежащей за Восходящим Солнцем.

Тогда один из матросов с подозрительной трубой в руках взобрался на одинокий тотемный столб и сообщил, что отлично видит исток в дальнем конце залива. «Менее чем в пяти лигах отсюда... река с ледника стекает в залив... крутые скалы справа и слева по борту. Там не пройти, сэр. И больше ничего существенного я не вижу».

Кук погреб обратно на «Дискавери» и принялся давать названия всему, что видел, как делал всегда, сталкиваясь с явлениями несущественными.

Каменистую стену на севере, которую не смогли одолеть его матросы, он назвал скалой Безнадежности. А снежная вершина, выглядывавшая из облаков, стала пиком Довера.

Ледниковый водопад был назван рекой Принца Ричарда в честь второго сына Георга III. Залив, естественно, тоже получил имя Принца Ричарда, а поселок – если таковому суждено было возникнуть из ракушек и рыбьих костей – должен был стать фортом Принца Ричарда. Увы, в тот же год бедный малень-

кий принц Ричард простудился во время церемонии на лестнице Букингемского дворца в Туманном Альбионе и умер от лихорадки, так что потенциальный град Принца Ричарда сменил название на менее царственное, зато более древнее – Квинак.

За Куком последовала вторая волна испанцев, мечтавших вписать свои имена в списки длинной флотилии бессмертных испанских мореходов, но усеченный залив под Алеутскими островами явно не был Магеллановым проливом. И никто не стал утруждать себя его переименованием.

Так сохранилось первоначальное название. А вот обитавшему там племени сохраниться не удалось. После целой череды исключительно холодных зим и безрыбных лет, сопровождавшихся к тому же завезенным русскими триппером, последние крохи коренного населения вымерли, а те, что выжили, стали обладателями всяческих увечий и разбрелись по побережью, примкнув к сородичам и родственникам из других поселений.

Однако по прошествии времени, когда лосось снова стал заходить в залив, кое-кто из прежних обитателей вернулся. Но аборигены быстро поняли, что больше эта земля им не принадлежит. Впрочем, они не жаловались, понимая, что сами предали свое наследие, отказавшись от первородства. Поселение со-

хранило старое имя, но его обитатели называли себя унанганами, тцимшианами, тлингитами, юпиками или алеутами. Так бы все и продолжалось, если бы не неожиданное принятие закона об унификации коренного населения. После того как закончилось действие моратория на торговлю землями аборигенов, один из законодателей внес поправку, в соответствии с которой все так называемые туземцы должны были согласиться с присвоением им единого имени. Целесообразность этой поправки прокомментировал сам президент на частном завтраке окружного комитета партии:

– Они все такие ранимые. И каждый раз приходят в неистовство, когда кто-нибудь из наших чиновников обращается к ним, используя не то имя. Инуитам, например, не нравится, когда их называют эскимосами, потому что слово «эскимос» означает «поедатель сырой рыбы». А инуиты гордятся тем, что, кроме рыбы, едят еще и овощи, уже не говоря о том, что и рыбу они подвергают тепловой обработке.

Он только что вернулся после двухдневной конференции вождей в Джуно и начал отращивать бороду.

– А что же означает слово «инуит»? – поинтересовался один из джорджтаунских воротил.

– «Инуиты», как чаще всего и бывает с самоназваниями, означает попросту «люди». А «тлингиты»

означает «настоящие люди», поэтому тлингиты порой возражают против того, чтобы их называли просто «людьми». И никому из них не нравится, когда их называют «американскими индейцами» или «коренными американцами». Даже название «первобытные народы» устраивает не всех. Они утверждают, что не являются первобытными, а лишь потомками первобытных людей, то есть людьми нынешними. С технической точки зрения они правы, но я сразу почувствовал какую-то несурязицу. Проспорив целые сутки, они наконец остановились на названии «потомки американских первобытных аборигенов». Я понимаю, что аббревиатура «ПАПА» звучит несколько претенциозно, но теперь, по крайней мере, встретив высокого или низкого, коричневого, бежевого или шоколадного человека с тибетским разрезом глаз и полинезийской челюстью, вы можете смело называть его «ПАПой». Даже если это лицо женского пола...

Так почему же Квинак? Потому что если Аляска является последним рубежом американской мечты, то Квинак представляет собой последний бастион этого рубежа. Благодаря удивительно защищенному местоположению Квинака, его как ни странно, не коснулись разрушительные силы XXI века. Здесь сохранился прежний температурный режим, то есть в среднем 37–65° летом и от 7 до 30° зимой с предельными за-

фиксированными отметками в 45° ниже нуля зимой восемьдесят девятого года и 99° в знаменитую Четвертую засуху, когда в округе Колумбия температура поднялась до 119° и все вишневые деревья засохли.

Прибрежное море, как правило, спокойно. И хотя открытое пространство до наветренного берега довольно велико, волны разбиваются о рифы и отмели, так что настоящего прибоя никогда не бывает.

Дно стабильно и достаточно ровно, чтобы можно было регулярно принимать баржи и танкеры, но не настолько глубоко, чтобы сюда заходили круизные суда типа «Принцессы острова», к тому же – с какой стати им навещать эту грязную лужу?

Берег залива изгибается, как ржавая подкова с пепельно-серой ледниковой рекой в глубине и полу-сгнившими сваями и пирсами, напоминающими погнутые гвозди, по периметру.

Город расположен у самого устья на южном берегу. Состоит он в основном из приземистых хижин, а самым большим зданием является новый трехэтажный казино-отель. Даже баржи, заходящие из Анкориджа и Сиэтла, превосходят его по размерам. За отсутствием дорог, ведущих в глубь материка, все жизнеобеспечение города поддерживается этими грузовыми судами, привозящими продукты, телевизоры, машины и снегоходы и вывозящими консервированную, мороженую

и разделанную рыбу.

Единственное асфальтированное четырехполосное шоссе длиной в три мили ведет к крохотному аэропорту. Но на подъезде к городу, где заканчивается федеральное финансирование и начинается местное, оно расходится пятью грязными колеями на манер пятерни. Самая западная – большой палец – обрывается тупиком у шлюпочной мастерской, заставленной катерами, словно намереваясь уплыть на каком-нибудь ремонтируемом суденышке.

Указательный палец устремлен прямо на промышленный центр города – на доки, рыбоконсервные заводы и крутобедрые баржи, морозильные комбинаты и многочисленные автопогрузчики, которые опорожняют и загружают подплывающие и отплывающие траулеры, на гниющие горы снастей, сетей, тары и разнообразной арматуры, которую обычно называют «хламом».

Искривленный средний палец тянется через торговый район и центр города мимо конторы по продаже «Хонд», вокруг которой высятся горы нераспакованных девственных снегоходов, пересекает бульвар Кука, на котором в любое время дня и года спят бомжи и «ПАПы», минует боулинг Лупа, где с рубиново-красным шаром выжидает свою жертву Омар, подобно акуле, мимо гостиницы и прилегающего к ней

казино, мимо «Горшка» и «Песчаного бара», мимо «Медвежьей таверны» и «Консервов против консервов», издевательски названных в честь Джона Стейнбека, чего, впрочем, никто из постояльцев не мог оценить в силу своей необразованности... скрещивается с безымянным пальцем и окунается в захиревшее сияние русской православной церкви, куда по-прежнему собираются верующие и вокруг которой все так же цветет неухоженная сирень отца Прибылова, пока наконец не упирается в среднюю школу Квинака, на одной из стен спортивного зала которой изображен доисторический сине-зелено-красный буревестник. В остальном же классы и коридоры этого учебного заведения с восьми до четырех тридцати заполнены образчиками всевозможных современных смесей, которые встречаются в любой другой школе.

И последний палец этой грязной повисшей кисти, мизинец, представляет собой просто дорогу – пыль и рытвины летом, санная горка зимой. Она слегка поворачивает к востоку, огибая стальную вышку и резервуар с городским запасом питьевой воды, проходит мимо анфилады боен и ночлежек Лупов вдоль городской свалки и, пробравшись сквозь каньоны мусора ихлама, ныряет в папоротники и заканчивается у одинокого трейлера.

Шины спущены, окна зашторены, бока и крыша вы-

крашены в вишнево-красный цвет, который кажется здесь неожиданной вспышкой, как наманикюренный ноготь на грязном пальце. Но в этом есть что-то жизнеутверждающее – словно эта куча хлама умудрилась отделиться от остального мусора и уползти со свалки.

Жизнеутверждающее и благородное зрелище.

Именно здесь, в основном в одиночестве и спокойствии, если не сказать в счастье, Исаак Соллес провел последнюю четверть своей более чем сорокалетней жизни и прожил бы так же и следующие сорок, будь на то его воля... если бы его оставили в покое обезумевшие коты, страдающие дамочки, демоны из прошлого, яхты из будущего и Алиса Кармоди. Особенно Алиса Кармоди.

5. Полоска никчемной земли, вставшая костью в горле

Алиса Кармоди была «ПАПА». Ее звали Свирепой Алеуткой. Она являлась одной из последних коренных жительниц Квинака, хотя и не принадлежала к алеутам. Ее дед был шаманом племени в течение пятидесяти лет до того, как зачал ее мать. Мать тоже уже начинала овладевать секретами мастерства, когда неотесанный, но обаятельный русский эмигрант убедил бедную язычницу отказаться от нечестивых взглядов и связать свою жизнь с правоверным христианином. Все воскресенья он посвящал Богородице, а остальные дни недели водке с мартини. Звали его Алексей Левертов, и тяжелая жизнь, изобиловавшая несчастьями, сделала его мрачным и ненасытным. Пил ли он вследствие несчастий или наоборот? – вероятно, мать Алисы пыталась разгадать эту загадку, ибо ей нельзя было отказать в уме. Зато она не сомневалась в том, что загадочный чужеземец обаятелен и доступен, а шаманское ремесло хирело, учитывая, что соплеменников оставалось не более двух десятков. Поэтому последняя из квинакских шаманок отреклаась от языческого наследия, отказалась от тран-

сов, плясок и видений и поменяла свои мешочки с кореньями и поганками на четки и шейкер для коктейлей.

Крошку Алису крестили в вышеупомянутой русской православной церкви, в этом увядающем перле на безымянном пальце дряхлеющего города. Когда Алисе исполнилось тринадцать, ее мать скончалась от отравления грибами, по заключению медиков (неужто она впала в вероотступничество?), и темноглазая девушка заменила свою мать и в церкви, и в рыбацкой лодке. Она даже научилась смешивать водку с вермутом, как это нравилось мрачным русским.

В старших классах она была сразу же выбрана старостой, а на следующий год завоевала титул королевы на вечере встречи выпускников. Она была настоящей красавицей с темными глазами, в которых едва проглядывала балтийская синева, с полной грудью, с широкими бедрами и плечами. Но в отличие от остальных соплеменников у Алисы Кармоди была осиная талия. «Это ненадолго», – шептались представительницы прекрасного пола, когда она выходила из машины с открытым верхом в своем завораживающем вечернем платье. «Уж всяко мы попробуем это исправить», – тяжело дыша, думали представители противоположного пола.

И они не ошиблись. К рождественским каникулам

талия начала быстро полнеть. К весенним экзаменам Алиса уже пользовалась упругой выпуклостью под платьем как подставкой, на которую можно было класть планшет с экзаменационной работой.

Она ни разу не намекнула на то, кто из воздыхателей ответственен за плод, зревший в ее чреве, а хмурый вид препятствовал каким бы то ни было вопросам. Даже отцу Прибылову ничего не было известно, а уж он знал всю подноготную своих прихожан. За целое лето на исповедях Алиса и словом не обмолвилась о своем положении, однако старый священник стал первым человеком, к которому она принесла младенца. Как только она смогла встать, она положила младенца в подол и пронесла его в пикап мимо своего мертвецки пьяного папаша. Она пересекла церковный двор и подъехала к самым дверям дома приходского священника. Старик вышел на порог, сопя, щурясь от яркого солнца и жуя бутерброд с сырным маслом и копченой лососиной. Он не различал цветов и страдал катарактой, но нюх у него был острым. Он улыбнулся, почуяв запах милой Джуной Алисы, бедной Джуной Алисы и отважной Джуной Алисы, отказавшейся от аборта. Она протянула ему сверток.

– Помогите мне, отец. Это выше моих сил.

Священник перестал жевать и склонился над свертком. Даже несмотря на свой дальтонизм, он уви-

дел, что кожа ребенка белая, белая, как сырное масло на его бутерброде, а глаза цвета лососяного мяса.

Они вымыли кладовую, и юная мать с младенцем переселилась туда. По настоянию священника осенью Алиса вернулась в школу с еще более тонкой талией и еще более свирепым взором. Нельзя было лишиться образования такую одаренную девочку, а нянек в округе было предостаточно. Иногда Алиса привозила ребенка в коляске в школу и между занятиями катала его по коридору с дерзким и надменным видом. Иногда оставалась дома в кладовой и качала неугомонное дитя, одновременно просматривая книги по религиозному искусству, которые собирал отец Прибылов. Порой она пыталась кое-что копировать, пользуясь карандашами из детской комнаты. В результате получались несусветные соединения разных стилей. «Поклонение волхвов» Ван Эйка походило на оттиски на шкатулках Квакиутля. «Распятие Христа» Гольбейна выглядело как тотемный столб Белла Кулы. Но у нее было время, чтобы справиться с этими проблемами – зачастую работники церковной социальной помощи забирали ребенка на несколько недель, отправляясь то в глазной центр в Анкоридж, то в аллергическую клинику в Виктории. Для специального лечения. Как утверждали врачи, юный Николай Леверт обладал исключительными особенностями. Алиса оказа-

лась права – она нуждалась в помощи. Это было выше ее сил.

В течение последующих трех семестров она закончила два класса и получала грамоты за успеваемость и способности. От карандашей из детской комнаты она перешла к росписи стен. Именно Алиса изобразила буревестника на стене спортивного зала. Птица принесла ей синюю ленту в общенациональном конкурсе стенной росписи и заставила Общество искусства и гуманитарных наук Аляски наградить Алису стипендией для обучения в любом колледже. Никто не сомневался, что она выберет университет Анкориджа. Беспомощные юные мамы, подобные ей, денно и ночью получали там церковную помощь непосредственно на месте в университетском городке. Общество искусства и гуманитарных наук Аляски настаивало на том, что это идеальный выбор. Но Алиса послала их в задницу. Она уже сыта по горло грязной дырой под названием Квинак, неуклюжим и вечно пьяным папашей, совершенно особенным ребенком, сочувствием соседей и всем штатом Аляска. Она будет учиться в Институте искусств Сан-Франциско. Она станет калифорнийской красоткой – с надменным видом сообщила Алиса своей школьной подружке Мирне Хугстраттен. А ребенок? Так о нем позаботится церковь.

Она рисовала и развлекалась в круговерти Сан-

Франциско. А когда ее стипендия закончилась, стала работать в большой галерее на улице Кастро у своего бывшего учителя – угрюмого старика с подкрученными вверх усами. Вскоре она уже жила с ним вместе над галереей, стремясь как можно больше узнать о любви к искусству и об искусстве любви. Но когда ее наставник попытался уложить к ним в постель еще и гладкокожего юного художника из Вайоминга, писавшего сцены клеймения скота и объездки лошадей в духе мачизма и постоянно носившего шпоры – даже без сапог, Алиса собрала свои вещи, рисунки, прихватила все деньги из сейфа галереи и вызвала такси до аэропорта. Рисунки были отправлены в церковь Квинака, так как сама Алиса летела в противоположном направлении – в Сан-Диего. Она никого там не знала, но скорее была готова провалиться сквозь землю, чем вернуться на север. Ей было все равно куда, хоть в Гвадалахару.

Алиса нашла работу преподавателя истории народов северо-западного побережья и стала учить подростков, большинство из которых говорило лишь на южноамериканском наречии. Поселившись в дешевом мотеле, где сдавались комнаты на длительный срок, она перестала следить за своей талией и за своим творчеством, начала пить и сквернословить. Она опасалась, что с живописью покончено. И точно зна-

ла, что покончено с мужчинами. Пусть все эти мерзавцы – подлецы со шпорами и подонки с усами, а также неуклюжие угрюмые русские с мартини убажуют друг друга сами – большего они не заслуживают.

Алиса продолжала работать и жить в мотеле, отказавшись лететь домой даже тогда, когда священник телеграфировал, что ее отец наконец окончательно выпал за борт. И только снятие моратория на торговлю землями заставило ее вернуться на родину. Какой бы грязной дырой она ни казалась, теперь это была недвижимость, за которую можно было выручить деньги.

Вернувшись в Квинак, Алиса собиралась как можно быстрее продать свой участок и убраться восвояси, но тут возникли осложнения с адвокатом, которого наняли соплеменники. Возможно, все дело в том, что он был доброжелательным яппи с портфелем из пятнистой тюленьей кожи, а может, он просто напоминал ей лощеного художника из Вайоминга. Во всяком случае, она отказалась продавать землю и подписывать какие бы то ни было соглашения. Алиса вцепилась в свою никчемную полоску земли неподалеку от аэропорта, а папашину собственность передала на условное депонирование (закон требовал семилетней отсрочки вступления во владение на случай, если проspirтованный русский вдруг вынырнет из пенистого

прибоя). На полученные деньги она купила угол квартала размером двести пятьдесят на двести пятьдесят футов с обветшавшим мотелем и неработавшей коптильной и назвала свое предприятие «Медвежьей таверной» и «Консервы против консервов». Иногда полученное образование толкает людей на такие поступки.

После того как сделки были оформлены и контракты подписаны, бо́льшая часть Алисиных соплеменников поспешно отбыла, оставив земли на попечение адвоката и менеджеров корпорации «Морской ворон». Они вернулись к тому, чем занимались прежде, – а именно к одинокому потреблению алкоголя в центрах для престарелых и тихому отплытию в мир иной. Алиса забрала сына из церковной школы в Феербенксе, чтобы рассказать ему о своих инвестициях в недвижимость, но, похоже, тот испытывал к Квинаку любви не больше, чем она сама. Он сообщил ей, что в Феербенксе у него друзья и отлично выдрессированные приемные родители и что, может, он приедет навестить ее на каникулах. Попробует дурь. Как-нибудь потом.

Алиса скоро поняла, что ее ярко выраженная неприязнь к местным игорным корпорациям не даст ей подружиться с соплеменниками. Впрочем, они продолжали интересоваться ее намерениями. А если она

ничего не хочет рассказывать, то почему бы ей не свалить туда, откуда она явилась? Это выводило ее из себя, как и скромняга яппи. И наконец она заявила, что намерена остаться на своей прекрасной родине из уважения к собственным корням. «Это все из упрямства», – шептались соседи за ее спиной, но Алиса ясно дала понять, что их мнение ее абсолютно не интересует. Она останется все равно.

Таким образом Алиса поселилась в Квинаке назло окружающим. Она собиралась вести свое собственное дело без всяких предков, преемников и скидок. Она не собиралась покупать себе новомодного барахла, чтобы изображать респектабельность, но и не давала плевать себе в лицо. А пить она была намерена на глазах у всех и господ бога.

Именно тогда она получила прозвище Свирепой Алеутки. Ее старым друзьям, таким, как отец Прибылов, порой казалось, что в ней уживаются два разных человека. Иногда в ней просыпалась прежняя тихоголосая увлеченная студентка, одно прикосновение которой к цветам или свечке могло преобразить всю церковь. Но стоило сладкоголосой Алисе Левертовой напиться, что происходило очень быстро и довольно часто, и она превращалась в разъяренную ведьму с острым, как гарпун, языком. Язык от алкоголя у нее не только не заплетался, но делался еще острее. Он

колом и язвил, и от него невозможно было увернуться, если вы оказывались ее мишенью, до тех пор, пока беспамятство не обрубало трос этого гарпуна. Проспавшись, она бывала тиха и мила.

Однако эта свирепая Алисина сущность пробуждалась все чаще и чаще. С каждым годом разъяренной ведьме требовалось все меньше и меньше алкоголя, и ее мог пробудить малейший намек на оскорбление. Корни Алисиной ярости разрастались по всем направлениям в поисках новой почвы. То она злилась на правительство, то на тех, кем оно управляло. Она ненавидела белых за то, что эти лупоглазые рыбобрюхие сволочи попирали ее народ, и соплеменников за то, что они так легко продавались. Она обрушивалась на весь род людской за то, что он испоганил все, что мог, и одновременно уничтожала презрением всякого наивного идеалиста, полагавшего, что когда-нибудь жизнь наладится. Несколько стаканчиков, и Алиса готова была наброситься на любого.

После первого стакана обычно объектом ее гнева становились бармен, официантка или любой другой сукин сын, продававший успокоительную мочу, называемую ныне бурбоном. После второго она обрушивалась сразу на всех умственно отсталых, которые были настолько тупы, что соглашались это пить. После третьего Алиса расширяла диапазон своей ярости, и он

захватывая весь этот сраный город со всеми его обитателями, грязное море, тухлое небо, чертов ветер и даже длинные темные ночи. На следующий день она ходила со скромно опущенной головой, снова говорила тихим голосом и, идя на компромисс, общалась с окружающими.

Но даже когда Алиса пила цивилизованно, бар, в котором она появлялась, превращался в дремлющее поле битвы, в нависающую лавину, так как в нем мгновенно могла оказаться другая Алиса – Свирепая Алеутка. А такой бар пустел в считанные минуты. Посетители разбегались и не возвращались до тех пор, пока администрация не закрывала его или не вышвыривала Алису вон.

Закрыться было проще. Всегда можно было выждать пятнадцать-двадцать минут, пока она, пошатываясь, не отправится прочь, вынашивая силы для следующего взрыва ярости, и открыться снова. Вышвырнуть Алису означало дать ей повод для нового приступа. Она могла ввалиться обратно через окно или справить нужду на сиденье пикапа своего обидчика. Будучи изгнанной из «Песчаного бара» в десять минут первого полуночи, она выстроила из мусорных бачков шаткие леса и взобралась на крышу. Там ей удалось отдрать оцинкованную печную трубу и помочиться прямо на плиту, топившуюся нефтью. Через

мгновенье на улицу повалили посетители, глаза у которых слезились так, словно они стали жертвами газовой атаки.

Если вы звонили в полицию и лейтенант Бергстром приказывал своим ленивым полицейским вышвырнуть ее вон и запереть на неделю в участке, следовало ожидать неприятностей от других «ПАП». Несмотря на все слухи и сплетни, втайне многие восхищались силой ее духа. Как-то в декабре, после того как Алису изгнали из «Горшка» Крабба и приговорили к недельному заключению, ее тайные поклонники повытаскивали все гвозди из алюминиевой обшивки бара, о чем находившиеся внутри даже не подозревали. «Волчицы» в тот вечер исполняли сальсу и свинг, а отморозок-гитарист играл на электрической гитаре медиатором, что по звуку вполне напоминало выдергивание гвоздей. В полночь начался прилив и с моря подул легкий ветерок. Он все крепчал и крепчал, пока догола не ободрал всю обшивку с «Горшка», расшвыряв ее аж до водонапорной башни. Стекловата и изоляционная фольга украсили весь город, как мишура и ангельские волосы к грядущему Рождеству.

После того как обшивка была восстановлена и «Горшок» отремонтирован, Мирна Крабб отправила своей старинной школьной приятельнице, как и остальным влиятельным лицам города, приглашение

на новое открытие. Алиса купила жемчужно-серый костюм в надежде, что он подчеркнет серьезную сторону ее натуры и одновременно скроет располневшую талию. Может, новое пошло и меньше действовало на печень, зато точно сильнее влияло на толщину.

Она заняла табурет в самом конце нового бара и с глазами спокойными, как око бури, заказала себе что-то слабоалкогольное. Весь вечер она сохраняла приличия и элегантность, вознамерившись разочаровать собравшихся, ожидавших скандала. Почти весь вечер. Она даже с улыбкой пропустила мимо ушей шутку Дэна Крабба относительно того, чем белуга отличается от лесбиянки: «Двумястами фунтами веса и отсутствием костюма – хе-хе-хе!» Но когда расчувствовавшаяся Мирна Крабб с проповедническим пылом начала распространяться о том, что, хотя грехи отцов и не наследуются сыновьями, многим бедным детишкам приходится платить за порочные склонности своих матерей, – это было уже слишком. С диким воплем, от которого кровь стыла в жилах, Алиса выхватила из сумочки кривой эскимосский нож и перемахнула через стойку бара раньше, чем кто-либо успел не то что оценить, но даже понять намек Мирны. Это был женский нож тончайшей работы, острый как бритва, сделанный на заказ в «Туземных орудиях» в Анкоридже. Она намеревалась подарить его Краб-

бам в знак примирения, поэтому на нем было выгравировано «Когда прилив отступает, накрывают стол». Теперь его кривое лезвие угрожающе мелькало среди чистых стаканов.

– Порочные наклонности? – брызгала слюной Алиса. Она перескочила через стойку с такой скоростью, что на верхней губе у нее все еще оставалась пивная пена. – На колени! Живо на колени!

Краббы опустились на колени с видом царственных пленников, трясущихся за свои венцы. Алиса дала им потрястись, потом повернулась и спокойно перерезала краны у всех трех аппаратов по смешиванию выпивки. Шланги под давлением забились в судорогах, как обезглавленные змеи, разбрызгивая спиртное, воду и содовую.

После этого случая Мирна стала поговаривать о том, что Алису следует утопить. Семейство Краббов даже провело тайную сходку для сбора необходимых средств. Но, к счастью, именно в это время добрые ветра занесли в бурные воды Алисы Левертовой Майкла Кармоди.

Как раз в ту зиму, когда крупные суда на несколько месяцев ушли на промысел тунца, в доме Майкла Кармоди поселилось семейство медведей. Вероятно, они всего лишь хотели отомстить Златовласке. Однако поскольку им не удалось найти кашу, они прорыли

пол на кухне до холодильника, находившегося в подвале, и устроились как дома. Доброжелатели оценили ущерб ровно в ту сумму, которую он заработал за время путины, и сообщили, что ремонт займет приблизительно столько же времени, сколько он отсутствовал. А если он будет болтаться под ногами у строителей, то еще больше. Поэтому Кармоди сложил свои вещи и снял комнату в «Медвежьей таверне», оставив свой дом на волю плотников и медведей.

Естественно, Алиса была с ним знакома – кто в городе не знал старого толстого пропойцу. Круглый, красноносый, с пушком вокруг ушей, когда-то, вероятно, рыжим, он являлся одним из самых импозантных в городе мужчин. Как представлялось Алисе – нечто среднее между Старым мореходом и братом Туком. Ну и хуй с ним – что она, мужиков не видела? Но когда он брал ключ из ее ладони, каким-то образом его прикосновение заставило Алису поднять глаза. Она готова была поклясться, что старый лысый хрыч подмигнул ей, но настолько быстро, что она даже не сообразила, пока он не исчез в конце коридора. И тогда она рассмеялась. Давно уже никто не заставлял ее так смеяться.

Кармоди оказался хорошим постояльцем. Характер у него был покладистым и потребности самыми простыми. Он ел продукты из автоматов и слушал

короткие волны. Он любил свою трубку, ирландское виски и ирландский кофе. Только чтобы он был крепким. Он достаточно долго ловил альбакоров у берегов Южной Америки, чтобы научиться ценить хороший кофе, что вообще редко встречается среди урожденных британцев.

Когда он появился, Алиса едва достаивала его взглядом – еще один засранец, за которым надо будет убирать. Однако Кармоди оказался раритетом – он был засранцем, умевшим оставаться всегда на плаву. Он вылавливал рыбу тогда, когда весь город приходил с пустыми сетями, а потом умудрялся ее продать. Он ни у кого ничего не выпрашивал. Он забирал свободные квоты. Он вкладывал деньги. У него был небольшой консервный заводик, изготавливавший консервы из копченой и соленой лососины, а также лососевой икры. И еще ему принадлежала коптильня. Он был старым морским волком, постоянно напоминавшим Алисе старомодных резиновых кукол – круглых, розовых и лысых. Только он еще умел так забавно подмигивать...

А когда на следующее утро она подняла голову от своей конторки и увидела, как он улыбается в дверях, с пятидесятифунтовым мешком кофе под мышкой, чайником, кофемолкой и пакетом фильтров в руках, огромной электрической плиткой, висящей на груди,

и с проводом в зубах, что-то в нем было такое, что заставило ее улыбнуться в ответ. Потом она поняла, что все дело было в его взаимоотношениях с разными предметами. В частности, с собственным животом, проглядывавшим между пуговицами клетчатой рубашки. Он казался еще более тяжелым, чем мешок с кофе, и еще более твердым, чем электрическая плитка. Брюхо настоящего засранца. Но он нес его с каким-то забавным достоинством. И это заставило Алису вспомнить Хо Ти – смеющегося Будду.

– Лаешь снится? – спросил он.

Алиса ответила ему непонимающим взглядом. Он опустил все свое имущество на одну из стиральных машин и вынул изо рта шнур.

– Не желаешь присоединиться? Чашечка свежей мути из Боготы.

Она понимала, что на самом деле ему нужны две-сти двадцать вольт для плитки, но кофе так благоухал, и к тому же Алиса предпочитала, чтобы он включил свою плитку здесь, а не химичил бы у себя в комнате.

Кармоди протиснулся между стиральными машинами и принялся за приготовление кофе. И Алиса вдруг поняла, что старый толстопузый англичанин на самом деле очень подвижен и проворен, как проворен медведь, несмотря на свою обманчивую неповоротливость. Кармоди закончил молоть кофе как раз в

тот момент, когда закипел чайник. И Алисе пришлось признать, что лучшего кофе со времен Сан-Франциско она еще не пробовала. К тому же она получила удовольствие от болтовни – никаких сальностей и скабрзностей, свойственных большинству аляскинских мужчин в разговорах с женщинами, – просто утренняя болтовня, заполняющая пространство между глотками. И тем не менее в ней было что-то приятное. Она доставляла Алисе удовольствие.

По прошествии недели таких посиделок за утренним кофе, приправленным морскими байками и комплиментами, между ворчащими стиральными машинами и содрогающимися сушилками, Алиса Левертова начала замечать, что бушевавшее в ней неистовство Свирепой Алеутки начинает постепенно угасать. Через три недели она отправилась помогать Кармоди настилать новый линолеум у него на кухне. А через месяц она, заливаясь краской, вошла с ним в ту самую церковь, где ее крестили. Она понимала, что их союз скорее продиктован сиюминутной практической необходимостью – Кармоди нужна была американская жена, чтобы не попасть в лапы эмиграционной службы. Его поездка домой в Корнуолл каким-то образом привела в действие правительственный компьютер, обнаруживший, что Майкл Кармоди умудрился стать крупной фигурой, так и не приобретя аме-

риканского гражданства. Женитьба делала его полноценным гражданином. Что касается Алисы, то замужество превращало ее в долевою собственницу процветающего предприятия с домами, судами, квотами и земельными участками, а также резко повышало ее социальный статус в городе. Она становилась миссис Кармоди. Это было самым крупным достижением со времен школы и получения художественных премий.

В ту весну Алиса перестала пить и начала избавляться от грозных доспехов жира. Она забрала из церкви свои старые полотна и развесила их в особнячке, который Кармоди постепенно возвел для нее. Она даже купила пару волнистых попугайчиков и начала гулять с ними, как какая-нибудь старая крашеная курица из Белла Кулы, пока один из бродячих псов братьев Вонг не забрел на рассвете в их гостиную, не разбил клетку и не сожрал обеих пташек. Алиса спустилась вниз с двустволкой Кармоди и обнаружила пса с приставшими к пасти перьями уютно свернувшимся перед камином. Но, к собственному удивлению, Алиса не пристрелила живодера, а только отправила его за дверь пинком босой ноги, при этом сильно ударив большой палец. А пока она прыгала на одной ноге, сжимая ушибленное место, собака вернулась и тянула ее за другую ногу. Но и тогда Алиса не выстрелила. И тут она поняла, что полыхавшее внут-

ри нее пламя наконец начало угасать. В течение последующих шести лет она с облегчением наблюдала за тем, как оно сходило на нет, становясь лишь воспоминанием, шуткой, искрой. И вплоть до сегодняшнего дня, пока она не оказалась на причале, Алиса считала, что рассталась с ним навеки. Черт бы побрал этого Соллеса.

И дело тут было совсем не в шампанском. И не в том, что он сказал, а в том, как он это сделал – «Почему здесь?» – в этом звучали такая безнадежность, эгоизм и главное – неизбывная мука, словно кто-то позволил себе посягнуть на его чертово одиночество – «Почему в Квинаке?».

– А почему бы и не в Квинаке? – донеслись до нее ее собственные слова. – Соллес, ты хуже моих чертовых кузенов. Ты считаешь, что это место ни на что не годится? Что оно недостойно внимания утопающего в дерьмовой роскоши Голливуда?

Соллес отвернулся, не достаивая ее ответом. И Алиса тут же пожалела о том, что вспылила на глазах у всех. Ее резкая реакция удивила ее саму. Неужели во всем повинен глоток шампанского? Может, она действительно превратилась в алкоголичку, если пара бокалов в состоянии настолько вывести ее из себя. «Заткнись, – попробовала она предостеречь себя, – пока всех не затопило».

– Мне кажется, мистер Соллес хотел сказать совсем другое, мама, – попробовал сгладить положение Николай Левертов. – Он удивлен не тем, что Голливуд подобрался к его цитадели. Он не понимает, как здесь оказался я. Видишь ли, мы с мистером Соллесом уже имели удовольствие встречаться...

– Дважды, – вставил Соллес, не отрывая взгляда от серо-зеленой воды.

– А теперь мне посчастливилось познакомиться и с месье Гриром.

И он протянул свою длинную белую руку Гриру ладонью вверх, показывая, что зуммера в ней нет. Грир осторожно ответил на рукопожатие.

– Это твой сын, Алиса? Я и не знал, что ты уже была замужем...

– Не была, – ответила Алиса.

Грир мудро решил не углубляться в эту тему.

– Так это яхта Герхардта Стебинса! – Он потер руки. – Надо полагать, он собирается снять еще одно эпическое натурное полотно. О том, как маленький эскимосский мальчик души не чаает в огромном аляска-маламуте своего отца. Собака спасает мальчика от медведя, но лишается при этом передней лапы. Ветеринар говорит, что собака уже никогда не сможет бегать... но мальчик вырезает ей лапу из моржового бивня. Они завоевывают первое место на собачьих

бегах, и эскимосский мальчик становится сенатором.

Левертов поджимает свои обветренные губы.

– Для француза вы очень проворны, Грир. На самом деле действительно очень похоже. Только вместо маленького эскимоса у нас маленькая эскимоска, влюбляющаяся в дух зверя...

– Шула и Морской лев! – хлопает в ладоши Грир. – Изабелла Анютка! Это классика, – и он поворачивается, чтобы просветить окружающих. – Эту историю рассказывали здесь еще за тысячу лет до появления первого белого человека. Однажды наша маленькая половозрелая дикарка отправляется на берег со своим дружком – а дружок-калека вырезает ложки и еще какую-то чушь. И вдруг они видят...

– Эмиль, мы все это читали, – обрывает его Алиса.

– Да, Грир, даже мы, – вставляет кто-то из Вонгов.

Грир сникает, недовольный тем, что его прервали.

– Хотя, если начистоту, – признается Левертов, – ваша история о покалеченном маламуте мне понравилась больше. Лапа из моржового бивня – это круто.

– А назовем его Моби-дог! – снова оживает Грир. – Сейчас я все придумаю, если мне дадут еще отхлебнуть «Дом Периньона» из Алисиной бутылки.

Грир берет бутылку, глядя на сходни. Наверху настила, огороженного канатами, стоит огромный азиат по стойке «вольно». Из-за его спины доносятся жен-

ский визг и плеск воды в бассейне. Грир поднимает брови и поворачивается к Алисиному сыну.

– А сам мистер Стебинс сейчас на борту? Чтобы обсудить с ним все. Творческие проекты должны обсуждаться, пока они еще свеженькие, так сказать, с пылу с жару.

Левертов смеется и указывает на корму.

– Сейчас он отдыхает в своей каюте после напряженного путешествия. – Его мурлыкающий голос намекает на всевозможные забавы. – Если бы вы знали нашего уважаемого режиссера, вы бы меня поняли. Поэтому-то я и прилетел заранее.

– А ты какое положение занимаешь при Стебинсе, Ник? – это первые слова, которые произносит Исаак после рукопожатия. – Возлюбленного?

– С полом ты угадал, а вот с ролью, которую я исполняю, – нет.

Несколько мгновений они изучающе рассматривают постаревшие лица друг друга. Атмосфера явно накаляется. Купальщицы продолжают визжать и плескаться.

– Ну что ж, пойду привяжу наше корыто, – наконец говорит Исаак. – Приятно было повидаться, Ник.

– Эй, Грир, – произносит Алиса, – отдай-ка мою бутылку и пойді помоги Соллесу.

– Я справлюсь, Алиса, – отвечает Исаак. – Пусть

месяе Грир насладится этим голливудским дерьмом, пока оно еще не остыло. – Он еще раз оглядывает ее костюм и направляется обратно к берегу. – Я уже наслаждался сполна.

– Делай что хочешь, – бормочет Алиса и со свирепым видом поворачивается к Гриру, – но бутылку ты мне все равно вернешь. Это первый подарок, который я получила за двадцать лет на День матери. А если хочешь пить, можешь взять пиво. – Затем она повышает голос и кричит вслед Исааку: – К тому же я здесь единственная, кто одет подобающим для шампанского образом.

Все смеются. Алиса предоставляет возможность мужчинам вести беседу и погружается в задумчивость. Какого черта она надела этот дурацкий костюм? Как он сказал? «Портрет Эдварда Кертиса»? Она могла бы догадаться: стоит немножко выпендриться, чуть-чуть приодеться по случаю, и какой-нибудь бывший герой, истосковавшийся по славе, непременно выльет тебе помои на голову.

Мужчины болтают и пьют пиво. Она раздвигает губы в улыбке и затихает. Огромный парус, полощущийся в небе, напоминает ей укоризненный палец отца Прибылова: «Ай-ай-ай, Алиса, вспомни, что я тебе всегда говорил – люди выходят из себя, а в один прекрасный день уже не могут вернуться обратно».

Когда пиво заканчивается, Николай предлагает совершить небольшую экскурсию на склад яхты «так сказать, для предварительного ознакомления». Но Алиса вежливо отказывается.

– Идите, ребята. А у меня еще есть дела.

– Мама! – Сын наклоняется и, прежде чем она успевает возразить, театрально целует ее в голову. – Ты слишком много работаешь.

И для того чтобы скрыть свое замешательство, Алиса не менее театрально начинает удаляться, помахивая бутылкой и позвякивая своим платьем. Как только она пересекает стоянку и оказывается вне видимости стоящих на причале, она опирается на пустой барабан из-под проводов и блюет на бетон. Ее выворачивает с такой силой, что в крепко закрытых глазах начинают мелькать блестящие мушки. Придя в себя, она прополаскивает рот шампанским и выплевывает его на барабан.

– Ебаное дерьмо, – наконец произносит она и допивает последний глоток. В конце концов, это ей подарили на День матери.

Не выпуская бутылку из рук, она доходит до центрального перекрестка. Ярость, проснувшаяся на причале, продолжает закипать, но она держит ее под контролем. Она любезно кивает прохожим, постоянно напоминая себе о грозящем пальце «ай-ай-ай, Али-

са», и, смиряясь, идет дальше. Даже когда Алиса доходит до распахнутой двери «Горшка» и слышит доносящийся оттуда разнузданный хохот (уж не над ней ли смеются?), она заставляяет себя пройти мимо. Она не останавливается даже тогда, когда два полицейских при виде ее наряда раздражаются старинной песней «Из страны с водой лазурной...». Она идет дальше, когда один из близнецов Луп, сидящих в пикапе, сплевывает ей под ноги фисташковую шелуху – то есть она прошла бы дальше, если бы на нее не набросилась их чертова лайка, которую они возят с собой на цепи.

Натянув цепь, собака оскаливает клыки в шести дюймах от лица Алисы – девяносто фунтов мерзкого лая! – и тогда Алиса бьет ее бутылкой по голове. Лайка заваливается обратно в пикап, как большая меховая игрушка. Братья Луп выскакивают с обеих сторон машины, брызжа пивом и фисташковой шелухой.

– Алиса, ты сука! Ты сука, Алиса Кармоди! Если ты ранила Дружка... Если ты ранила старину Дружка...

– Ранила? Что там можно ранить? У него в голове пусто. Одни хрящи да жир. Я просто утихомирила сукиного сына.

Собака лежит на боку с открытыми глазами и спокойно дышит. Алиса продолжает держать бутылку занесенной над головой.

– Видите? Ему понравилось. – Гнев прошел, но со-

деянное продолжает доставлять ей удовольствие. – Может, его долбануть еще раз...

– Алиса, ты сука... – Близнецы приближаются. – Лучше отдай бутылку, пока я не...

Она опускает бутылку на голову собеседнику, прежде чем тот успевает сообщить, что именно намеревается сделать. И он падает так же аккуратно, как старина Дружок. Второй Луп обходит машину сзади и набрасывается на Алису, прежде чем она успевает повернуться. Она оказывает ему отчаянное сопротивление, ощущая исходящую от него свинячью вонь и опасаясь, что ее снова начнет тошнить. Поэтому она испытывает облегчение, когда бывшие поблизости полицейские слышат ее ругань и приходят к ней на помощь.

После того как изложение версий в участке заканчивается, они наконец приходят к соглашению: если Оскар и Эдгар не станут предъявлять Алисе обвинений в хулиганстве, она не будет подавать иск против старины Дружка, который чреват двухмесячным пребыванием в карантине. Тогда и полицейские смогут не заполнять длинные рапорты и не будить дежурного сержанта, дремлющего в одной из пустующих камер. Все дружелюбно расстанутся в два пополночи, как раз в тот момент, когда после непродолжительной передышки появляется солнце. Босая и сильно помя-

тая, но не утратившая бутылки Алиса возобновляет свой путь домой.

Она минует магазин Герке и начинает оглядываться в поисках укромного местечка, так как ее опять мучают позывы рвоты, когда рядом с ней притормаживает здоровый белый фургон.

– Садись, Алиса. Похоже, тебе это не помешает.

Она залезает в машину. Мысли у нее слегка путаются, и она не видит причин, почему бы не сделать это. Когда фургон трогается с места, она спрашивает, с какой стати он все еще болтается здесь.

– Я думала, ты отправился домой.

– Если помнишь, я отправился приводить в порядок баркас. А вот теперь еду домой.

– Добросовестная блядь.

Он не отвечает. Она не выносит подобного обращения, особенно когда его себе позволяет этот античный хлыщ, но терпит. К тому же, как бы ей ни хотелось поговорить, сейчас она может говорить только об одном – о своей стычке с Оскаром, Эдгаром и Дружком.

– Ты в мотель?

Алиса бормочет что-то невразумительное. Пусть подавится. Машину подбрасывает и трясет, когда Соллес объезжает ухабы и рытвины. Клювы буре-вестников на подоле Алисы постукивают друг о друга. И все события предшествующего вечера представля-

ются ей точно такой же чередой плоских, бессвязных, дребезжащих эпизодов. И все из-за одной бутылки шампанского! Правду говорят: огненная вода добра индейцам не приносит.

Они трясутся до тех пор, пока она не вопит:

– Стой, черт побери!

Соллес тормозит и выпускает ее из машины. На этот раз ее выворачивает уже до основания. Когда перед глазами перестают мелькать серебристые мушки, она снова забирается в машину. Она обхватывает колени руками и дрожит, пока Соллес заводит машину и съезжает с обочины на дорогу.

– Послушай, Соллес. – Она поворачивается к нему, не поднимая головы. – Чем я тебе так мешаю? Какого черта ты постоянно оказываешься у меня на пути? А? Что ты устроил на причале из-за моего платья? Что все это значит?

Соллес не отвечает.

– Тебе завидно, что мне в кои-то веки хорошо? Что теперь у меня есть муж и влиятельный сын? Достало. Останови машину.

Соллес снова съезжает на обочину, на этот раз так резко, что Алиса не может удержаться от смеха.

– Испугался, что я испачкаю твой драгоценный фургончик? Большое спасибо, меня уже больше не тошнит, я просто выхожу. – Она хлопает дверцей и, не

оглядываясь, направляется прочь. – Спокойной ебаной ночи.

На негнущихся деревянных ногах она идет по песчаной обочине к заросшей камышами погрузочной площадке. Одетая, как кукла, в смешной национальный костюм, который шуршит и звенит при каждом шаге. Для того чтобы оказаться в своем старом добром, добром старом мотеле, ей надо пересечь площадку – и она дома. Козырь, оставленный про запас. Она ничего не имела против карт, особенно покера, просто ее бесили казино. Покер – хороший учитель. Держи карты поближе к себе и всегда имей козырь про запас. Она всегда считала, что именно эта ее способность и привлекла к ней Кармоди – ему нравилось, как она играет. Она была хорошим партнером в классическом покере. Кармоди был человеком азартным, а азартные люди всегда нуждаются в соседстве консерваторов. Они помогают им лавировать.

Как только Алиса оказывается в полукруге коттеджей, ей становится лучше. Это ее настоящий дом; здесь, среди женщин и детей, она провела времени больше, чем в каком бы то ни было другом месте города. Разве что не считая церкви. Но церковь не в счет. Церковь – место общественное, самое общественное, ибо принадлежит богу. А вот эти грубо сколоченные коттеджи, занявшие круговую оборону от

всяческих неприятностей, предоставляли и защиту, и право на частную жизнь.

Несмотря на восход солнца, многие окна освещены. Она открывает дверь подсобки и поднимается наверх по винтовой лестнице. Ключ по-прежнему открывает замок. Она опускается на бесформенный матрас, ощущая головокружение. Через несколько минут встает и задергивает шторы. Может, это ей поможет прийти в себя. Ни черта! Комнату продолжает раскачивать из стороны в сторону. И дело тут не в шампанском. Дело тут – она сбрасывает платье и останавливается перед зеркалом – в круговерти образов. Они ритмично прибывают и прибывают, пока не начинает теснить грудь, а потом отступают назад. Модильяни. Они становятся более сдержанными. Казалось бы, почему юной особе, в жилах которой текла кровь, генетически предрасполагавшая к неразборчивости, не отдаться было старику Рубенсу... но только не свирепой Алисе... Алиса, она всегда шла против течения – проводить в школу – нет, спасибо, и подвозить не надо, и никаких киношек после занятий, спасибо, не нуждаюсь в вашей помощи, никаких смоляных чучелок, спасибо, масла не надо, и уберите свои руки отсюда... никаких городских соблазнов и никакой гордости за столь ценимое славное наследие великой Аляски... и даже когда гордость просыпается, несмот-

ря на лучшие побуждения, это совсем другое и совсем не напоминает показуху... насилие и совращение – жертва и соучастница, и оттого совращение оказывается еще большим насилием... а потому держи карты ближе к груди и всегда имей козырь про запас – только так можно стать костью у них в глотке!

Алиса снова опускается на матрас и натягивает на себя одеяло. Головокружение постепенно проходит, но заснуть она не может. В голове что-то пульсирует. Крики птиц возвещают о наступлении дня. Она снова встает и раздергивает шторы на большом окне. Внизу, на пустом дворе, уже собрались три преданные вороны и с дюжину скептически настроенных чаек. Они смотрят на безумного ворона, спящего в открытом моторе гусеничного трактора. Даже во сне он выглядит безумным. Угловатое тело. Беспорядочно торчащие во все стороны перья. Иногда, разбуженный рассветом, он, закинув голову и растопыбив крылья, начинает бегать по деталям двигателя, оглашая округу истошными криками, как провидец в состоянии экстаза. Но в это утро он все еще спит, сжавшись в черный потрепанный комок.

Вдалеке виднелось спокойное море с покачивавшимися на воде судами... и поверх всего огромный парус, колышущийся, как укоризненный стальной перст. Она снова задернула шторы. Лучше забыть обо

всем этом дерьме.

6. Приглашайте же нас на свои безрассудства

Далеко на юге солнце устало клонилось к закату. Оно начало свой путь десять часов тому назад, и ему предстояло еще столько же с небольшим отклонением к северу, когда оно достигнет океана. Добравшись до полюса, оно исчезнет из виду на несколько мгновений и снова потянет свою упряжь с востока на запад. В этих краях, сидя дома, из одного и того же окна, обращенного на север, можно сначала наблюдать восход, а потом, чуть позже, – закат. Так что это тяжелое время для Аполлона и его команды, они трудятся летом на вершине глобуса не покладая рук.

С первыми лучами солнца весь город уже знал о прибытии яхты знаменитого кинорежиссера – ее парус был виден из любого окна. Все утро к причалу стекались горожане, чтобы поближе рассмотреть чудное крыло, вздымавшееся, как клинок сабли из драгоценных ножен, с палубы нарядного судна. В почтительном молчании они пялились на это чудо, раскрыв рты, после чего возвращались к завтраку. Во всех барах, кафе и кухнях только и говорили о приезжих. Насколько грандиозен грядущий проект? Каков его бюджет?

Найдутся ли в нем рабочие места для местного населения? И наконец вопрос, ставший самым насущным: как попасть в список гостей, приглашенных на торжественный прием, назначенный на яхте следующим вечером?

Но самый оживленный обмен мнениями происходил на парадном крыльце «Бездомных Дворняг». К полудню маленькое деревянное возвышение уже не могло вместить всех желающих; и толпа выплеснулась на ступени, тротуар и даже проезжую часть. Люди запрудили улицу, угрожая в равной степени водителям и собакам. Входная дверь была открыта, но никто и не подумал войти внутрь. Один из древнейших и неукоснительно соблюдаемых законов этой организации гласил: «В День Грома никто не возвращается в логово до наступления темноты». Иначе ленивые остолопы будут весь день слоняться как ни в чем не бывало, пукая, почесываясь и попивая пиво. День Священной Луны будет потрачен попусту, и Священное Логово станет не более чем очередным пристанищем дворняжек, утратив то, что завсегда и называли «достоинством». Этот закон был занесен даже в контракт совместного владения: клуб «Бездомных Дворняг», половина которого принадлежала «Морскому Ворону», сдавался в аренду для проведения покерных вечеров и игры в блек-джек в лю-

бой день месяца, кроме дней полнолуния. В этот день клуб целиком и полностью принадлежал Дворнягам.

Орден Бездомных Дворняг обладал определенным влиянием, несмотря на свою сомнительную репутацию. В каком-то смысле это был аляскинский вариант Монашеского клуба, если вы можете себе представить Монашеский клуб, в который входят рыбаки, разбойники с большой дороги, докеры, водители грузовиков, летчики, хоккейные болельщики, моряки, гуляки, завязавшие наркоманы и падшие ангелы. Это святое братство возникло во время музыкального марафона, проходившего в течение трех дней на футбольном стадионе Вашингтонского университета. Квинакских фанатов оказалось такое количество, что им пришлось арендовать паром до Сиэтла, на который они загрузили пиво, спальные мешки, дурь и тенты, чтобы можно было спать на палубе. А также своих собак. Большинство жителей Аляски по-прежнему небезразлично к ним. Особенно к большим. Больших собак оказалось столько, что под трибунами для них организовали специальный загон. Когда Гриру сообщили, что Марли должен сидеть во время концерта в этом загоне, Грир предпочел устроиться рядом с ним. К ним присоединился Соллес со своим сеттером Пенни, ну а после этого там оказались все представители Квинака вместе со своими тентами и прохладительными на-

питками, дворняжками и породистыми псами. Так что все выходные они провели за проволочным ограждением.

После того как все потасовки между собаками были прекращены, а непокорные псы усмирены, выяснилось, что загон представляет собой самое удобное место. Парниковый эффект в то лето сказывался особенно сильно, и ртутный столбик в Сиэтле достигал ста градусов. А на стадионе было еще жарче. Под трибунами же было вполне прохладно, хоть и пыльно. Жар, поднимавшийся с душного поля, выдувался приятным сквознячком, громopodobные вопли динамиков приглушались, и, несмотря на то что сцена была не видна, снизу можно было наслаждаться видом раздуваемых юбок.

Квинакский контингент так хорошо провел время, что, вернувшись домой, решил организовать свой клуб – Законопослушный Орден Бездомных Дворняг. Члены клуба разработали правила, ритуалы и создали свою эмблему – над красным силуэтом пожарного гидранта радугой изгибалось полное название клуба, а из самого гидранта трубным гласом вылетали буквы сокращенного названия: З-О-Б-Д.

Так они себя и вели в полном соответствии с этим названием – раскованно и независимо. Следующей весной Бездомные Дворняги уже участвовали во все-

квинакском параде, проводившемся ежегодно накануне открытия путины, со старомодным двадцатидвухфутовым пожарным гидрантом из папье-маше, скрывавшим в своих недрах четыре бочонка пива. Об одноразовых стаканчиках, естественно, никто не позаботился. Но Айк счел, что так оно даже и лучше: стаканчики непременно привлекли бы внимание, а это было бы чревато изгнанием. В столь важные дни сухой закон соблюдался неукоснительно.

Поэтому пиво пили прямо из бочек. Четыре шланга незаметно передавались от одного к другому, пока члены Ордена, неуклюже обхватив друг друга за плечи, раскачивались вокруг своего шаткого алтаря и распевали песни хриплыми голосами. Заезжий швед-антрополог, специализировавшийся в области первобытных культур, чуть не кончил от восторга, утверждая, что лучшего проявления мужского братства он еще не встречал нигде в мире! Пока прохожий не указал ему на сестер Босвелл и жену Херба Тома. Так что при ближайшем рассмотрении некоторые братья оказались сестрами.

Парадное шествие накануне путины четырежды пересекает город из конца в конец: сначала оно движется на север по Главной улице, потом тем же путем обратно, затем по улице Кука на восток и по ней же назад. И все заканчивается карнавалом на стоянке у

доков. Таким образом, к концу этого пути глотки у Братьев-Дворняг уже здорово пересохли, так как они осушили свой гидрант еще за первую половину шествия, а за вторую уже успели опорожниться, причем сестры не отставали ни в том, ни в другом от своих братьев. Когда платформа с гидрантом въезжала на стоянку, папье-маше уже сильно расползлось, и сооружение грозило рухнуть. Резкий порыв ветра опрокинул гидрант на ряды с выпечкой, распродажа которой была организована учащимися квинакской школы, разнес его обломки по дорожке для езды на пони и сдул в залив.

После этого Законопослушный Орден Бездомных Дворняг был признан окончательно и бесповоротно. Они не только стали неременными участниками всех местных мероприятий, но и начали выезжать «на гастроли», демонстрируя свой фокус с расползающимся гидрантом. Даже в тех случаях, когда отсутствовал благоприятный ветер, необходимый им для завершения буффонады, они опрокидывали гидрант вручную. Что и произошло в Скагуэе, куда, арендовав роро, они отправились на празднование годовщины Золотой лихорадки. Гидрант рухнул, как огромная теплая губка, прямо на головы маршировавшему внизу оркестру, после чего началась массовая потасовка. Банда скагуэйских головорезов по своему числу в

несколько раз превосходила гостей из Квинака, однако многие из Дворняг по своему обыкновению прибыли с собаками – здоровенными овчарками и ездовыми лайками, натасканными на то, чтобы не разжимать челюстей, что бы им ни попало – подол, штанина или что-нибудь еще. После того как гости из Квинака нанесли сокрушительное поражение обитателям Скагуэя, местный комитет по организации шествий и праздников издал распоряжение, запрещающее участие в них четвероногим весом более пятидесяти фунтов. Позднее Аик настоял на том, чтобы Орден также принял такой закон – «особенно что касается этих волкодавов, участвующих в марафонах на нартах. Для них можно организовать специальное место под крыльцом».

После того как животное начало было изгнано, клуб стал руководствоваться более высокими духовными соображениями. При нем был создан приют для потерявшихся щенков, на который собирались огромные пожертвования. Была учреждена стипендия в ветеринарный колледж Нормана, штат Оклахома, которая ежегодно вручалась самому выдающемуся выпускнику. Ансамбль Бездомных Дворняг был переименован в Серебряных Гончих, и в него вошли свои местные Джон, Пол, Джордж и Ринго. Один из их хитов «Я хочу обнять твою задницу» продержался даже несколь-

ко неделю. Грир, игравший на бонгах и флейте, исполнял роль Ринго. Был даже задуман выпуск малобюджетного дневного сериала, в котором настоящие животные разговаривали бы человеческими голосами для ясности сюжета. Была отснята пилотная серия, показанная разнообразным компаниям по производству кормов. «Программа для истинных друзей, которые остаются охранять дом, когда хозяин уходит на работу» – так назывался этот проект. И «Пурина» даже проявила к нему какой-то интерес, но прежде чем были подписаны необходимые документы, телезвезда, роль которой в пилоте исполняла сеттер Пенни – роскошная рыжая сука Айка, отравилась лососем и умерла.

После этого Аик Соллес потерял всякий интерес к Законопослушному Ордену. Он начал пропускать собрания, и невозможно было не заметить, что сердце у него разбито; эта собака значила для него не меньше, чем жена. Ему предлагали на выбор массу симпатичных щенков, но он всех отверг. В глубине души он был даже рад тому, что у него появился повод уйти с поста президента – не для того он приехал в эту глушь, чтобы становиться общественным лидером. Он уже был сыт этим по горло. После ухода Айка президентом избрали Грира, но, хотя Эмиль и был выдающимся представителем Ордена, он не обладал талантами

руководителя, поэтому переуступил эту честь Билли Кальмару Беллизариусу – коренному жителю Квинака и торговцу дурью. Сам же Грир скромно занял более подходящий для него пост вице-президента.

Билли Кальмар был отвратительным напыщенным мерзавцем, но президент из него получился неплохой. Он оживил деятельность Ордена, оплодотворив его своей неумемной творческой энергией и подкрепив химическими препаратами. Именно он заставил власти города обратиться к настоящим экспертам для организации фейерверка в честь Дня независимости, и устроенное им зрелище потрясло всех. После этого деятельность Ордена стала все больше склоняться в сторону пиротехники, и бездомным щенкам пришлось искать себе другое пристанище.

Тем не менее посещаемость ежемесячных собраний продолжала неуклонно понижаться. Общее возбуждение спало. И даже приближающееся летнее полнолуние, казалось, утратило всю свою привлекательность. На этот день даже не планировалось никаких праздничных мероприятий. Президент отбыл на юг в поисках новых пиротехнических средств и с целью пополнения клубного запаса дури. До последнего момента так никто и не знал, будет проводиться собрание в честь полнолуния или нет.

Тут-то, как гром среди ясного неба, и появилась эта

фантастическая яхта, возродив всю былую энергию Ордена. С самого утра напряжение на деревянном крыльце нарастало все больше и больше. А вскоре после полудня член Ордена миссис Херб Том принесла на хвосте информацию, от которой страсти уже закипели вовсю. Ее муж, Херб, арендовал единственный городской лимузин и в настоящий момент занимался тем, что развозил приглашения. Сначала он остановился перед библиотекой, и одна из крепко сбитых кинокрасоток славянского типа, выпорхнув из машины с черным веером из игральных карт, взлетела вверх по лестнице, – сообщила миссис Херб. На каждой карте с одной стороны была изображена чернобурка, а с другой располагался текст приглашения для всех высокопоставленных особ города – мэра, начальника полицейского участка, тренера школьной футбольной команды и двух городских советников – мистера и миссис Хиро Вонг. Миссис Херб утверждала, что имена этих особ были вытиснены и покрыты настоящим золотом. Она видела своими глазами приглашение, адресованное футбольному тренеру, и даже сняла с него копию, которую и пустила по рукам:

**ТРЕНЕРУ ДЖЕКСОНУ АДАМСУ Студия
«Чернобурка» нижайше просит Вас
присутствовать на воскресном вечере,
который состоится на борту яхты
«Чернобурка» с 6 до 12. Подпись:
Герхардт Стебинс (пожалуйста,
предъявите эту карточку охране)**

Братья были потрясены и возмущены. Каким таким образом Герхардт Стебинс мог узнать имя несчастного квинакского тренера? И что еще интереснее – откуда он мог знать, что этот самый тренер завтракает по пятницам в библиотеке вместе с чертовым мэром, начальником полицейского участка, библиотекаршей и городскими советниками? И братья решили, что им остается только сидеть и ждать своих приглашений.

Лимузин пересекал колдобины квинакских улиц целый день, доставляя приглашения. И даже сквозь тонированное стекло можно было различить, что за рулем сидел отнюдь не Херб Том. Херб Том был человеком настолько маленького роста, что ему приходилось привставать, чтобы видеть, что происходит за лобовым стеклом, как жокею в стремянах. Сейчас же за окошком маячил внушительный силуэт с покатыми плечами и большими залысынами на лбу. Одни утвер-

ждали, что это громадина, который охранял трап яхты, в то время как другие божились, что они только что были на причале и видели, как тот продолжает стоять на своем посту. Так что, вероятно, это был еще один японский громила.

В просторном салоне лимузина виднелись и другие силуэты – человек пять, но выходила из машины только длинноногая блондинка. Она раздавала бесценные карточки в течение всего дня, блистая зубами и ногами и так и не произнеся ни звука по-английски – только «danke schön» и «auf Wiedersehen» – относительно этих слов у очевидцев были расхождения.

Однако кое-что вскоре стало для всех очевидным и бесспорным – ни одному из членов Законопослушного Ордена приглашений не предназначалось. Сначала братья сочли, что просто их отыскать несколько сложнее, чем владельцев магазинов и других официальных представителей города. Поэтому они продолжали толпиться на крыльце, помогая лимузину отыскать себя. Но после того как он проехал мимо них несколько раз, даже не притормаживая, толпа начала выражать свое недовольство, которое продолжало нарастать в течение последующих часов.

Исаак Соллес и Эмиль Грир оказались среди тех немногих, кто не имел никакого представления о накалявшихся страстях. Грир еще не появился на палубе

яхты, которая поглотила его накануне вечером, а Айк предпочитал не показываться в центре. Позавтракав яичницей и копченым лососем, он сразу же поехал к покалеченному карбасу. К его радости, сарай был пуст и на стоянке тоже никого не было; единственные машины, которые ему удалось заметить, были припаркованы с другой стороны доков, там, где, сверкая, покачивался огромный парус яхты. Они сгруппировались вокруг него, как мотыльки вокруг фонаря. Ну что ж, решил Айк, хоть какая-то польза – по крайней мере дураки не болтаются под ногами. Его радовало даже то, что рядом не было Грира, каким бы хорошим механиком тот ни был. Пусть бедный пьяный петух проспится – ему полезно. Как Айку полезно одиночество.

Когда их вытягивали из грязи, карбас не только лишился части лопасти, но и погнул другую. Айк обнаружил это, запустив под днище волоконную оптику Вонгов. Обычно такое обследование требовало подведения стальной сетчатой люльки под корпус, на которой и поднималось судно, но Вонги, которым принадлежал сарай, отсутствовали, и крутить лебедку было некому. Скорее всего, они болтались со своим братом Норманом где-нибудь в городе и попивали sake из жестяных банок, разогрев его предварительно на газовой зажигалке. Никто из братьев Вонг не был коренным японцем, в отличие от их приемных родителей,

но всем им была свойственна определенная восточная изысканность.

Впрочем, хорошо, что и их не было. Айк никогда не любил поднимать суда, особенно такие дряхлые, как это. Он вернулся в трейлер за костюмом и маской и снял винт в три приема – то есть гораздо быстрее, чем была бы подведена люлька. Одна из медных лопастей была сильно повреждена у самого основания – старая рана, покрытая ярью-медянкой. Вот из-за чего двигатель так сильно вибрировал. Айк потащил винт в сварочную мастерскую Моубри, но того тоже не оказалось на месте – наверное, болтался у клуба Бездомных Дворняг. Боб Моубри был еще кандидатом, но он так рвался стать действительным членом Ордена, что аж приседал каждый раз, когда проходил мимо клуба. Несмотря на его шесть футов шесть дюймов и тридцать четыре года от роду, казалось, он вот-вот напустит в штаны от раболепия.

Однако мастерская у него была классная, и задняя дверь была открыта. Айк закрепил винт в тисках, припаял к зазубрине кусок листовой латуни и принялся зачищать швы. Потом он вернулся в док и за один присест поставил винт на место, поскольку хорошо его зачистил и смазал салом посадочное место. А нырнув вторично, закрепил контргайку. Не снимая костюма, Айк завел двигатель и сильно газанул. Мотор рабо-

тал как часы. Вибрация ушла. Айк вырубил двигатель и, прихватив гаечный ключ, снова нырнул под днище. Винт стоял на месте, контргайка не сдвинулась ни на дюйм. А когда он вынырнул на поверхность, в грязных дверях сарая уже стоял Грир. Даже сквозь запотевшую маску и выхлопные газы Айк различил, что бедному петуху отдохнуть не удалось.

– Боже милостивый, откуда ты? – осведомился Исаак, протягивая руку, чтобы Грир помог ему вылезти.

– С этого любовного корыта, откуда же еще, старик? – откликнулся Грир.

По лицу его блуждала мечтательная улыбка. И поскольку он даже не шелохнулся, чтобы помочь Айку, тот самостоятельно вылез на сходни и снял маску. Глаза у Грира настолько покраснели и провалились, что он, вероятно, даже не заметил протянутой ему руки. Его лоскутные штаны были потрепаны и помяты, а спутанные волосы свисали, как грязные веревки.

– Черт побери, Грир, – покачал головой Айк, – ты выглядишь как блевотина больного медведя.

– Возможно, топ амі, возможно. Но что этому предшествовало! Две восхитительные медведицы. Одна другой лучше.

Айк опустил на ящик и начал стягивать с себя мокрый костюм. Грир, покачиваясь и улыбаясь, про-

должал стоять в дверном проеме.

– Это была потрясающая ночь, старик, я тебе еще расскажу.

Но не успел он пуститься в подробное описание ночных восторгов, как у пирса затормозил пикап Кармоди, из которого появилась Алиса. Она снова была в своем обычном комбинезоне и черных резиновых сапогах. Громко топая, она двинулась по деревянному настилу с раскачивавшимся армейским биноклем на груди. Мрачно кивнув Айку, она остановилась перед Гриром и нахмурилась.

– Эй ты, мистер вице-президент! Советую тебе проснуться. Тебя уже заждались в клубе.

Глаза у нее снова поблекли, а волосы были стянуты сзади в тугий узел. Не дожидаясь ответа, она протопала мимо Грира к концу дока и подняла к глазам тяжелый бинокль.

Грир, не реагируя, продолжал раскачиваться из стороны в сторону. Аик наконец вылез из костюма и нырнул за лебедку, чтобы вытереться одним из грязных полотенец Вонгов.

– От Майкла так ничего и нет? – повысив голос, осведомился он.

– Мистер Кармоди не имеет обыкновения радировать о своем прибытии. – Алиса продолжала обшаривать водную гладь биноклем. – Меня это совершенно

не волнует – если бы что-нибудь случилось, мы бы уже знали. Мне просто интересно знать, о чем этот старый пират думает.

– Ты сказала – заждались? – Сообщение Алисы начало просачиваться сквозь туман эйфории в сознание Грира. – А зачем я им нужен?

– Я их не спрашивала. Но они там уже здорово распоясались. Соллес... – Она продолжала изучать горизонт. – Я хочу, чтобы вы задраили «Сьюзи». И «Коломбину». Поставьте их на прикол и полностью задрайте.

На лице натягивавшего на себя джинсы Айка появилось неодобрительное выражение.

– Какого черта? В понедельник нам все равно выходить на них в море.

Алиса, не отрывая бинокля от глаз, повернулась в сторону самого южного мыса.

– Может, да. А может, и нет, – сообщила она. – Спорим, что завтра или в крайнем случае в воскресенье Кармоди уже будет здесь? И не сомневаюсь, что первым делом он захочет испытать свою новую игрушку. Пойдет за гигантскими крабами. Или на тунца. И вам, ребята, тоже придется идти с ним.

– Но ведь ты можешь ловить и на «Коломбине», – продолжал упорствовать Аик. – Ты ведь делала это.

– Мне предложили участвовать в предстоящих съемках, – будничным голосом сообщила Алиса. – Те-

перь я буду режиссером.

Айк не успел откомментировать это сообщение, как Грир вдруг схватился за голову:

– Господи Иисусе, я понял, в чем дело! У нас же полнолуние! Летнее полнолуние, Исаак! – И он затряс Айку за руку.

– Что-то я не совсем тебя понял, Алиса, – высвобождая руку, продолжил Айк. – Что-то я не припоминаю, чтобы ты пропускала путину. И к тому же что ты можешь знать о режиссуре?

Алиса, оцетинившись, развернулась к Айку.

– По крайней мере я там буду гораздо полезнее, чем в море. Они просили помочь им построить длинный вигвам. А мне кое-что известно об этом.

Грир снова схватил Айку за руку.

– Пожалуйста. Пока Билли нет, вожакom считаюсь я. Не бросай меня, напарник. Ты, я да старина Марли. Сегодня вечером нам предстоят серьезные дела.

– Какие еще серьезные дела? Трепотня о морском льве, если мне не изменяет память? Или о своре шелудивых дворняжек?

– Вся жизнь эскимосов связана с собаками. Так что это всех касается, mon ami. К тому же эти шелудивые дворняжки занимают прочное положение в обществе.

Тут возразить было нечего. Именно Айку принадлежала инициатива выработки профсоюзной хартии

для всех рабочих собак. Изначально это было сделано с целью защиты беговых собак от голодной старости, но вскоре в проект были включены и другие животные – беговые лошади, цирковые львы и тигры и даже бойцовские петухи. Отряды Зверосолидарности вынудили владельцев животных объединиться в союз для обеспечения старости своих кормильцев, и профсоюз победил. С каждого заработанного доллара они стали платить два с половиной цента в пенсионный фонд животных.

– Хорошо-хорошо, это серьезное дело, – согласился Аик. Ему совершенно не улыбалось обсуждать эту проблему в присутствии Алисы Кармоди. – Но вам придется заняться им без меня. Мы со стариной Марли собираемся сегодня побыть дома. Я буду читать ему вслух «Зов предков».

– Полная параша, – выразил свое мнение Грир.

– Что это с тобой случилось, Соллес? – поинтересовалась Алиса, опуская бинокль и облакачиваясь на сваю. – Помнится, ты всегда был заводилой в таких делах.

– Было дело. Потому-то я теперь и читаю всякую парашу. Время заполняет не хуже и раздражает меньше.

– Исаак считает, что перерос нас, – повернулся Грир к Алисе. – Скажи ему. Ну хотя бы ради Марли.

Бедный старикан весь день торчит у него в трейлере в полном одиночестве. Ты разве не согласна, что ему приятно будет выйти и пообщаться немножко с себе подобными?

– Мы все стареем, Грир, – ответила Алиса. – Только какого черта, Соллес? Может, ты все-таки пойдешь? Может, тебе тоже будет полезно пообщаться с себе подобными?

– Спасибо, Алиса, – откликнулся Айк. – Я подумаю.

– Впрочем, лично мне совершенно все равно, что ты решишь, – добавила она. – Просто имейте в виду, что бы вы там ни решили, сначала задрайте карбасы. И освободите себе следующую неделю, так как вы проведете ее в море.

– О-о-о-о... – застонал Грир, закатывая глаза.

– Ладно, – откликнулся Айк.

– А теперь – прошу прощения, но мне пора за дела. – Алиса застегнула воротник своего комбинезона и двинулась обратно, так что деревянные сходни захлюпали водой при каждом ее шаге. – Пойду заниматься искусством, – добавила она, и голос у нее булькнул точно так же, как соленая вода под ногами.

– И что ты об этом думаешь? – жалостным голосом осведомился Грир, когда пикап исчез за поворотом. – Впервые за многие годы в этой дыре что-то происходит, а она отсылает нас в море!

– Я думаю... – Что-то было такое в этом хлюпающем голосе, в этом убого-надменном узле волос, маячившем в заднем окне пикапа. – ...Что, может, мы со стариной Марли и пойдём с тобой на это собрание. Ну-ка, помоги мне вытащить это ведро...

К тому времени, когда они закрепили оба карбаса в протоке у причала Кармоди, на часах было уже начало десятого. Они двинулись к городу, стараясь держаться подальше от центра. Грир не был готов к встрече с Дворнягами. Алиса не солгала – ропот толпы, как далекие раскаты грома, был слышен за квартал. Однако, как отметил Айк, ярко выраженного раздражения в нем не звучало. Скорее, что-то неопределенное. Это напомнило Айку звуки, которые издавали во Фресно эмигранты, собиравшиеся в утренней дымке на полях и решавшие, выполнять или нет порученную им работу, – так, беззлобные перебранки в тумане.

Приятель пересекли стоянку, когда длинный день уже клонился к своему завершению. Молча они забрались в фургон и так же молча двинулись по направлению к трейлеру. Грир с каждой минутой нервничал все больше. Айк знал, что любые попытки успокоить его только усугубят положение. Пугливый уроженец Ямайки всегда норовил уклониться от ответствен-

ности, даже когда она представляла куда как меньшую угрозу.

В нагревателе хватало воды только на одного, и Айк предоставил право принять душ Гриру.

– Тебе же придется торчать у всех на виду.

Грир выбрал светло-зеленую просвечивающую рубашку, в которой он женился в последний раз в Кингстоне – от нее до сих пор пахло темным ромом, – и принялся застегивать крохотные перламутровые пуговицы своими длинными черными дрожащими пальцами.

– Меньше страсти, – посоветовал Айк. – Это же не ассамблея ООН.

– Черта с два! Всему городу не терпится узнать, какую роль будет играть Орден в этих киносъемках. Всему, понимаешь! Если нам не удастся урвать приличный кусок от этого пирога, старину Грира разорвут на куски.

Айк ухмыльнулся, хотя и понимал, что в какой-то мере Грир прав. Законопослушный Орден завоевал свою репутацию благодаря тому, что всегда получал лучшие места на всех стоящих мероприятиях – непосредственно рядом с трассой, когда устраивались гонки на аэросанях, и у сцены на всех рок-концертах, проводившихся от Анкориджа до Виктории. На финальных собачьих бегах в Номе им даже позво-

лили нацепить значки организаторов, чтобы они могли изучить лицензии всех двадцати команд, вышедших в финал. И они скрупулезно сверяли отпечатки носов с профсоюзной документацией, чтобы убедиться в том, что все вложили деньги в призовой фонд. Уже почти десять лет Дворняги урывали себе кусок от каждого пирога, готовившегося в области, а то и не один. А теперь впереди маячил такой пирог, который никому еще и не снился. И если Ордену не удастся запустить в него свою лапу, то его авторитет будет безнадежно загублен.

Марли самостоятельно добрал до фургона, но Исаку пришлось помочь ему забраться внутрь. Марли ворчанием выразил свою признательность и взобрался на низкое сиденье, чтобы можно было высунуться из окна.

– Еще улыбается, разбойник, – заметил Аик в надежде отвлечь своего приятеля. – Он уже год никуда не выезжал, а соображает, что едет на летнее полнолуние. Надо было его отправить под душ, а не тебя.

Грир ничего не ответил. Он сидел скорчившись на переднем сиденье, обхватив колени руками. Его пятнистая физиономия застыла в неподвижной ухмылке, а растянутые губы настолько напряглись, что какая бы то ни было артикуляция была исключена. Грир умел впадать в такое состояние под воздействием це-

лого ряда излюбленных фобий и разного рода опасений, но обычно дар речи не изменял ему.

До клуба они добрались в начале двенадцатого. Толпа перестала роптать и теперь стояла молча, повернувшись к северо-западу и наблюдая за тем, как из-под брюха возлегавшей у самого горизонта плотной черной тучки, как яйцо из курицы, вываливается солнце. Когда фургон остановился на президентском месте рядом с крыльцом, все обернулись. Никто не проронил ни слова, но когда вице-президент начал вылезать из машины, послышался странный скучающий звук. Грир схватил первый протянутый ему стакан и выпил его залпом, не разбираясь, что внутри. Толпа была настолько огромной, что Аик едва верил собственным глазам. Люди, которых он не встречал годами, окружили Грира, норовя пожать ему руку. Похоже, здесь собрались все тупицы и болваны, которые когда бы то ни было наскребли по пятьдесят долларов, чтобы заплатить вступительный взнос. Более того, он увидел несколько лиц, прибывших даже из землячеств Анкориджа и Неаляски.

Грир проскользнул к Вейну Альтенхоффену.

– От Билли так и нет никаких новостей? – шепотом поинтересовался он.

– Ни звука, – также шепотом ответил Альтенхоффен. – Кальмар не из тех, кто бросает свои дела

во имя чего бы то ни было. Так что пока ты наш президент, Эмиль. Ты поведешь нас. Говори, что нам делать.

Грир пожал своими костлявыми плечами с деланным равнодушием.

– В связи с чем, Слабоумный?

– В связи с тем, что нас так обосрала. Ни один из нас не получил приглашения на яхту. Ты не считаешь, что нам бросили перчатку? На кону наша честь, брат Грир, и судьба распорядилась так, что тебе отвечать на это. Так что мы будем делать?

Члены Ордена обступали все плотнее и плотнее шепчущуюся парочку.

– А делать мы будем вот что, – изрек Грир, надевая солнцезащитные очки и поворачиваясь к горизонту со всей возможной торжественностью, на которую он был способен, – дождемся, когда сядет солнце, и проведем собрание. Как обычно.

Солнце опускалось все ниже, и толпа начала затихать. Даже собаки перестали скулить, за исключением нескольких выродков, да и тех распихали каждого в свой пикап и привязали там, отверженных и посрамленных, но так и не умолкнувших. Более мелких и цивилизованных загнали под крыльцо, где они и сгрудились в гробовой тишине, лишь поглядывая из-за решеток. Когда же солнце коснулось далекой во-

ды, даже нытье в пикапах полностью прекратилось. Последний красный отблеск померк, сменившись зеленоватым сиянием, и тут как по команде вся толпа разразилась завываниями и улюлюканьем. Сначала это выглядело смешной дешевкой, но по мере того как этот вой ширился и нарастал, в нем начали проступать страстная сила и звериный надрыв, так что ощущение комизма уступило место искреннему страданию и все, что представлялось дешевым и плоским, приобрело объем и непреходящий смысл. Послушные и цивилизованные члены Ордена подхватили из-под крыльца этот вой нежными тенорами, а из пикапов донеслись душераздирающие баритоны непокорных. Голоса расходились, переплетались и ширились, сливаясь в один мощный хор – единый надрывный вой Дворняги-Неудачника. Этот вой парил над городом и, отражаясь от глетчера за заливом, возвращался обратно, накладываясь сам на себя и создавая многослойный органный аккорд. И лишь когда замер последний отзвук эха, люди, бросая в переполненные мусорные бачки бутылки и банки, потянулись в помещение клуба. Это было еще одним правилом, усвоенным с опытом.

В полной тишине были сложены и отставлены к стенам карточные столы. Точно так же молча люди вытащили из шкафов складные деревянные стулья и рас-

ставили их неровными рядами. Когда у каждого стула стояло по одному члену Ордена, Грир на негнущихся ногах вышел к возвышению, изготовленному в форме огромного гидранта. Он поднял отполированную бедренную кость медведя, которая использовалась как молоток для усмирения публики, и указал пальцем на пол.

– Садитесь, – скомандовал Грир. Все сели. Грир поднял руку вверх, повернув ее ладонью к аудитории, и снова распорядился уверенным голосом: – Встаньте. – Все встали. – Полнолуный вой летнего солнцестояния Законопослушного Ордена Бездомных Дворняг объявляется открытым, – провозгласил Грир. – Прошу всех вести себя соответственно. Наш верный секретарь Слабоумный, остались ли у нас с прошлого раза нерешенные вопросы?

Вейн Альтенхоффен, зардевшись, встал с черным гроссбухом в руках. Альтенхоффен, когда не занимался рыбной ловлей, замещал преподавателей в квинакской школе, а кроме того, выпускал еженедельную, а иногда ежемесячную газетенку «Маяк Квинака». Длинноносый и многословный, он тем не менее был чрезвычайно полезным членом общества и Ордена. Его настолько переполняли всевозможные планы и проекты, направленные на усовершенствование жизни, что порой он начинал разговор со следующих

слов: «Мой слабый ум просто разрывается от брезжущих перспектив».

– Предыдущее собрание Законопослушного Ордена закончилось на неожиданной и драматической ноте, – начал читать Альтенхоффен. – Орден получил судебный приказ, предписывающий прекратить практику проведения фейерверков. Когда наш президент Кальмар узнал о том, что Томас Тугиак Старший пригрозил лишить нас клуба, он произнес следующее – цитирую: «Имел я вашего Томми Тугиака и всех его алкашей-дикарей. Пусть попробуют сунуться к Дворнягам, и я им головы пообрываю. Мы будем пускать фейерверки в любое время, когда нам захочется». Конец цитаты. Это предложение было поддержано единоголосным рычанием, за исключением Томми Тугиака Младшего, который возражал против поношения собственного отца, и Чарли Фишпула, который был не согласен с употреблением некоторых других слов. «Может, мы и алкаши, но не дикари. Мы – последователи дикарей». Норман Вонг на это ответил – цитирую: «Вот и проследуй обратно на свое место, Чарли». На что Чарли Фишпул возразил: «По крайней мере, Вонг, у меня есть хоть какие-то корни». После чего Брат Норман Вонг ударил Чарли по шее свернутым номером «Народного журнала», сбив вышеупомянутого Чарли с ног. Тогда Брат Клейтон Фишпул уда-

рил Брата Нормана Вонга по шее свернутым номером «Ежемесячника Атлантики», и тот упал на колени. После этого собрание было закрыто.

Альтенхоффен закрыл свой гроссбух и, сияя, посмотрел на Грира. Грир милостиво кивнул.

– Спасибо, секретарь Альтенхоффен. Стая согласна с тем, как изложены события?

– Вау-вау! – в унисон ответила аудитория, и Альтенхоффен сел.

– Все было именно так до мельчайших подробностей. Какие-нибудь еще нерешенные проблемы? – Грир свирепо оглядел собравшихся. Чарли Фишпул поднял свою толстую руку.

– Может, момент не самый подходящий, но я бы хотел получить извинения...

– Вау-вау! – возмутились собравшиеся, и Чарли опустил руку.

– Какие-нибудь доклады от комитетов?

Аудитория ответила отрицательно.

– Отлично! – И Грир, подводя итог, постучал медвежьей костью по подиуму: пам-пам-пам! – Значит, перейдем к насущным проблемам? – Огромная белая кость зависла в ожидании. – Итак? – Но все делали вид, что насущных проблем ни у кого нет.

Брат Исаак Соллес, сидевший у дверей в самой глубине помещения, откинул спинку своего стула к

стене и расслабился. Он видел, что, несмотря на всю дрожь и смятение, Грир прекрасно справляется. В этом заключалась одна из характерных черт всех церемоний Дворняг: они были рассчитаны таким образом, чтобы никакие проблемы, ни старые, ни новые, не воспринимались собравшимися слишком серьезно. Наконец Вейн Альтенхоффен опустил свой гроссбух на пол и поднял руку. Грир тяжело вздохнул.

– Слово снова берет секретарь Альтенхоффен. Чего тебе надобно, Слабоумный?

Альтенхоффен поднялся, сопровождаемый сдержанным рычанием аудитории, и воздел палец к потолку.

– Я буду краток, – пообещал он и набрал в грудь побольше воздуха. – Мистер вице-президент... Братья-Дворняги... сограждане... Учитывая историческую роль Ордена во многих достопамятных событиях славного прошлого, я хочу предложить на обсуждение вопрос...

– Гррр, – предупреждающе прорычали братья – они были слишком хорошо знакомы с многословными преамбулами Слабоумного.

– ...каким образом Дворнягам, – зашепшил Альтенхоффен, – получить причитающуюся им долю в грядущих киносъёмках.

– Вау-вау, – поддержали его братья.

Грир погладил свой курчавый подбородок.

– Интересный вопрос ты задал, секретарь. Есть какие-нибудь предложения? Если нет...

– А у меня есть еще более интересный вопрос! – перебил Грира кто-то из дальнего конца. – Как нам получить приглашения на завтрашний прием, которые получили сегодня остальные чурки?

– Это не в тему, брат... – Грир постучал костью. Он не видел, кто это произнес.

– А когда же мы будем в теме, мистер вице-президент? – прорычал кто-то еще. – Когда мы наконец выберемся из свинарника Лупа?

Грир попытался пропустить это замечание мимо ушей.

– Киношники, они такие... – пожал он плечами.

Но братья больше не намерены были шутить. Поднявшаяся миссис Херб Том направила на Грира свой красный ноготь как револьвер.

– Грир, пока ты единственный в Квинаке, кому удалось забраться на этот плавучий шведский стол. И не возражай – об этом всему городу известно. А теперь мы хотим знать, что ты сделал для того, чтобы добыть своим братьям положенный им куш, черт бы побрал твою тощую черную задницу! Мы Орден или что? Я, например, не намерена сидеть дома и смотреть, как все там будут жировать! Я бы могла отдавать все

деньги Хербу, если бы стремилась к этому. Так что... – Миссис Херб Том подняла свою черную кожаную сумочку и целенаправленно запустила в нее свою руку с кровавыми ногтями. – ...Что скажешь?

На лице у Грира появилось тревожное выражение.

– Миссис Херб... Братья... Клянусь вам, я попросил пропуска на борт для членов клуба. Но парочка, обслуживавшая меня, ни слова не говорила по-английски – только по-русски или еще на каком-то там... а Стебинса мне увидеть не удалось.

Но миссис Херб это не удовлетворило.

– А как насчет твоего дружка-альбиноса? Похоже, выдающийся тип: застал тебя со своей женой и выменял ее у тебя на двух красоток, чтобы ты был не в обиде.

– Исчез, миссис Херб, передал меня этим русским и исчез под палубой. Я его больше не видел. Клянусь честью. – Лоб Грира покрыли морщины, руки у него снова задрожали. – Да и не знаю я этого альбиноса. Послушайте, вам нужно обратиться к Алисе Кармоди. Она ведь его мать...

Братья даже не удостоивают это предложение ответом и лишь сдавленно рычат.

Айк выпрямляется на своем стуле. Какими бы глупыми и детскими ни были эти забавы, всегда следовало помнить, что имеешь дело со здоровыми мужика-

ми, как правило, пьяными и чаще всего вооруженными. В период своего президентства Айк не раз оказывался на прицеле. А в прошлом году мирный городишко Квинак занял четвертое место по количеству смертей вследствие огнестрельных ранений после Хьюстона, Техаса и округа Колумбия.

– Тогда разговаривайте с Айком Соллесом! – в отчаянии выкрикнул Грир, указывая на Айка костью. – Он сидел за решеткой с этим сукиным сыном, а я всего лишь трахал его жену...

Раскрасневшиеся лица собравшихся поворачиваются к Айку. Первые признаки отходняка – действие дури заканчивается. Даже у женщин. И Айк начинает вспоминать, почему он перестал посещать эти ежемесячные собрания.

– Что это значит, Соллес? – угрожающе вопрошает миссис Херб Том.

– Не надо на меня так смотреть. По-моему, никто не видел, чтобы мне доставляли серебряную карточку с приглашением.

– И мне тоже! – выкрикивает Грир. – У меня нет никаких вонючих карточек!

Но братья неумолимы. Часть продолжает пялиться на Исаака, часть – на Грира. Рычание становится все громче. В третий раз за истекшие двое суток Айк начинает сожалеть о том, что оставил Тедди дома. И имен-

но в этот момент, словно одной мысли было достаточно для того, чтобы спустить курок, раздается выстрел. Норман Вонг помахивает над головой кольцом 44-го калибра, от четырнадцатидюймового ствола которого поднимается легкий дымок. Антикварное оружие времен Гражданской войны является собственностью Ордена. Оно вручается приставу Ордена при инаугурации, а затем передается преемнику. Норман занимает этот пост и, соответственно, владеет оружием с момента основания Ордена. К счастью, он наиболее хладнокровный из Вонгов и пользуется оружием только в процессуальных целях.

– Требую порядка в логове! – произносит Норман в наступающей после выстрела тишине. И порядок восстанавливается. Одно дело ракетницы и «узи», но 44-й калибр требует к себе уважения. – Собрание не закрыто. Ведите себя соответственно.

Братья, ропща, опускаются снова на стулья и поворачиваются к подиуму. Грир улыбается, обнажая зубы, и поднимает брови, пытаясь изобразить ямайскую невозмутимость.

– Братья, через пару дней вернется Кальмар, – заверяет он собравшихся. – И он позаботится о нас.

Рычание раздается снова.

– У Билли Кальмара нет там друзей, мистер вице-президент, – замечает миссис Херб. – Они есть у

тебя.

– Вау-вау-вау...

До Айка доносится гул голосов – братья вопрошают, требуют, обвиняют. И это снова напомнило ему звуки, которые он слышал от полевых рабочих и в других местах – в бараках Эль-Торо и в камерах, забитых людьми в Почетном лагере. Этот звук рождался страданием столь распространенным, что его могла издавать любая группа людей, находящаяся у основания социальной лестницы. В нем не было ничего общего с мелодичным воем Дворняг; это была мрачная и угрожающая жалоба обезумевшей дворняжки, клыкастого и голодного обманутого изгоя. Это было вселенское проклятие парней, одевшихся по последней моде, но так и не обласканных женским взглядом, это был вой женщин, продолжавших купаться в пузырях мыльных опер, по мере того как жизнь становилась все грязнее и грязнее, это было рычание обманутых грез и гормонов, которыми пренебрегли. Оставалось только гадать, до чего он мог довести разгоряченную толпу.

Зажатый у подиума, Грир продолжал произносить односложные заверения, но звериный рык становился все громче. Сестрицы Босвелл поддержали миссис Херб своими пронзительными голосами. Пристав Вонг снова начал размахивать своим кольцом, призывая к порядку, но было уже поздно. Все новые и новые

брatья с диким видом вскакивали на ноги. Норман Вонг размахивал кольтом; Грир стучал медвежьей костью; рык нарастал. И когда вся эта какофония достигла своего пика, свет в зале, словно по сигналу, внезапно погас и раздался оглушающий грохот настоящего грома.

Маленькая черная тучка, покончив с солнцем, вероятно, решила подползти к городу, чтобы посмотреть, что происходит. Видимо, несколько минут она размышляла над тем, что означает этот рев, а потом ее внимание привлекла городская электростанция. Все эти проводочки, предохранители и дизель-генераторы! Она метнула свой единственный заряд в эту соблазнительную коллекцию механизмов с такой силой, что земля содрогнулась, а металлическая свая приварилась к стоявшей поблизости тачке. Потом она удовлетворенно вылила на город свой небольшой запас дождя и снова повернула к морю.

Братья замерли в почтительном молчании. Одна из вещей, которую усваиваешь, живя у подножия: все, что исходит сверху и не имеет отношения к социальной лестнице, как, например, погода, требует к себе почтительного отношения. Лишь обитатели верхних пролетов лестницы могут позволить себе не замечать подобные неприятности. Обитатели дна вынуждены полагаться на волю случая.

Дождь забарабанил по крыше, из-под крыльца до-
несся собачий вой, а в зале продолжала сохраняться
тишина, ибо все ощущали таинственность проис-
ходящего. Потом включились резервные генераторы,
и электричество вернулось в лампочки. Все это за-
няло не более минуты, но произведенное впечатле-
ние было огромным. Напряжение в зале спало столь
же мгновенно, как если бы кто-нибудь переключил со-
единение с плюса на минус. Никто уже не задавал ни-
каких вопросов. Все вскочили на ноги, отовсюду слы-
шался смех – братья толкались, похлопывали друг
друга по плечам и пожимали руки. И Айк вместе со
всеми ощутил, как его омывает волна облегчения.

Грир бросил кость на подиум, спрыгнул со сцены и
решительно направился к двери. Что касается пред-
седательствующего, то его функции были совершен-
но очевидно исчерпаны. Однако что-то заставило его
остановиться, прежде чем он успел открыть дверь.
За ней кто-то стоял. Грир замер с выражением такого
изумления и ужаса, что окружающие, заметив это, на-
чали затихать. И когда наконец воцарилась полная ти-
шина, из-за двери раздалось добродушное урчание:

– Привет, ребята. Нельзя ли незнакомцу войти под
сень вашего священного логова?

В обычных обстоятельствах такая просьба была
бы встречена предупреждающим рычанием, однако

на сей раз все были настолько вымотаны, что могли только молча пялиться на фигуру человека, стоявшего за дверью. Наконец Грир встряхнулся и вышел из состояния транса.

– Конечно, почему бы и нет? У нас перерыв. Заходи. – И, откинув щеколду, Грир открыл дверь. – Это Николай Левертов, братья.

Под прицелом любопытных взглядов Николай проскользнул внутрь. На нем были палевые брюки и рубашка и пиджак персикового цвета, свободно накинутый на плечи. Зрачки были прикрыты дымчатыми линзами, а под самым кадыком болталось золотое распятие на тоненькой цепочке. Айк понял, что он был одет как какой-нибудь итальянский киномагнат, только феллиниевской шляпы не хватало.

– Джентльмены, надеюсь, вы простите мое неуместное вторжение – привет, Исаак, правда, я классно выгляжу? – просто я не знал, как еще можно застать вас всех вместе.

– Ну так ты нас застал, – откликнулся Норман Вонг. – Что дальше? – Норману не понравилось, что Грир так быстро откинул щеколду: решать, когда открывать логово, входило в обязанности пристава.

– Просто я хотел забросить вам это. – Белые пальцы мелькнули и извлекли откуда-то черную карточку. – Вот и все. – Николай сунул ее Норману в кобуру рядом

с кольцом. – И вот это. – И в обеих руках появилось еще два веера карточек. – Будьте любезны.

Все карточки безымянные, с единственной надписью «Благородной Дворянке», но их хватает на всех и это официальные приглашения. Последнюю карточку Николай, зардевшись, вручает Айку Соллесу. А когда тот начинает отказываться, ссылаясь на то, что в последнее время не является большим любителем вечеринок, Николай наклоняется ближе, что-то быстро шепчет ему на ухо и снова проскальзывает за дверь. Братья выходят на крыльцо и смотрят вслед лимузину, который, подпрыгивая на рытвинах, удаляется по залитой дождем улице.

– Кто это был? – первым обретает дар речи секретарь Альтенхоффен. – Вечный Жид или Злая фея?

– Я думаю, Злая фея, – рассудительно замечает миссис Херб Том. – Вечный Жид не стал бы целоваться с Айком Соллесом.

– Мы не целовались, – возражает Аик. Братья выжидающе молчат. – Это было что-то вроде королевского приказа, – добавляет Аик, с возмущением передергивая плечами. – Ник просто сказал, что его величество мистер Стебинс желает меня видеть. Поехали домой, Грир. Думаю, старина Марли уже сыт по горло общением и готов на боковую. Я, по крайней мере, готов.

7. Во имя глаз твоих огня И вьющихся седин Почто не удержал меня, Что я теперь один?

Ранняя обедня в русской православной церкви собрала столько прихожан, сколько отец Прибылов не видел в Рождество и на Пасху, вместе взятые. Колокола на старой, шаткой колокольне только начали звонить, а все скамейки были уже заняты. Толпа напоминала первых поселенцев, приходивших с благодарственными молитвами за ниспосланное им изобилие.

Большинство прихожан были столь же старыми и дряхлыми, как и их отец-исповедник и сама святая обитель. Отбросы общества, выдавшие лучшие дни: рыбаки давно забытых путин и их опустившиеся жены. ПАПы. Очень много ПАП. Никто и представить себе не мог, что в округе сохранилось еще столько старомодных ПАП. Они толпились в церкви, словно собираясь отметить поимку гигантского кита. И даже если у них не было пригласительного билета в узкий круг на тризну по этому поводу, при такой добыче им наверняка могла достаться ворвань.

Отец Прибылов выбрал текст проповеди еще за три дня до того, как в бухте Квинака причалил этот огромный металлический кит, но все прихожане были убеждены, что хитрый старый священник остановился на нем не случайно. Свободные переплетения его проповеди были посвящены тенетам порока и книге Екклесиаста. Только преподобный отец понимал, что проповедь не может быть заготовлена заранее, что она творится судьбой. Поэтому и нынешнюю проповедь кроила и сшивала рука Всемогущего. Сам же отец Прибылов являлся не более чем жалкой логической нитью, связующей воедино божественные тексты. И, несмотря на то что эта нить чем дальше, тем больше сбивалась в сторону пророческого обличения, паству это особенно не беспокоило. Извилистый шов соединял слова ничуть не хуже прямой строчки.

– Ибо не дано человеку знать своего срока! – гремел голос святого отца, насколько мог греметь дряхлый девяносточетырехлетний старец. – И как рыба улавливается сетями зла, а птица западней, так и сыны человеческие улавливаются тенетами злого времени.

Паства понимающе заерзала на кедровых скамьях. Злое время. Ну-ка, ну-ка!

– Когда-то стоял на земле небольшой город, – вдохновленный вниманием слушателей, продолжил свя-

той отец, – и немногие люди населяли его. И могущественный царь пришел и осадил его. И жил в этом городе добрый человек, бедный, но мудрый; и спас он свой город. Но пришел ли к нему кто-нибудь с благодарностью? Вспомнил ли его кто-нибудь в своих молитвах?

Слушатели жизнерадостно затрясли головами: черт, конечно же, нет.

– И я говорю, мудрость лучше, чем сила, хоть она и была отвергнута и принижена. И я говорю, слово мудреца выше вопля того, кто правит глупцами. Ибо дохлые мухи отравляют богатую масть зловонием!

Носы сморщились и ноздри затрепетали в предвосхищении дальнейшего.

– И потому я говорю, – руки святого отца, испещренные венами, заметались, как птицы, по золотому шитью рясы, – опускайте хлебы свои на воду, но не мечите жемчуга вашего пред свиньями. И помните: «Блаженны нищие духом, хоть и не призваны они в дома богачей». Блаженны воистину. Аминь.

– Аминь! – поспешно ответила паства, горя от нетерпения поскорее добраться и до хлебов, и до жемчугов, и до свиней. – Аминь, аминь!

Уже потом, на улице, стоя в робких лучах солнечного света и принимая поздравления в связи со столь успешной проповедью, добрый патриарх был вынуж-

ден признаться, что и он получил приглашение на вечерний прием и был намерен посетить его, так как Герхардт Стебинс обратился к нему с персональной просьбой. Однако он собирался лишь благословить мероприятие, а отнюдь не играть роль местной достопримечательности. Даже великие киты мира сего нуждаются в благословении, и навредить это никому не может.

– И все же блаженны нищие духом!

К обеду все уже в городе знали, кто приглашен на прием, а кто нет. Кто-то узнавал новости по телефону, кто-то по местному радио «Рыболовная снасть», а некоторые из специального выпуска «Маяка», который Вейн Альтенхоффен успел подготовить за ночь. Однако большинство горожан смогло услышать новость собственными ушами благодаря акустическому феномену, наблюдающемуся во многих прибрежных городах Аляски. Зажатый между тремя крутыми склонами и скалистым глетчером, звук, отражаясь эхом, накладывается сам на себя. Он вращается, все нарастая и нарастая, как молитвы, заключенные под куполом церкви. В будние дни это явление выражалось лишь в постоянном гуле, зато по воскресеньям, когда карбасы стояли на приколе, а металлический скрежет консервных заводов наконец затихал, звуки становились чистыми и отчетливыми. И, прислушав-

шись, можно было различить отдельные голоса, словно они были совсем рядом. Их не заглушал рев скоростных шоссе, как это было в более крупных городах на юге. В этих крохотных городишках с любого крыльца каждую машину можно было отличить по ее характерному звуку.

– Это жена Лероя Дейнстрона отправилась жаловаться к своей мамаше.

Любые пререкания перед любым баром становились достоянием посетителей двух других:

– А это сам Лерой в «Горшке» рассказывает, как оскорблена его старуха тем, что они не получили приглашения. Она сказала, что их обязаны были пригласить как единственных хиропрактиков в городе. А по мне-то, кого это волнует? Они такие же голодранцы, как и мы.

Порой между обладателями приглашений и отверженными вспыхивали перепалки, впрочем, без серьезных последствий, так как вне зависимости от наличия пригласительной карточки к яхте собирались идти все. Приготовления начались с первыми лучами солнца. «Морской ворон» установил свой тент для игры в бинго и бочки с пивом. Местное отделение «Орлиного гнезда» смонтировало танцевальную площадку из фанеры, и из дюжины 90-ваттных динамиков уже вылетали самые разнообразные мелодии.

Единственный, кто не принимал в этом никакого участия, был Омар Луп: он настолько разъярился на Бергстрому за то, что тот отказался засадить его сукиного зятя, что в полдень запер свой боулинг, решив, что в знак протеста будет играть в полном одиночестве. Однако сыновья отказались последовать его примеру. Они установили шампуры, сложили угольные брикеты и принялись нарезать труп огромной свиньи, задранной за неделю до этого медведем: нежная свинина с фасолью – двадцать пять долларов за порцию.

На спокойной воде покачивались гидросамолеты, прибывшие в основном из соседних городишек. Но было и несколько экзотических явлений. Так, в шесть часов вечера прибыли два «морских ястреба», которые выгрузили на кормовой грузоподъемник яхты технический персонал и алюминиевые ящики с оборудованием, и тут же крылом к крылу, как водоплавающая дичь, снова поднялись в воздух. Чуть попозже опустился вертолет, из которого высыпало с полдюжины визжащих рыжеволосых девиц, встреченных приветственными криками. Вероятно, это были «Вишневые Девчата» – группа из Анкориджа, которая завоевала себе славу исполнением золотых шлягеров прошлого. Все шестеро были натурально рыжими и славились тем, что носили костюмы, не позволявшие со-

мневаться в этом. С развевающимися кудрями они выскочили из-под работающих лопастей пропеллера и побежали к яхте под аплодисменты и крики зрителей.

Великан, стоявший у самых сходней, сделал шаг в сторону и пропустил их на борт.

И уже почти в семь на горизонте появились перемежающиеся желтовато-зеленые проблески, которые начали быстро приближаться с оглушающим грохотом. Над самой стоянкой металлическая птица внезапно задрала свой клюв вверх и зависла в воздухе, как гигантская колибри; потом корпус снова выровнялся и машина опустилась на асфальт.

Когда дым рассеялся, на борту стала видна черная надпись – «Мицубиси». По трапу спустились три азиата в темно-синих костюмах, которым тут же вручили три дипломата. Вручавшим, впрочем, был совсем не азиат, а чисто американский пляжный мальчик в белых туфлях, шортах для серфинга и в гавайской рубашке с изображением райских птиц. Светлый пушок его коротко стриженных волос затрепетал в потоках воздуха, когда он спрыгивал на землю. Он расплылся в лучезарной улыбке, помахал рукой толпе зрителей и поспешил за своими мрачными спутниками. Не успели пассажиры покинуть свой летательный аппарат, как его двигатели снова взревели, он взмыл в воз-

дух и исчез из виду еще до того, как те успели достичь яхты. Вейн Альтенхоффен вышел из оцепенения и записал: «После посадки реактивного самолета с вертикальным взлетом даже появление ядерной подлодки никого бы уже не удивило».

В начале девятого у штурмтрапа снова появился улыбающийся веснушчатый стопроцентный американец с мегафоном. Теперь с ним был Николай Леверов в широкополой шляпе и темных очках. Стопроцентный американец, сияя, покивал в разные стороны, дожидаясь, когда утихнет шум и выключат динамики, после чего поднес мегафон ко рту.

– Эй-эй! – начал он, как телеведущий, обращаясь к студийной аудитории. – Ну как тут с уловом?

Публика ответила ему смехом и свистом. Когда шум затих, он снова включил мегафон.

– Народ, позвольте мне представиться. Меня зовут Кларк. Кларк Кларк. Кларк Б. Кларк. А теперь врубайтесь: мне наплевать, если вы забудете мое имя, мне наплевать, если вы забудете мою фамилию, но вот к среднему инициалу я отношусь очень трепетно. Поэтому я вам предлагаю специальное упражнение для запоминания. Повторяйте за мной: имя начинается с той же буквы, что Кент...

Публика настороженно повторила.

– ...а второй инициал с той же буквы, что блядь.

Это было воспринято уже с большим энтузиазмом.

– А фамилия опять так же, как имя. Кларк Б. Кларк.

Боюсь, моя мамаша страдала дефектом речи после родов. Впрочем, на меня это не распространяется. Мои уста как с куста, и я официальный спикер корпорации «Чернобурка». И прежде всего я от самого сердца хочу поблагодарить вас, жителей Квинака, за тот радушный прием, который вы нам оказали. Какой у меня второй инициал? Запомнили? Подходите ближе, ближе. А теперь в мою приятную обязанность входит пригласить вас на борт «Чернобурки», потому что – и я не стану от вас ничего скрывать – у вас есть кое-что такое, что нам надо. Вы меня спросите, что же это? И я вам отвечу. У вас есть то, что в нашем деле называется местоположением, вы живете в живописном месте, все еще не испоганенном цивилизацией. Может, вы не замечали, но все к югу отсюда уже окончательно испоганено. А у вас все еще чистое небо над головой и благоуханный воздух – если не считать вони от рыбьих потрохов. У нас же есть то, что нужно вам. А именно большие деньги, давайте говорить на чистоту: именно большие деньги, а не какие-нибудь там рабочие места или развлечения. И единственное, что мы хотим за это получить, так это вашу землю. По моему, это честная сделка. Так что подумайте. А пока вы будете обдумывать наше предложение, – он,

сияя, отцепил переплетенный канат, – поднимайтесь на борт, давайте познакомимся и повеселимся. Я хотел бы всех вас пригласить на борт, но, к сожалению, не могу. Потому что Большому Джо приказали пропускать людей только по приглашению, а поскольку я не владею языком верзил, то переубедить его не смогу. Однако скажу вам вот что... – С заговорщическим видом он покосился налево, потом направо, а затем прошептал в мегафон: – Крутые ребята никогда еще не нуждались в приглашениях, сечете? Так что единственное, что вам придется сделать, это подождать, когда с борта кто-нибудь спустится со своим приглашением и, – он снова подмигнул, – кто знает? Уж точно не Большой Джо. Мы все для него одинаковые – коротышки. Так что верьте мне, люди. Только запаситесь терпением, и у каждого будет возможность попасть на борт. И мы даже не потонем, как это однажды чуть не случилось в Бразилии. Дело было в верховьях Амазонки. Ну да ладно, закрой свою варешку, Кларк Б., как в слове... Пора за дело. Встречайте «Вишневых Девчат»! Вперед, милашки...

Девушки высыпали на палубу с гитарами и закрепленными у подбородков микрофонами, визжа душевраздирающим фальцетом «На север, в Аляску». Гостям, которые проталкивались по трапу, пришлось продираться сквозь орудия усилители, заглушавшие

все остальные звуки. Динамики на стоянке и вовсе убрали за ненадобностью.

Когда Грир с Айком подъехали к стоянке час спустя, огромное судно было уже забито битком, а с планшера струилось пролитое шампанское. «Вишневые Девчата» вскарабкались на мостик и исполняли там свой хит «Петрушка, шафран, розмарин», дергаясь в такт ударам по корпусу яхты. Несмотря на то что было еще светло, все прожектора были включены и направлены на парус. В этом освещении он еще больше напоминал лезвие ножа, а его огромная черная тень закрывала всю переполненную людьми стоянку.

– Не лезь в эту толчею, старик, – посоветовал Грир Айку. – Мы никогда отсюда не выберемся, если нам наскучит это дерьмо. Припарковывайся здесь – нам не помешает пройтись.

За последние два дня Грир сильно сдал. Лицо у него опухло, взгляд остекленел. Он прихватил с собой бинокль Айка и всю дорогу настраивал его и перенастраивал, словно в ожидании засады.

Айк остановил фургон на Передней улице и вылез из машины. Грир медлил, продолжая пялиться в бинокль сквозь ветровое стекло. Он пытался отыскать на стоянке красный «Мустанг» Билли Кальмара в надежде на то, что ему удастся сбросить со своих худеньких плеч тяжелый груз ответственности и

в полной мере насладиться вечеринкой. Но никаких признаков присутствия Кальмара не было. Впрочем, он был вознагражден видом прыгающих и визжащих «Вишневых Девчат». Когда же он собственными глазами убедился в том, что рыжина была их естественным цветом, то окончательно приободрился:

– Спасибо Тебе, Господи. Это то, что мне было надо.

– Увидел что-то знакомое? – поинтересовался Айк.

– «Вишневые Девчата», старик. Я узнаю их. Вау. А еще с тысячу пьяных дворняг.

– Я бы не советовал следовать их примеру, – заметил Айк.

– Увы, придется, – вздохнул Грир, вылезая из фургона. Постоянное напряжение наконец привело его в состояние философского спокойствия. – *Trez amusé*, не так ли? Не то мечта о самой разгульной вечеринке, не то ночной кошмар.

Пока они возились около фургона, из боулинга напротив вышел Омар Луп. На боку, как боевая булава, у него висел рубиновый шар. Со своей плотно сбитой сутулой фигурой, подсвеченной сзади неоновыми огнями, он походил на свинью, выходящую из тлеющей кучи мусора.

– Вот увидишь, Соллес, – прокричал Луп с противоположной стороны улицы, – он вернулся сюда, чтобы

отомстить нам, неугомонная холера. Так что напрасно ты меня останавливал, лучше бы помог сразу свернуть ему шею. Вот увидишь...

Айк промолчал. Грир что-то прокричал в ответ, но слова потерялись в оглушающем грохоте музыки.

Они не спеша двинулись через стоянку, время от времени останавливаясь, чтобы переброситься словом или пожать кому-нибудь руку: добродушные шутки и ни слова о приглашениях. У всех было слишком приподнятое настроение, чтобы испытывать зависть. Айк проследовал за Гриром вверх по трапу, и Большой Джо пропустил их, даже не посмотрев на приглашения. Они еще не успели освоиться с ослепительным светом и грохотом, как навстречу им с сияющими глазами бросился Вейн Альтенхоффен.

– Неслабо, а, братья? Я имею в виду технику. А угощение! М-м-м! Не хотите? Если захотите, обратитесь вон к тому маленькому стюарду. – Альтенхоффен махнул своей потрепанной записной книжкой в сторону азиата со светло-вишневыми волосами, завязанными в самурайский пучок. На груди у него висел стальной поднос, на котором с одной стороны стояли полные фужеры с шампанским, с другой – sake и чашечки, а посередине дымился роскошный чайник из французской эмали.

– Попробуешь с одной стороны и чувствуешь, как

тебя начинает распирать, попробуешь с другой – и тихая радость нисходит на тебя, – пел Альтенхоффен. – Говорят, на нижней палубе у них даже есть личный запас «багряной дымки». Мой слабый ум не в силах это осознать.

– Поостерегись, Слабоумный, – предостерег Айк. – Грир до сих пор не может прийти в себя после того приема, который тут ему устроили в пятницу.

Но Слабоумный пропустил это мимо ушей.

– Смотрите! – Он указал еще на какого-то человека, поднимавшегося по сходням. – Это редактор «Солнца Анкориджа». Небось весь позеленел от зависти, что все это происходит не в его епархии. Пойду приколюсь над ним, нет, постойте... – Нахмурившись, он замер, пытаясь вспомнить, что его заставило броситься к Айку и Гриру. – Ах да, вас ищет Николай Левертов. Он одним пролетом выше, напротив буфета. Русская икра и северные девки. Не проходите мимо.

– Николаю Левертову придется немного подождать, – заметил Грир, когда Альтенхоффен упорхнул вместе со своей записной книжкой. – Мне надо слегка освежиться.

И они принялись проталкиваться к вишневому самураю с подносом.

– Мне вот отсюда, – попросил Грир, кивком указывая на эмалевый чайник. Самурай слегка поклонился

и замер. Грир понял, что наливать следовало самому. – Ты будешь? – повернулся он к Айку.

Соллес покачал головой и вытащил изо льда бутылку «Короны». Прихлебывая, они двинулись сквозь толпу, кивая и улыбаясь знакомым. Разговаривать при таком грохоте все равно было невозможно. Хотя сами «Девчата» визжали и бренчали на мостике, все усилители были расположены на нижних палубах. И именно этот грохот и заставил в конечном счете Айка и Грира двинуться вверх.

Только здесь Аик впервые оценил истинные размеры яхты. У мачты над головой вздымался купол ходового мостика, служившего в данный момент эстрадой для «Девчат». Парус, состоящий из восьми металлических отполированных до блеска обтекаемых секций, вздымался вверх на невероятную высоту. Второй ряд сверху был украшен эмблемой корпорации: в черном круге диаметром футов в двенадцать была изображена голова чернобурки, сиявшая в лучах прожекторов. Вряд ли история мореплавания знала более высокие мачты.

– Интересно, как они это сделали, – заметил Грир, занимавшийся в свое время покраской мачт.

– Опустили ее, – откликнулся Аик. – Видишь сегменты? Она, наверное, опускается вниз, как антенна у машин. И эти плашкоуты по бокам корпуса тоже мо-

гут убираться внутрь.

За парусом, со стороны моря, всеми цветами радуги переливался буфет, к которому выстроилась длинная очередь с пластиковыми тарелками; с другой стороны – на баскетбольной площадке всю гоняли мяч. Команда «ПАП» сражалась с Дворнягами. Кольцо было закреплено на положенной высоте посередине нижней секции паруса, основание которого было настолько велико, что составляло ширину баскетбольной площадки. Вокруг него полукругом была обозначена линия свободного броска. Так как судовой компьютер продолжал автоматически передвигать парус в зависимости от смены ветра, кольцо вместе со щитом медленно поворачивалось то вперед, то назад.

– Йо-ху, сладкая парочка! – догнал их голос с кормовой части. Это Кларк Б. Кларк махал им руками из-под трепещущего на ветру навеса, сделанного из парашюта, который был натянут от юта до гиков. Надуваясь и опадая под дуновением легкого бриза, шелк переливался всеми цветами радуги. В чуть приподнятом кокпите виднелись отполированные штурвал и нактоуз капитанского компаса. И то и другое выглядело как бесценный антиквариат. Вокруг кокпита на подушках и спасательных жилетах возлежала целая толпа гуляк.

– Идите сюда, господа. Ник хочет вас всем предста-

вить.

Николай Левертов покоился на целой горе надутых оранжевых спасательных жилетов в окружении девиц и черного лабрадора. Лабрадор чем-то напомнил Айку Болвана – собаку Луизы Луп, но он явно принадлежал девице, устроившейся ближе всего к Нику, – полногрудой брюнетке в прозрачной пижаме. Она играла с псом мокрым плетеным мячиком.

Кроме Левертова, здесь было еще несколько лиц мужского пола – рыбаки, Чед Эверт, занимавшийся торговлей «Хондами», и Норман Вонг. Все остальные – женщины. Среди них Аик различил и Алису. Как мать Николая, она стояла в кокпите, возвышаясь над всем этим гаремом, в наряде еще более экзотическом, чем два дня назад.

По случаю приема она напялила на себя выходное платье своей бабушки, красное с черными шерстяными аппликациями в форме птиц с контурами, расшитыми огромными перламутровыми пуговицами. Платье было красивым, но Алиса в свойственной ей вызывающей манере нацепила еще и шляпку из леопардовой шкуры. Увидев Айка, она взглянула на него с видом вдовствующей королевы какого-нибудь заштатного государства Третьего-с-половиной мира. Они поздоровались, и Ник принялся всех друг с другом знакомить.

– Исаак, позволь представить тебе Татьяну. – Его белая рука вспорхнула и затрепетала, как тогда, с пригласительными билетами. – А это Ингрид, она уже скрасила несколько часов мистеру Гриру, насколько я помню. Это Гретхен.

Девушки протянули руки и заулыбались именно с той непосредственностью, о которой уже рассказывал Грир.

– Конечно, вы оба знакомы с моей мамой, миссис Кармоди, и, естественно, вы прекрасно знаете, – длинным белым пальцем он указал на брюнетку в прозрачной пижаме, – миссис Луизу Левертову – в новом обличье вы могли и не узнать ее.

– Миссис Луиза Луп-Левертова, – поправила Лулу, откидываясь назад, чтобы дать Исааку возможность рассмотреть себя.

– Так я и знал, что мне знаком этот черный лабрадор, – заметил Айк.

– Отлично выглядишь, Лулу, – кивнул Грир.

– И чувствую себя отлично, Эмиль. А как ты, Айк? Все в порядке? Может, ты еще не знаешь, Никки, но Исаак Соллес с трудом привыкает к хорошему. Наверное, считает, что это может повредить его репутации.

– Я это помню еще с тех времен, когда мы вместе отбывали срок, Луиза. Эй, ну-ка отдай! – и без всяких предупреждений Левертов выхватил у пса замусолен-

ный мячик и швырнул его за борт. Лабрадор без промедлений последовал туда же, невзирая на тридцать футов, отделявших его от воды. Грир подоспел к борту как раз в тот момент, когда пес, подняв фонтан брызг, скрылся под водой.

– С ним все в порядке, – мрачно заметил Норман Вонг. – Они это проделывают уже раз в шестой. Он огибает корпус с мячом в зубах, а мой брат Ллойд помогает ему взобраться на борт.

– У него уходит столько времени, чтобы найти нас, – хихикнула Лулу. – Дает нам передохнуть.

Ник уже забыл о собаке и пристально вглядывался в толпу на палубе.

– Прекрасно. Вот и фотограф. Мама... Луиза... Татьяна... встаньте-ка поближе.

По трапу пробирался человек с огромным старомодным фотоаппаратом на треноге.

– Вообще-то я хочу сделать семейный портрет, но ты, Исаак, можешь присоединиться к нам со своим приятелем, – улыбнулся Ник. – Похоже, вы оба имеете на это право...

– Спасибо, воздержусь, – ответил Грир, отскакивая в сторону.

– Я тоже, Ник. Без нас твой гарем и твоя королева будут выглядеть лучше. – Айк кинул взгляд на Алису. – И конечно же, царственная мать. – Он заметил, как

напряглась у нее шея, но она промолчала.

Айк с Гриром отошли к остальным мужчинам, потягивавшим свои напитки в стороне. Норман Вонг с жалким видом придвинулся к ним ближе.

– Есть слухи от Кальмара.

– Правда? – схватил его за руку Грир. – Где он? Что случилось? Почему его нет здесь? Я уже устал от всех этих обязанностей...

– Он в больнице в Скагуэе. Поругался с кем-то и загремел в больницу. Вроде перелом копчика. Говорит, что его не выпишут, пока кто-нибудь не заберет его под свою ответственность. Хочет, чтобы за ним приехала пара братьев.

– В Скагуэй? – рассмеялся Айк. – Он рехнулся. Есть дела посерьезней, чем его задница.

– Мы поедem, – вызвался Грир. – Айк возьмет напрокат самолет, и утром мы вылетим. Точно.

– На это он и надеялся, – кивнул Норман. – Что это будете вы с Айком.

– Постой, – попытался встрять Айк.

– Он наш брат, топ ами. Наш президент! И не забывай: брат брату головой в уплату.

– А кто его отделал, Норм?

– Помните бывшего полузащитника «Медведей», который спас жену Грира от геенны огненной? Тэда Гринера?

– Святошу Гринера?! – с ужасом воскликнул Грир. – Черножопый мормон шестьдесят два дюйма ростом на двести девяносто фунтов веса. Мразь Господня!

– Так это он? Он, кажется, женился на твоей бывшей.

– Он уже был женат, – возразил Грир. – Как же это он мог жениться еще на одной?

– У него их пять, – уточнил Норман Вонг. – Билли говорил, что Гринер получил специальное разрешение на это.

– Пять? – потрясенно повторил Грир. – А как можно получить такое разрешение?

– Помню Гринера, – кивнул Исаак. – Он как-то пытался спасти мою душу, когда мы принимали участие в праздновании годовщины Золотой лихорадки в Скагуэе. Точно, мразь Господня. Никогда не думал, что он может оказаться в одной компании с Кальмаром.

– У Кальмара есть подружка в Скагуэе, которая торгует гамбургерами. Говорит, заскочил к ней перекусить и поболтать, и тут появился Гринер. Наверное, он собирался добавить ее к своей коллекции спасенных от геенны огненной. Билли выступил против этого, и Гринер сломал ему копчик.

– Zut alors, – покачал головой Грир. – Какое унижение для бедного Кальмара.

– Еще большее, чем ты думаешь. Он отнял у Билли

всю пиротехнику и выбросил ее в реку. Билли говорит, это дерьмо выбросило бы и кейс, если бы тот не был пристегнут к его запястью.

– А мог бы и взорвать.

– Все отнял! И дурь, и пиротехнику! – Грир отпустил Нормана и вцепился в руку Айка. – Ну теперь это уже не просто наша братская обязанность, Исаак. Мы имеем дело с катастрофой регионального масштаба.

Норман мрачно кивнул.

– Билли сказал, что если вы не сможете, чтобы прилетал я с братом Ирвином. Но мы тоже не можем. Во вторник у стариков пятидесятилетие свадьбы, и Вонги соберутся со всей страны, даже из Сан-Франциско.

– Алиса хотела, чтобы мы были у нее под рукой завтра, – заметил Аик, пытаясь высвободить свою руку. Он чувствовал, что его снова припирают к стенке. – На случай, если вернется Кармоди...

– Кармоди не скоро вернется, Исаак, – ответил Норман. – Он ушел в загул. Смотрите. А вон и несчастный пес...

Черный лабрадор, повесив голову и поджав хвост, карабкался по трапу с мячиком в зубах, словно стыдился того, что потратил так много времени на это простое дело. Он так дрожал, что даже не мог стряхнуть с себя воду. Николай взглянул на мокрого зверя и решил, что фотосъемка закончена.

– Баста. Полуутопленные собаки совершенно ни к чему нам на семейном портрете. Фотограф, свободен. Исаак! Ребята! Возвращайтесь. Съемки закончены, возлияния продолжаются.

Айк с облегчением оставил Нормана и Грира и направился к бару.

– Джин с тоником, Алиса. Кажется, я подхватил малярию.

Однако облегчение было недолгим. Не успел он сделать глоток из высокого стакана, приготовленного ему Алисой, как из кормового люка вынырнул Кларк Б. Кларк. Пробравшись к Левертову, он принялся что-то горячо шептать ему на ухо, указывая на Айку. Потрескавшиеся губы альбиноса растянулись в широкой улыбке, с которой он и повернулся к Айку.

– Ну и ну, дружище. Великий Герхардт Стебинс просит, чтобы ты почтил его своим присутствием в большом конференц-зале. Кларк Б. отведет тебя. И захвати с собой свой стакан. При встрече с великими мира сего у многих пересыхает горло. А мы пока... – Он снова выхватил мячик у лабрадора и опять бросил его в воду. – ...Продолжим.

Огромный черный пес нырнул за борт.

Айк, ослабившись, последовал за Кларком вниз по полированной тиковой лестнице. Он и сам не понимал, почему с такой готовностью откликнулся на при-

глашение Стебинса. Мифические личности производили на него мало впечатления. И уж точно он не собирался участвовать в грядущих съемках. Он прекрасно знал, что в механическом чреве этого кита нет ничего такого, к чему бы он стремился или что могло бы принести пользу. Скорее всего, он был движим обыкновенным любопытством.

Они проследовали по изящному коридору, с обеих сторон которого располагались ряды кают с приоткрытыми дверями. Не то для вентиляции, не то для эффективности, так как их сияющее убранство не могло не производить впечатления. Эти каюты с успехом мог бы занимать командный состав НАСА или военно-морского флота Соединенных Штатов. В одной из кают располагалась настоящая монтажная установка с тремя плоскими экранами для 70-миллиметровой пленки с компьютерным видеуправлением. В другой находилась миниатюрная лаборатория, уставленная игрушечными бутылочками, трубочками и мензурочками. Неудивительно, что на борту был такой выбор деликатесов.

Кларк Б. отступил к стене и пропустил Айка вперед. – Туда, – сияя, сообщил он.

Дверь в конце коридора бесшумно отворилась, обнаружив за собой заполненное людьми помещение. Это был главный салон. Однажды в Монтерее Ай-

ку попался в руки номер «Фортуны» двадцатипяти-летней давности. Главный материал и центральный разворот были посвящены 280-футовой яхте саудовского бизнесмена Алдана Кашогги «Наблия». На фотографиях были изображены роскошные интерьеры судна с водяными матрасами королевских размеров под зеркальными потолками, рядом с которыми располагались панели управления освещением. Центральный разворот был посвящен главному салону «Наблии», обставленному замшевыми оттоманками и украшенному тайскими драпировками. Все это напоминало шатер могущественного паши, подготовленный к встрече всех великих пустынных шейхов. На фотографиях были изображены лазуритовые столы с блюдами, на которых высились горы инжира и гранатов, дымящиеся кальяны и самовары. А золотой сфинкс изрыгал шампанское, струившееся в мраморную чашу, которую он держал между лап. И теперь Айк вспомнил заголовок этой статьи о яхте Кашогги – «Небывалая плавучая роскошь».

Похоже, автор никогда не видел «Чернобулки».

Переборки и потолок были сделаны из специально-го материала, который создавал впечатление, что салон находится внутри глетчера. Все вокруг было залито молочно-голубым флуоресцентным светом. Поэтому казалось, что мебель, вращаясь как кожаные спут-

ники, парит над коврами. Люди словно левитировали в этом неземном сиянии, перемещаясь в воздухе как сборище смущенных призраков.

Взгляду Айка предстала целая коллекция выдающихся обитателей города: обязательный в таких случаях реликт в лице отца Прибылова, управляющий банком Джек Макдермит и мэр Сол Бисон пыхтели немисливо длинными сигарами и потягивали бренди, вполуха слушая директора школы Йоргенсена, который объяснял механизм действия старинной медной астроябии, стоявшей на полке. Старшие братья Вонг, оцепенев от напряжения, сидели бок о бок на изящной английской козетке, сжимая в своих лапищах крохотные рюмочки с бренди. А напротив них на подушках, скрестив ноги, сидели их престарелые родители, пившие, кажется, настоящий китайский чай из настоящих китайских чашек. Шеф полиции Гилстреп подтрунивал над своим тестем преподобным Вайнс-эпом, демонстрируя ему средневековый пояс верности, обнаруженный им в коллекции редкого оружия.

Томми Тугиак Старший стоял, прислонившись к переборке, с расфокусированным взглядом. Будучи президентом и главным держателем акций «Морского ворона», он представлял интересы сотни ПАП, а также местной радиостанции «ПАПа». Студия гордилась пятизначным номером частоты и регулярно пре-

рывала сетку вещания, чтобы сообщить имена победителей в бинго, или вставляла незапланированное ток-шоу, направленное на снижение количества самоубийств среди местного населения. Федеральная комиссия связи не обращала внимания на нарушение правил, заметив однажды: «В конце концов, это их эфир».

У Томми в руках тоже была длинная сигара и рюмочка с бренди. Видимо, это был стандартный набор на этом приеме. Прежде чем Айк успел что бы то ни было произнести, ему тоже вручили импортную панетеллу и хрустальную рюмку бренди. Он прикурил и, оглядываясь по сторонам, принялся ждать. Похоже, приглашенные были специально отобраны для того, чтобы в их присутствии можно было сделать какое-то важное объявление. Но зачем пригласили его? Что этому Стебинсу от него нужно? Пока Айк размышлял над этими вопросами, мимо, сияя, прошествовал Кларк Б. Кларк, севший рядом и тут же кокетливо сообщивший, что и он был когда-то Мстителем.

– Да. Только держи язык за зубами. Но старину Кларка Б. когда-то вышвырнули из Сан-Хосе за то, что он взорвал их коллектор сточных вод, которые, как выяснилось, стекали прямо в залив. Есть о чем вспомнить. Когда об этом узнал Лукас, он наградил меня стипендией. И я начал специализироваться в

киновраках. Ну ладно, приятно было с тобой поговорить... – Кларк Б. Кларк похлопал Айку по колену и встал. – Думаю, сейчас начнется брифинг. Так что пойду потороплю капитана.

И он, как угорь сквозь бурые водоросли, заскользил между группками горожан к узкой дверце в конце салона. Аик потягивал бренди, испытывая все большее и большее недоумение. К примеру, эти приглашения – ведь для того, чтобы отобрать кандидатуры и выравнять их имена, требовалось время. Значит, появление в Квинаке было давно запланированной акцией.

Из узкой дверцы снова появился Кларк Б. Кларк. В проходе за его спиной возникла сухопарая фигура мужчины с опущенной головой.

– Господа и... – Внимательный взгляд Кларка заскользил по салону, пока не наткнулся на миссис Вонг... – Дама... Вначале, со всей искренностью, я хочу сообщить вам, что мы все на «Чернобурке» страшно благодарны вам за ваше терпение и снисходительность, с которой вы откликнулись на насущные... как бы это выразиться...

– Как насчет того, чтобы заткнуться...

Раздавшийся голос был настолько тягуче-провинциальным, настолько вульгарно-пошлым, что сначала собравшиеся решили, что он принадлежит кому-то

из местных.

– И исчезнуть?

Кларк Б. Кларк подобострастно отодвинулся на пару дюймов.

– Дама и господа, позвольте мне представить вам нашего главнокомандующего Герхардта Лютера Стебинса, обладателя четырех Оскаров, пяти почетных степеней, шести авторских...

– Пошел прочь, щенок...

Кларк Б. Кларк отскочил в сторону.

– Великий Герхардт Стебинс!

В гробовой тишине в салоне возник очень пожилой человек с грязно-седой шевелюрой и черной повязкой на глазу. Если Айк и надеялся на встречу с каким-нибудь зловещим гением, обитавшим в самом чреве этой блестящей паутины, то его постигло глубокое разочарование: у этого гения были деревенский выговор и ветчинная харя. Всемирно известный Герхардт Лютер Стебинс был обычным костлявым увальнем с юга Америки. Айк прикинул, что в период расцвета этот сильно поношенный остов носил на себе, наверное, еще пару дюжин фунтов, но и сейчас старик выглядел поразительно хорошо. Загорелые руки были крепкими, а шишковатые пальцы свидетельствовали о том, что они были знакомы с тяжелым физическим трудом.

Стебинс глубоко вдохнул и шумно выдохнул, отчего вся его грудная клетка пришла в движение, и его одинокий глаз оценивающе заскользил по собравшимся. Затем он поднял большой стакан с янтарным виски и выпил за здоровье гостей. Он все еще пил, когда дверь в салон открылась и в проеме появился Николай Левертов в сопровождении коренастого коротышки в белом костюме морского офицера, на лице которого застыла тяжелая сладострастная ухмылка индуистского божка. При виде него улыбка Стебинса стала еще шире.

– Я и забыл о тебе, Снежок.

– Этого не следовало делать, капитан Стебинс.

– Больше не буду, мистер Левертов. – Стебинс снова поднял свой стакан и обратился к присутствующим: – Возможно, многие из вас уже знакомы с Ником Леверовым. Это его вина в том, что мы так нагрязнили. Это он убедил киноворотил в том, что его родной Квинак обладает всеми необходимыми качествами для реализации нашего проекта. Не так ли, Ник?

– Совершенно верно, – кивнул Левертов.

– Совершенно верно, капитан Стебинс, – восторженно откликнулся Кларк Б. Кларк с противоположного конца.

– А вон тот пижон, что стоит рядом с Ником, это первый помощник капитана мистер Сингх. Он-то и управ-

ляет на самом деле «Чернобуркой», а я только так, для вида.

Мистер Сингх и ухом не повел. У Айка начали закрадываться подозрения, что на борту этой яхты все не так уж безоблачно, как можно было бы подумать.

– Короче, как я уже сказал, дело в ваших неповторимых особенностях. Вот почему мы решили взять быка за яйца и раскрыть свои карты.

– Именно за яйца, – эхом откликнулся Кларк.

Первый помощник Сингх сел, а Левертов, продолжая стоять, кивком показал Стебинсу, что можно продолжать.

– И, наверное, для начала лучше всего поставить вас в известность, что за кашу мы завариваем. То есть что почем? Никто не хочет высказать своих предположений? Нет?

Голубой глаз начал прочесывать аудиторию. И мэр Бисон решил рискнуть.

– Ну, у меня есть некоторые предварительные догадки, – осклабился он. – Когда прошлой осенью мы вели переговоры с мистером Кларком, речь шла о бюджете где-то в районе девяноста миллионов.

– Это были лишь предварительные наметки, – заметил Стебинс. – Если карты не врут, то сейчас речь идет о сумме в десятки раз больше.

– Вот именно что в десятки, – подхватил Кларк. –

И эти деньги потекут в Квинак, как приливная волна.
– Как зеленая шуршащая волна. – Старик бросил взгляд на Левертова и продолжил: – И мы хотим, чтобы все горожане стали нашими партнерами в этом предприятии. Чтобы они сделались акционерами! Мы пустимся в совместное плавание и будем все делить пополам. Или вместе пойдем ко дну. Потому что мы хотим, чтобы вы знали: мы приехали сюда не обирать вас. Мы хотим сделать вас богатыми. Ну что, давай покажем им карты.

Кларк Б. Кларк метнулся мимо Стебинса и выкатил из прохода зачехленный демонстрационный экран, который тут же переложил на длинный овальный стол. А когда будущие акционеры заняли свои места вокруг, стало ясно, что все было затеяно именно ради этого. Айк устроился как можно дальше, в самом конце стола. Каждому были предложены по записной книжке с ручкой, пепельнице и подставке для рюмки – все в форме игральных карт, как и приглашения, с эмблемой «Чернобурки» в центре. Айк поставил на подставку джин с тоником и подвинулся ближе к столу.

– Если кто-то хочет освежиться, просто поднимите руку, – сообщил всем Кларк Б., помахав парнише с передвижным баром. – Герхардт любит, когда слушатели чувствуют себя вольготно.

Все представители «Морского ворона» воспользо-

вались этим предложением, впрочем, как и Вонги. Их родители продолжали лелеять свои крохотные чашечки с чаем, как изнеженных колибри. Когда парниша с напитками подошел к Айку, тот покачал головой и накрыл стакан рукой. Рядом послышались бряканье пуговиц и шепот.

– Кажется, мне уже довольно. – И Алиса заняла место рядом с Айком. Вероятно, она проскользнула в салон незамеченной вслед за сыном.

Кларк Б. суетился вокруг стола, рассаживая ПАП в кресла и на диваны. Стебинс, заложив руки за спину и широко расставив ноги, как при качке, терпеливо дожидался, когда все рассядутся. Николай пробрался к нему за спину и теперь, оперевшись на подлокотник, восседал на одной из козеток. Полы белого пиджака разметались в разные стороны, как богатый мех.

– О'кей, – наконец промурлыкал Стебинс и расчехлил экран. На нем была изображена подробная голограмма Квинака и окрестностей. Не было упущено ничего, и все выглядело гораздо ярче, чем в реальности, – глетчер, залив и доки, магазины и улицы с их изгибами и перекрестками – все было изображено с юмором, но абсолютно достоверно. Карта охватывала пространство от дома Кармоди на дальнем конце залива до свалки и водонапорной башни в предгорьях. Айк обнаружил на ней даже свой трейлер, перед

которым спала карикатурно изображенная собака.

– Неплохо, а, Соллес? – прошептала Алиса. – Я думаю, это даже на тебя должно произвести впечатление...

Эта голограмма шириной в пять футов точно отображала все характерные особенности местности – географические, социальные, мифологические. У южной пристани, например, был изображен указатель канала, именно на том месте, где его искали предки. А на восточном склоне скалы Безнадежности располагался маяк, как раз там, где и находился, а в верхнем его окошечке виднелась голова зрителя, который держал в руке фонарь «молния». И маленький глетчер в заливе был на месте, только по его склону на лыжах несли бурый медведь в защитных очках и с развевающимся красным шарфом за спиной. Отдаленные вершины Колчедановых гор охранял мультяшный баран со своей отарой. А над всем этим в чистом голубом небе плыли пушистые облака с голубыми глазами.

– Итак, – проурчал Стебинс, когда все насмотрелись вдоволь, – вы видите свое благородное селение в том виде, в каком оно находится сейчас. У кого-нибудь есть вопросы?

Айк почувствовал, что у него внезапно пересохло во рту, как и предсказывал Ник. Вопросов ни у кого не

было.

– Ну и хорошо, – продолжил Стебинс. – А теперь, – он указал на карту, и его глаза заискрились мальчишеским задором, – вот как оно может выглядеть уже через неделю, если мы с вами договоримся. Давай, зануда!

Кларк Б. подскочил к карте и вытащил следующую голограмму. Она точно повторяла контуры предыдущей карты, только с некоторыми изменениями в мультяшных сюжетах. Дома выглядели более опрятно. На месте полуразрушенного консервного завода высилась живописная скала. У подножия глетчера расположился длинный индейский вигвам с разукрашенными тотемными столбами по бокам. Фасад вигвама был выполнен в виде стилизованной головы ворона, из клюва которого свисала пучеглазая лягушка с растопыренными лапами. А входом в вигвам являлась овальная клоака лягушки.

– Родовой знак Морского клана, – прошептала Алиса. – В реальности никогда не существовал. Чистая выдумка. Лягушачий вигвам упоминается только в сказках Шулы.

Стебинс повернулся на шепот и сфокусировал взгляд своего голубого глаза.

– Вы ведь мама Ника, я не ошибаюсь? – громогласно осведомился он.

– Да, я – миссис Майкл Кармоди.

– Так я и думал, миссис Кармоди, – хихикнул Стебинс. – Я слышал, что вы умная, красивая и откровенная женщина. А других таких здесь нет. И конечно же, вы абсолютно правы, мэм. Чистая выдумка. Фантазия. Но именно за это мы любим Шулу и ее мир. Потому что это несуществующий мир. Он полностью выдуман Изабеллой Анюткой, урожденной Речел Руфь Остсинд, проживавшей, кстати, в Нью-Джерси. Все понарошку. Но скажите мне, что для вас более реально – Нью-Джерси или Изумрудный город из страны Оз? – Он перевел свой глаз на остальных присутствующих. – Поэтому мы не сомневаемся в успехе. Старая фантастическая история плюс ваш новый фантастический город. Вы знаете, какая температура воздуха была вчера в Нью-Йорке? Сто двенадцать градусов. Ниже сотни она теперь опускается только перед самым рассветом. Почитайте газеты. Не хочу вас обижать, ребята, но у вас здесь маленький, хоть и засранный, рай, а вы и не догадываетесь об этом. Мы хотим показать этот рай остальному задышающемуся человечеству сначала в полнометражном фильме, а потом в сериале. Мы завоюем всемирную известность и вызовем неувядающий интерес публики. Ну так что?

Никто не шелохнулся – все были околдованы низким голосом и роскошными обещаниями Стебинса.

– Хорошо. А теперь – как мы собираемся к этому приступить. Прежде всего нам потребуется пространство – съемочные павильоны, места жительства для персонала, склады для декораций, ну и прочая ерунда такого рода. Думаю, вы даже представить себе не можете, сколько народа будет задействовано в этом проекте. Вот, например, в контрактах водителей грузового транспорта записано, что мы обязаны обеспечивать их сауной, а иначе они отказываются работать. А аренда помещений стоит очень дорого. Вы уж мне поверьте.

– Да, поверьте ему, – выразительно закивал Кларк Б. – Старина Герхардт настолько превысил бюджет в своем последнем провальном проекте, что мы еле унесли ноги от кредиторов. Если бы не наши азиатские акционеры, мы бы лишились студии.

Тройка в темно-синих двубортных костюмах учтиво поклонилась Кларку. Это трио представляло Всемирную федерацию породненных городов.

– Поэтому на этот раз, – продолжил Стебинс, – мы предлагаем партнерство. Для пущей простоты, как выражался мой дедушка, – вы или сдаете нам в аренду за наличные, или предоставляете внаем за проценты. Тогда вы все можете стать акционерами. Наши люди договорятся с каждым из вас, как вам удобно. Некоторые уже высказали свои пожелания. Так, Би-

сон отдает нам свою гостиницу. Тугиак сказал, что мы можем рассчитывать на таверну «Морской ворон». – Стебинс вынул из кармана листок бумаги. – Херб Том сказал, что поддержит нас своим бизнесом. И многие другие. Однако никто не обязан принимать решения прямо сейчас. Посчитайте. Подумайте. «Чернобурка» согласится с любым вашим желанием.

Никто не шелохнулся. Через монотонный гул кондиционеров доносились приглушенные удары усилителей «Вишневых Девчат». Стебинс перевел свой голубой глаз на козетку, где возлежал Левертов.

– Что-нибудь еще?

– Не сегодня, капитан Стебинс, – промурлыкал Ник. – Вы прекрасно справились. – И Левертов одним движением вскочил на ноги. – Не правда ли, друзья? Как насчет того, чтобы помочь величайшему режиссеру двадцатого столетия Герхардту Стебинсу?

Аплодисменты проводили костлявую спину старика, удалившегося в свои покои и закрывшего за собой дверь.

Алиса бросила взгляд на часы.

– По крайней мере, они ясно говорят, чего хотят.

– За исключением того, чего они хотят лично от нас, – откликнулся Айк. – Лично у меня нет ни мотелей, ни контор по аренде машин. Так что же им надо от меня?

Но прежде чем Алиса успела ответить, Айка окликнули из глубины салона: «Эй, Исаак Соллес!»

– Мистер Стебинс хотел бы лично поздороваться с вами, если вы не возражаете, – энергично махал рукой Кларк Б.

Капитанские апартаменты выглядели столь же старомодно, сколь современно вся остальная яхта. Всякие лампы освещали дуб, медь и кожу. Теплый ковер покрывал пол, а стены и переборки были завешаны картинами с изображениями старинных кораблей. Под столом аккуратно размещены ящики с картами. Около судового сундука с инкрустацией из слоновой кости высился бронзовый телескоп на треноге. В центре стоял ломберный столик с приготовленными картами и чинами.

Стебинс, стоя у орехового буфета, смешивал себе питье. Услышав Айка, он повернулся к нему с широкой улыбкой.

– Исаак Соллес! Заходи и закрой за собой дверь. – Старик поспешил ему навстречу с протянутой рукой. – Сынок, для меня это такая честь. Ты единственный благородный герой, который всегда был для меня кумиром. Две трети жизни меня преследовали поклонники, так что теперь я имею право побыть на их месте. Как я рад наконец познакомиться с тобой!

Айк пробормотал что-то невнятное и кивнул. Ла-

донь старика оказалась гораздо жестче, чем он ожидал, что было особенно неожиданным в окружении всей этой роскоши. Было ясно, что она знавала худшие времена и умела справляться с канатами.

– Я преклоняюсь перед тобой, начиная с твоего первого выступления – где это было? В Сакраменто?

– В Мадере. На ярмарке округа. – Айк почувствовал, что, как ребенок, заливается краской. – После этого я почти их не устраивал.

– Где бы это ни было, но ты всех нас втравил в неприятности, разбойник. У меня было очень выгодное дельце по производству жареных цыплят по-кентуккийски. Но когда я услышал новости, то напрямик отправился на студию и вывалил полное ведро потрохов и соуса на голову этому режиссеру-вундеркинду. Меня, естественно, тут же выкинули на улицу, и прошло несколько месяцев, прежде чем мой агент подыскал мне новый контракт.

– Простите, – промямлил Айк. – Благодаря окружающему прокурору очень многие тогда лишились работы из-за меня.

– Простить? – Старик опустил свою огромную лапу Исааку на плечо. – Господи, да о чем речь! К тому же что нас жалеть, старых кобелей? Может, это был единственный справедливый пинок, который мы получили за всю свою жизнь. Ты был героем и остаешь-

ся им, а герои всегда нужны. Я всегда говорю – хочешь пожалеть кого-нибудь, пожалей себя. Это полезнее. Как бы там ни было, для меня большая честь приехать сюда и познакомиться с тобой. Можно я тебе плесну четырехзвездочного? А настоящего «Хеннеси»? Может, «Гавану»?

Айк поблагодарил и сказал, что на палубе его ждут друзья.

– Ты откровенен. Но позволь мне тебе дать маленький совет, сынок: между нами – держись подальше от этих акций, если только не хочешь, чтобы тебя ободрали как липку.

– Мне показалось, вы сказали, что это самая выгодная сделка, о которой только можно мечтать.

Старик стащил свою черную повязку, так что теперь оба глаза у него залучились мальчишеским задором.

– Работа есть работа, сынок. Это ведь шоу-бизнес. И еще одно – присматривай за своим лагерным дружкой. У него на тебя зуб, а его не зря зовут Большой Белой Акулой. Но об этом ни слова, слышишь? Я от всего отойду. Я вру как сапожник, когда в этом возникает необходимость. В покер играешь? Простой американский вариант: доллар за вход, максимальный взнос – три.

– За решеткой играл. Только там за вход платили одной затяжкой.

– При хорошей игре не так важно, что лежит в банке. Партнеры – вот что важно. Личности. Ты, наверное, знаешь, кто тут играет.

Айк улыбнулся.

– Мой хозяин Кармоди готов отказаться от еды ради покера... а он очень любит поесть. И мой напарник утверждает, что профессионально играл в покер в Порт-о-Пренсе.

– То, что надо. Решите сами, когда будем играть.

– Возможно, мне придется уехать на несколько дней.

– Значит, когда вернешься. В любой день. Мне очень хочется посмотреть, как великий бандит будет сопротивляться блефу.

Черная повязка снова заняла свое место, словно дверь закрылась.

В салоне и по дороге на палубу Айк старался не встречаться глазами с кем бы то ни было. Грира не было, зато он заметил Алису, которая вернулась к своим обязанностям барменши у нактоуза.

– Я созрел для двойного, Алиса. И если ты не возражаешь, я завтра уеду.

– Да? А что такое?

– Грир хочет, чтобы я слетал с ним в Скагуэй.

– А что, Эмиль не может слетать один?

– Нам нужно вызволить одного травмированного

друга.

Алиса пожала плечами.

– Если Кармоди не появится, поезжайте, почему бы и нет. Может, вы и старого пирата спасете заодно. Убьете двух зайцев одним героическим выстрелом.

Айк пропустил мимо ушей эту колкость. К счастью, она не стала спрашивать, о чем они говорили со Стебинсом. Айк не был уверен, что сумеет проявить осмотрительность, в особенности относительно того, что касалось Левертова. А какой матери могло понравиться, когда ее сына называют акулой?

8. Не снижай обороты, чтобы застать их врасплох

Айк проснулся с рассветом и сразу же отправился крепить снасти и такелаж. Когда к десяти утра выяснилось, что сведений о странствующем Майкле Кармоди все еще не поступило, Айк двинулся обратно к трейлеру, чтобы разбудить Грира. Он и сам не мог объяснить себе, почему согласился на эту спасательную операцию. Лично он не испытывал никакого желания вызволять Билли Кальмара. И дело было совсем не в личных качествах последнего. Билли действительно обладал выдающимися способностями. Айк не раз видел, как тот выигрывал пари, извлекая в уме громоздкие квадратные корни быстрее, чем соперник на калькуляторе. Однажды он присутствовал при полемике, затеянной Билли с каким-то проезжим профессором по проблемам виртуальной гидравлики, когда Кальмар не только опроверг целый ряд теорий последнего, но и поверг беднягу в состояние Острого Незаслуженного Профессионального Шока, как он называл это позднее. Билли Кальмар умел заговаривать зубы. И прикол заключался в том, что он доставал собеседника, как назойливая муха.

С другой стороны, это был повод исчезнуть из города как раз в тот момент, когда впервые за многие годы Исаак Соллес почувствовал в этом необходимость.

Грира было не добудиться. Чайник был пуст, а Грир пребывал во власти наркотических видений. Самым серьезным осложнением, с которым сталкивались люди, когда бросали принимать дурь, была повышенная потребность в сне, даже не столько в самом сне, сколько в сновидениях. Принимая дурь, можно было спать, но фаза быстрого сна при этом отсутствовала. Наркотик не оставлял в сознании зазора, в который могли бы влезть сны. Сновидения, как самолеты, ожидавшие, когда летное поле очистится и им будет предоставлена посадка, скапливались и кружили, поднимаясь все выше и выше. Когда Айк впервые вышел из тюрьмы, а дурь только-только появилась на улицах, он употреблял ее по несколько дней кряду – и не для того постоянного прилива энергии, который она давала, как и не ради сладкого забвения, без грез и видений, но во имя этого сокрушительного обвала снов, который наступал вслед за абстиненцией. Иногда сны были чистыми и светлыми, иногда снились кошмары, но какими бы они ни были, они принадлежали лично тебе. В тюрьме всем снились одинаковые сны.

– Залезай под душ, – приказал Айк покачивавшему-

ся голому Гриру. – Я отправлю Марли под трейлер.

– Марли и здесь нравится.

– Здесь Марли гадит.

– Под трейлером, старик, на него может кто-нибудь напасть. Какой-нибудь боров Лупов. Марли не сможет от него убежать.

– Хорошо, я оставляю дверь открытой для него. Захочет – пригласит борова в трейлер. Давай шевелись, если мы куда-нибудь собираемся. Херб Том уже все приготовил.

– И что он нам дает? – осведомился Грир из-под душа. – Надеюсь, «Пайпер».

– «Пайпер» в постоянное пользование забрала съемочная группа. Как и все остальные турбореактивные машины. Нам дают «Оттер».

– Этот драндулет? – Грир начал просыпаться. – Это сколько же мы будем добираться!

– Позвони Алисе и скажи, что мы ее ждали, а теперь уезжаем. И попроси ее заехать и посмотреть, как тут Марли.

– Мне позвонить? – Грир вылез из-под душа и встряхнулся, как пудель. – Я не готов к этому. Почему бы тебе это не сделать?

– Потому что Марли – твоя собака, и ты являешься действующим президентом Законопослушных Дворняг, и именно ты хочешь отправиться в Скагуэй.

Айк помог Марли спуститься по металлической лестнице. Казалось, старый пес передвигается немного получше, – может, и вправду этот выход в свет пошел ему на пользу. Он самостоятельно доплелся до края площадки, усыпанной ракушечником, и присел, чтобы справить свою нужду. Моча потекла по лапам, и Айк вздохнул, глядя на него. Да, двигаться, может, он стал и лучше, но поднять заднюю лапу по-прежнему не мог. Когда Марли, помахивая хвостом и улыбаясь, вернулся обратно, Айк почесал ему уши и посмотрел в мутные собачьи глаза.

– Как дела, Марл? Как наши старые песьи делишки?

Пес глупо, по-волчьи ухмыльнулся в ответ. Айк поставил под трейлер миску, полную сухого корма, и Марли проследовал за ней. Айк наполнил из крана большое пластиковое ведро и полил печальную карликовую коноплю Грира. В старые времена, еще до эпохи генетического опыления, Грир выращивал марихуану и любил ее. И даже теперь, когда от его плантации осталось несколько хилых, бесплодных мужских кустиков, он продолжал их поддерживать – не для того, чтобы курить, а из чистой сентиментальности. Действенный ингредиент в них давно уже исчез.

Потом Айк заметил свой револьвер на подоконнике и задумался над тем, не взять ли его с собой. Ему

доводилось слышать, что этот Гринер вытворяет довольно жесткие штучки во имя своего Господа. Однако статистика продолжала утверждать, что столкновение с насилием гораздо более вероятно в том случае, когда вы сами вооружены. К тому же вряд ли у них будет повод встречаться с Гринером. Они заберут Кальмара из больницы, загрузят его на борт и вернутся обратно. Айк знал одну подпольную заправку, где они смогут незаметно заполнить баки. А если Билли Кальмар собирается еще сводить с кем-нибудь счеты, то пусть делает это по телефону в свое личное свободное время. Так что отсутствие револьвера только облегчало задачу.

Айк набрал еще одно ведро воды и привязал его к трейлеру, чтобы старый пес не опрокинул его. Потом он постучал по стенке и позвал Грира:

– Мы отправляемся, Грир!

Грир спустился с большой мексиканской сумкой. Душ явно освежил его. Он потряхивал головой и распевал в такт разлетающимся в утреннем солнце брызгам:

– Мы отправля-а-а-емся в дикую даль... В светлый Грааль!

– В синюю даль, – поправил Айк, забираясь на водительское место. – Садись.

– Точно, старик. Я все время забываю, что ты тоже

был героическим пилотом. В не-е-бо уносят нас птицы...

Айк завел мотор и тронулся с места, предоставив Гриру петь. Иногда он и сам забывал многое из своей жизни. Вернее, пытался забыть. Однако когда они затормозили у стоянки Херба Тома, один вид старого «Оттера» заставил его о многом вспомнить. А когда они загрузились в древний гидроплан, который, рыча и сотрясаясь всем корпусом, взмыл над водой, воспоминания нахлынули на Айку полным весом. Он вспомнил своего старого «Мотылька» и все секретные вылеты под покровом берегового тумана. Разве что «Мотылек» никогда не рычал. Его приглашенный двигатель лишь слегка жужжал. Однако медлительность делала оба самолета похожими. Максимальная скорость «Мотылька» была ненамного больше, чем у «Оттера», зато минимальная скорость, при которой он мог оставаться в воздухе, была существенно меньше. В этом заключалось его огромное преимущество. «Мотылек» мог держаться в воздухе при скорости быстро идущего человека, то есть шесть с половиной миль в час. После того как вояки осознали, что ведение боевых действий в современных условиях не требует массивных бомбардировщиков, запускаемых с бортов огромных авианосцев, что гораздо удобнее более мелкие самолеты, оборудованные

приборами ночного видения, которые могут взлетать под покровом темноты и тишины с грузовых судов и использовать поверхность воды вместо посадочной полосы, до «Мотылька» оставался один шаг. Он передвигался ниже уровня радаров, устанавливал таймер на поражение каждой конкретной цели и успевал вернуться на базу еще до того, как противник продирает глаза. Или уже никогда не продирает, в зависимости от груза. Однако, как правило, Айк возил листовки и фальшивую валюту. По заданию ЦРУ он посбрасывал несметное количество фальшивых миллионов на разные южноамериканские государства в целях дестабилизации их экономики... хотя и так было понятно, что на этом пути она не нуждается в посторонней помощи.

«Мотылек» было трудно засечь, а поразить – тяжелее, чем попасть в летучую мышь. Даже если пограничные заставы, оснащенные ракетами класса «земля – воздух», засекали его, их тепловая система самонаведения не могла обнаружить реактивного следа. Противовоздушная оборона тоже была бессильна, так как «Мотыльки» летали ниже уровня ее действия. Самым опасным оружием для них являлись обычные винтовки, так как передвигались «Мотыльки» медленно, а топливный бак у них не был защищен; да и то, когда в них попадали, они редко взры-

вались. Они могли сесть на поверхность реки, правда, а то и вовсе на луг, если на нем было достаточно мокрой травы для скольжения тефлона. А пилот сопровождения столь же легко мог поднять приземлившегося товарища, опустив ему сетку, закрепленную с этой целью между понтонами. Таким образом оба оказывались в воздухе еще до того, как успевал прибыть неприятель. Айк спас таким образом троих: одного из узкой заводи в Заире, другого на песчаной дюне близ Александрии, а третьего – с футбольного поля в центре Иерусалима. Последний был спортивной звездой университета Миссури и пересек поле с мировым рекордом. Догнать его смог лишь свинец, угодивший ему в пятку левой ноги, так что парнишка не смог дотянуться даже до сетки. Поэтому Айку пришлось сесть на землю, перенести истекающего кровью парня в работавший на холостом ходу «Мотылек» и взлететь на глазах у пятидесяти штурмовиков, угрожающе приближавшихся к ним со всех сторон мокрого газона. На экране заднего изображения Айк видел взбешенные лица израильтян и слышал автоматные очереди. За эту операцию он получил военно-морской крест, который ему было запрещено носить в публичных местах: Соединенные Штаты никогда официально не находились в состоянии войны со своим старым союзником Израилем.

Как ни странно, летать Грир совершенно не боялся, хотя из ежегодных статистических отчетов явствовало, что воздухоплавание было занятием куда как более опасным, чем мореходство, особенно на территории провинциальной Аляски. Грир чувствовал себя в воздухе настолько естественно, что не успел «Оттер» оторваться от земли, как он погрузился в глубокий сон. Айка это устраивало: старый двигатель так шумел, что совершенно не хотелось напрягать слух для поддержания беседы.

Набрав высоту в потоке северо-восточного ветра, Айк развернулся обратно к городу на юг на высоте около тысячи футов. Он уже забыл, как приятно смотреть на землю с этой высоты – достаточной, чтобы не находиться в постоянном напряжении, но и не позволяющей забыть о том, что оставлено внизу. Город походил на большую игрушку – игрушечные дома и игрушечные улицы, игрушечные пикапы, карбасы и водонапорные башни – все чистое и свежее, как на картинках из детских книжек. И все до боли знакомое. И тут Айк внезапно понял, что город действительно очень похож на вчерашнюю мультяшную карту. Утиная канава со своим внутренним заливом походила на поле для гольфа с искусственными препятствиями. Церковь и школа выглядели дешевой претензией на роскошь. Жестяная же крыша «Горшка» вполне

могла фигурировать в какой-нибудь комедии положений: вроде шутки и забавы трудолюбивых и суровых северян в настоящем рыбацком баре Аляски. Стари-на Стебинс был прав: Квинак действительно обладал бесценными свойствами, о которых его обитатели не имели никакого представления. Что-то вроде неоре-тро. Они так долго находились на задворках, что пре-вратились в авангард, сами не понимая этого.

Над трейлером Айк сбросил высоту, но Марли вид-но не было. Наверное, старый пес ушел обратно в дом, чтобы закончить свой утренний туалет. Айк сде-лал круг над трейлером и повернул на восток, в сто-рону солнца. Он всегда испытывал странное ооще-ние, когда летел на восток, а оказывался в местах, ко-торые обычно считаются югом. Как, например, Лос-Анджелес расположен на той же долготе, что и Юж-ный полюс. А если кто-нибудь из Квинака соберется лететь на юг, то он и вовсе промахнется мимо Кали-форнии на сотни миль и окажется на Таити. Ну а уж если вы промахнетесь мимо Таити, то и вовсе закон-чите на краю земли, так и не встретив ни одного оби-таемого клочка суши.

До Скагуэя им предстоял шестисотмильный пере-лет. На таком старом драндулете это займет у них большую часть дня. Айк просил Херба Тома связы-ваться с ним по радио, но еще не проверял связь.

Авиадиспетчеров вряд ли это могло встревожить: линии и так были слишком забиты. Как бы то ни было, Айк все равно предпочитал именно такие полеты – блуждания в голубой бесконечности вне расписаний. Если они нарвутся на неприятности, всегда можно будет посадить самолет в какой-нибудь бухточке. Двигатель работал вполне нормально, и единственное, в чем нельзя было быть уверенным, так это в погоде. Поэтому, как древние викинги, которые предпочитали совершать плавания так, чтобы всегда иметь сушу в пределах видимости, Айк старался держаться поближе к воде. Это была привычка, усвоенная им еще со времени полетов на «Мотыльке».

Пролив Принца Уильяма мелькнул слева в иллюминаторе, выглядя с этой высоты вполне жизнеспособным. Единственное свидетельство недуга заключалось в малом количестве кораблей: в когда-то богатейшем рыболовном районе виднелись всего несколько краболовных судов, пара судов для ярусного лова и несколько карбасов с жаберными сетями. Едва можно было насчитать дюжину. Это притом, что стоял високосный год. Было замечено, что богатые путины стали приходиться на високосные годы после разлива нефти в восемьдесят девятом, хотя в последнее время, несмотря на удвоенные усилия инкубаторных станций, уловы неукоснительно умень-

шались. Даже танкеров было не очень много. Теперь голландцы предпочитали ездить за нефтью к скважине более длинным, но и более безопасным путем через Берингов пролив, так как трубопровод в Вальдез, несмотря на прошедшие годы, все еще считался ненадежным. Уже в течение десяти лет не было никаких задокументированных свидетельств о бандитских нападениях, но когда-то произвол здесь свирепствовал вовсю, и нефтяные магнаты продолжали подозрительно относиться к Принцу Уильяму. Случалось, что бандиты нападали даже на заходящие в пролив танкеры – обычно небольшие, у которых можно было заблокировать компьютеры, но нескольких нефтяных магнатов им удалось таким образом парализовать. В ответ начали загружать пластиковой взрывчаткой беспилотные катера и направлять их к месту столкновений. Типа: вы нас, мы вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.